Исторія среднихъ вѣковъ.

Часть 2-я.

Выпускъ 2-й.

Хромо-литогр. Д. Руднева Нов. пер. д. 5

Отдѣлъ II
Римская имперія и Романизація Запада.

I. Вопросъ о всемірно-историческомъ значеніи Римской Имперіи.
(Взглядъ Тацита на Римскую имперію и постепенная выработка положительнаго воззрѣнія на этотъ періодъ въ европейской наукѣ.)

Для того, чтобы хорошенько понять результаты столкновенія и взаимодѣйствія Кельтовъ съ Римлянами, нужно выяснить, что такое представлялъ собою Римскій міръ въ послѣдній великій періодъ своего существованія, - когда на мѣстѣ исчезнувшей республики утвердилась имперія.

Я по обыкновенію приступлю къ этому новому отдѣлу курса „историографически", т.е. покажу, какъ возникли и развивались различные взгляды на Римскую имперію, какъ на періодъ всемірной исторіи.

Римская исторія давно служитъ ареною, на которой сталкиваются историческіе и политическіе писатели, отыскивая законы развитія обществъ. Цѣльная и послѣдовательная въ своемъ развитіи, великая содержаніемъ и богатая вліяніемъ на новую цивилизацію, обработанная первоклассными мыслителями или учеными Европы, каковы Маккіавелли, Вико, Монтескье, Гиббонъ, Нибуръ, Моммсенъ, она до сихъ поръ приковывала вниманіе историковъ, мыслителей и политиковъ. Но болѣе всего интересовались періодомъ республики; имперія же долго казалась періодомъ мрач-

Ист. Средн. вѣков.
Часть IIая выпуск IIой
Лист 1й
Гу.

нымъ, мало интереснымъ, періодомъ деспотизма и ведущаго паденія.

Нибуръ, первый поставившій изученіе римской древности на строго научную почву, изучалъ именно первоначальный періодъ — время развитія <u>національныхъ</u> учрежденій и культуры Римлянъ, и остановился именно тамъ, гдѣ Римское государство пріобрѣтаетъ всемірно-историческое значеніе. Нибуръ, самъ очень холодно рекомендовалъ изученіе времени имперіи, и ученые Нибуровской школы находили въ имперіи лишь разложеніе всего того, что дѣлало предшествующую эпоху (республику) великою, достойною изученія. Они не стараются видѣть въ ней нѣчто большее, чѣмъ видѣли напримѣръ многіе выдающіеся мыслители XVIII вѣка, что нибудь кромѣ упадка нравовъ и гибели свободы, кромѣ тираніи Цезарей, угнетенія и уничтоженія національностей. Отвращеніе это объясняется отчасти политическими причинами, ненавистью къ монархіи Наполеона (въ которой, казалось, много было аналогичнаго съ монархіей Цезарей, и которая пользовалась какъ и Римская имперія универсальными идеями всемірно-монархическихъ тенденцій и для ~~оправданія~~ ~~свободы~~ подавленія другихъ народовъ); отчасти же антипатія ко времени всемірнаго могущества Рима есть отзвукъ мнѣній тѣхъ древнихъ писателей, которые долго служили единственнымъ источникомъ изученія Римской имперіи. Во всякомъ случаѣ послѣднее обстоятельство дало обоснованіе, нежели первому подтвержденію.

1. — Въ числѣ древнихъ писателей изображавшихъ имперію, первое мѣсто принадлежитъ <u>Тациту</u>

(55-119 по Р. Х.). На труды его смотрѣли и въ средніе вѣка, и до Нибура и послѣ, какъ на книгу болѣе или менѣе каноническаго характера для исторіи перваго вѣка имперіи. Такое отношеніе вытекало нетолько изъ отсутствія строгихъ пріемовъ исторической критики, нетолько вслѣдствіе неразработанности и неизвѣстности, въ которой находились тогда многіе другіе источники; оно главнымъ образомъ объясняется громаднымъ писательскимъ талантомъ Тацита. Тонкій и глубокій анализъ души человѣка, сила драматизма въ историческихъ описаніяхъ и повѣствованіяхъ, замѣчательное умѣніе группировать факты, блестящій литературный талантъ при полномъ обладаніи всѣми сокровищами сильнаго выразительнаго языка, наконецъ нравственная строгость, вслѣдствіе сознанія важности задачи историка и принятаго на себя обязательства повѣствовать нелицепріятно — „sine ira et studio" — и вытекающая отсюда величавость тона - всѣ эти замѣчательныя черты, характеризующія Тацита, вполнѣ объясняютъ то подчиняющее вліяніе, которое онъ долго оказывалъ на мысль и сужденіе новыхъ историковъ писателей. Очарованіе Тацитомъ именно въ силу такого огромнаго его писательскаго таланта, могучаго историческаго дарованія и высокаго благородства его нравственной фигуры отразилось и на русской литературѣ. <u>Кудрявцевъ</u> съ увлеченіемъ пишетъ на основаніи его разсказа блестящій очеркъ нравовъ Римскаго общества въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х., вполнѣ дока-

рая полной исторической достовѣрности повѣствованія Тацита („Римскія женщины"). Грановскій также чрезвычайно высоко ставитъ геній Тацита: онъ часто говорилъ, что послѣ Шекспира никакой писатель не даетъ ему такого великаго наслажденія, какъ Тацитъ. Наконецъ въ шестидесятыхъ годахъ у насъ появляется ученая диссертація, спеціально посвященная этому историку, въ которой кромѣ восхищенія литературными достоинствами писателя высказывается опять же довѣріе историческимъ взглядамъ Тацита, которые и защищаются отъ начинавшихся нападокъ критики (x).

Но при всей своей геніальности, при несомнѣнной искренности желанія безпристрастно разсказать истину - Тацитъ односторонен. Онъ не могъ понять имперіи, вполнѣ правильно изобразилъ ее лишь съ одной стороны т.е. невѣрно или неполно, и ввелъ новыхъ историковъ въ заблужденіе. Древніе писатели вообще большіе пессимисты. Идея прогресса имъ почти чужда, они видятъ золотой вѣкъ позади себя, представляютъ себѣ человѣчество фатально идущимъ къ паденію. О римскихъ историкахъ надо еще прибавить, что они являются строгими консерваторами, отличаются часто узкимъ патріотизмомъ, который нерѣдко вредитъ имъ въ пониманіи истори.

(x) Я говорю о кн. В.И. Модестова, Тацитъ и его сочиненія (СПБ. 1864). - Ему же принадлежитъ прекрасный переводъ всѣхъ сочиненій Тацита, вышедшій въ двухъ томахъ въ СПБ. въ 1886-7 г. Сочиненія Корнелія Тацита.

Наконецъ онъ въ сужденіяхъ своихъ болѣе моралистъ, чѣмъ политикъ, и потому упадокъ нравовъ является для него коренной причиной всѣхъ бѣдствій, безошибочнымъ признакомъ паденія человѣчества. Многія изъ этихъ чертъ, общія римскимъ писателямъ, ярко и своеобразно отражаются на произведеніяхъ Тацита.

Тацитъ происходилъ изъ не очень знатной, но древней всаднической семьи, въ которой держались строгихъ традицій старо-римскаго духа. Дѣйствовалъ онъ на политическомъ поприщѣ въ тираническое царствованіе Домиціана, какъ писатель въ послѣдующее болѣе спокойное время Нервы и Траяна. Въ то время существовали еще въ извѣстной группѣ людей республиканскія симпатіи, хотя республиканскія учрежденія пали уже окончательно и не было надежды ихъ возродить. Такія воззрѣнія поддерживались преимущественно среди лицъ, связанныхъ фамильными или сословными преданіями съ республиканскимъ прошлымъ. Тацитъ, конечно, человѣкъ національности и сословія; для него не существуетъ широкой космополитической сцены (x), ему непонятны идеи демократическаго равенства. Народъ, по его мнѣнію есть сила непостоянная, народъ самъ не знаетъ, чего хочетъ онъ въ одно и то

(x) Хотя въ этомъ смыслѣ онъ гораздо менѣе исключителенъ, чѣмъ другіе римскіе писатели: онъ допускаетъ и даже проповѣдуетъ гуманное отношеніе къ другимъ народамъ, даже Евреямъ, Армянамъ; онъ признаетъ добродѣтель за варварами.

же время и желаетъ, и боится переворотовъ („Анн." XV, 46). Тацитъ не сожалѣетъ о времени, когда народъ, т.е. невѣжество, могъ все дѣлать (x). Тацитъ считаетъ аристократовъ за лучшихъ людей, очень недоброжелательно относится къ людямъ, возвысившимся изъ низкаго происхожденія, порицаетъ неравные браки, а также и распространеніе правъ гражданства Клавдіемъ на жителей Галліи. Вообще у него много національныхъ и сословныхъ предразсудковъ, хотя онъ иногда и высказываетъ ту мысль, что и варвары люди. Можно сказать, что идеалъ Тацита консервативно-аристократическій. Ненависть къ тиранніи, любовь къ свободѣ, въ старо-римскомъ смыслѣ, къ гражданской доблести добраго стараго времени, составляли существенныя черты его политическаго настроенія. Республика рисуется ему въ неопредѣленной мглѣ прошедшаго, которая все краситъ. Слава и величіе Рима, думаетъ онъ, созданы были высокимъ нравственнымъ характеромъ римскаго народа и доблестью отдѣльныхъ лицъ. А смотря на настоящее, Тацитъ съ жгучей болью видитъ въ немъ одно паденіе. „Во всемъ, говоритъ онъ, древніе лучше были одарены, чѣмъ мы, и всякій разъ, какъ производится перемѣна, выходитъ хуже." Таково сужденіе, которое можетъ быть выведено изъ многихъ мѣстъ его сочиненій.

Въ личной біографіи Тацита, можно обр

(x) 33я глава 4й кн. Анналовъ заключаетъ любопытное разсужденіе о различныхъ типахъ государ. устройства.

Ткачъ.

скать факты, которые должны были укрепить въ немъ такое безотрадно пессимистическое настроеніе. „Тацитъ былъ преторомъ при Домиціанѣ, говоритъ извѣстный блестящій французскій ученый, Гастонъ Буассье (x), и мы не видимъ, чтобы онъ нашелъ нужнымъ возбуждать противъ себя ненависть императора излишней смѣлостью. Онъ былъ членомъ того робкаго сената, этотъ „лысый Неронъ" пріобщалъ къ своимъ жестокостямъ. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ, чья блѣдность замѣчалась, и чьи вздохи сосчитывались, когда передъ ихъ лицо приводили какую нибудь крупную жертву. Самъ Тацитъ говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ другими велъ Гельвидія въ темницу, гдѣ его вмѣстѣ съ другими обагрила невинная кровь Сенеціона (Agric. 45). Онъ несомнѣнно долженъ былъ страдать отъ такихъ зрѣлищъ и положеній, но онъ переносилъ ихъ, и такъ какъ онъ пережилъ Домиціана и оставался въ чести, нужно думать, что онъ принуждалъ себя дѣлать какъ другіе и что онъ не отказывалъ императору во внѣшнихъ почестяхъ, безъ которыхъ тогда трудно было сохранить положеніе и жизнь."

Такимъ образомъ Тацитъ нисколько страдалъ отъ деспотизма при видѣ его актовъ и страшился его, но, какъ чиновникъ государства, онъ постоянно находился подъ опасностью принимать участіе въ томъ, что самъ считалъ безза-

(x) Въ прекрасной книгѣ его L'opposition sous les Césars, мы найдемъ хорошую характеристику политическаго міровоззрѣнія Тацита.

Сав.

концемъ (x). Въ такомъ подчиненіи деспотизму, не только жизни, но и опредѣленныхъ дѣйствій лежалъ именно трагизмъ положенія такихъ хорошихъ людей какъ Тацитъ во время имперіи. Философамъ оппозиціоннаго направленія въ то время не отводилось дѣйственное, но пассивное, но твердое сопротивленіе насилію, которое впервые выработало христіанство. Они не могли идти по низкой дорогѣ заговорщиковъ въ силу нравственнаго отвращенія а программы настоящихъ революціонеровъ они выработать не сумѣли: надъ ними тяготѣла идея римской „вѣрности государству". Тацитъ невольно хочетъ найти путь примиренія съ имперіей. Онъ говоритъ, что надо желать хорошихъ государей, но терпѣть дурныхъ, что надо переносить жадность и расточительность своихъ господъ. Онъ старается увѣрить себя, что можно жить честно и при дурныхъ тяжелыхъ порядкахъ, и при плохихъ императорахъ. „Постараемся, говоритъ онъ, найти, какъ нѣчто среднее, между сопротивленіемъ, которое насъ губитъ, и раболѣпіемъ, которое унижаетъ насъ, путь, одинаково чистый отъ низости и отъ опасности." Онъ —

(x) Я говорю только „подъ опасностью", такъ какъ не могу принять фразу Тацита въ жизнеописаніи Агриколы (глава 45) за признаніе имъ своего непосредственнаго участія въ жестокостяхъ Домиціана въ качествѣ исполнителя его воли: — „.... nos nostrae duxere Helvidium in carcerem manus; nos Maurici Rusticique visus, nos innocenti sanguine Senecio perfudit ..." — Nos тутъ употреблено, думаю, въ риторическомъ смыслѣ: Мы т.е. люди съ нашими убѣжденіями.

И. Ко...

убежденный республиканецъ, а хочетъ сдѣлать себя примирившимся съ подчиненіемъ строго имперіи.

Біографія Агриколы, написанная Тацитомъ, служитъ хорошимъ доказательствомъ, что Тацитъ не былъ революціонеромъ, человѣкомъ, который взялъ на себя мщеніе народовъ", какъ думаютъ некоторые. Онъ стремится пристать къ партіи благоразумныхъ и осторожныхъ. Онъ хвалитъ Агриколу за его сдержанность и говоритъ (Agr. 42), что „умѣренность и повиновеніе, если они соединяются съ талантомъ и силою, заслуживаютъ не меньше славы, какъ та смѣлость, которая бросается на жертву случайностямъ безъ пользы для государства и бѣжитъ навстрѣчу эффектной смерти." — Въ самомъ тонѣ этихъ словъ какъ бы звучитъ та внутренняя борьба, которая происходила въ немъ отъ столкновенія благородныхъ инстинктовъ честнаго человѣка и разсудочныхъ доводовъ благоразумнаго политика.

Но прямая и благородная природа его не могла вынести такого положенія, не могла разрѣшить рокового противорѣчія. Это вызвало отчаяніе въ его взглядѣ на будущее Рима, ненависть въ описаніи его настоящаго. Стало быть пессимизмъ его вытекаетъ еще изъ внутреннихъ психологическихъ причинъ и даетъ окраску особенно характерную его повѣствованію.

„Жажда власти, говоритъ Тацитъ въ „Исторіяхъ" (II, 38), росла вмѣстѣ съ увеличеніемъ нашего могущества и какъ наше оружіе все [illegible]." —

Когда государство было мало, равенство сохранялось; когда же мы завоевали міръ, всѣ стали оспаривать другъ у друга захваченныя власть и богатства. Сначала сенатъ и народъ, трибуны и консулы пытались поднять междоусобія въ городѣ на площади. Потомъ Марій и Сулла разрушили свободу вооруженною силою и на развалинахъ ея основали личное господство. Вслѣдъ за ними Помпей болѣе окольными, но не лучшими путями, и послѣ того спорили только объ одномъ самовластіи. Значитъ все падаетъ въ римскомъ мірѣ. Отчего это? Тацитъ не фаталистъ, онъ не объясняетъ теченія событій дѣйствіемъ слѣпаго рока, хотя онъ и вѣритъ вмѣшательству боговъ въ человѣческую жизнь, но не понимаетъ ихъ цѣлей. Онъ не можетъ, подобно Геродоту, считать народъ римскій избранникомъ боговъ и надѣяться на его великое будущее. Пути божества для него загадка; но онъ не думаетъ, чтобы воля человѣка была безсильна, и не имѣла бы мѣста на ряду съ дѣйствіями боговъ. Съ другой стороны онъ не умѣетъ, подобно Өукидиду, объяснять историческія явленія вліяніемъ общественныхъ условій. Безсознательнымъ, массовымъ силамъ, онъ не придаетъ значенія; все старается объяснить нравственными и психологическими мотивами. Процвѣтаніе зависитъ отъ нравственнаго совершенства людей, всѣ измѣненія въ жизни общества вносятся дѣйствіями <u>личностей;</u> изъ столкновенія свободной воли которыхъ создается исторія. Стало быть, Тацитъ вводитъ психологическій мотивъ, какъ важный элементъ въ изображеніе

исторіи, психологическій анализъ, какъ важную сторону бытоописанія. Эта существенная особенность Тацита, какъ историографа. Воспроизводить жизнь римскаго народа, какъ въ зависимости отъ его нравовъ, такъ въ зависимости отъ вліянія тѣхъ личностей, которыя управляли его судьбой – такова задача Тацита. „Страна, утомленная междоусобіями, приняла Августа, какъ господина... Провинціи привѣтствовали новый порядокъ вещей, такъ какъ изворились въ республиканскомъ правленіи, вслѣдствіе раздоровъ сильныхъ, жадности чиновниковъ, безсилія законовъ, которые нарушались безнаказанно, обходами и подкупомъ". – Тацитъ не вѣритъ въ свободу при данныхъ условіяхъ римскаго общества (Ann. IV, 33). Онъ не раздѣляетъ даже наивнаго увлеченія нѣкоторыхъ его современниковъ старой республикой. Изученіе исторіи показало ему, что этотъ золотой вѣкъ часто смущался раздорами и насиліями. Онъ многимъ почти не знаютъ о прошломъ. Ни демократія, ни олигархія, ни даже смѣшанное правленіе, которое такъ превозносится у Цицерона Полибіемъ, невозможны. Остается монархія. Тацитъ принимаетъ ее, какъ неизбѣжную, какъ послѣдствіе ошибокъ Суллы. „Послѣ битвы при Акціумѣ – утвержденіе единовластія было условіемъ пріобрѣтенія мира" (Hist. I, 1). Онъ согласенъ съ Гальбою что: „необходима единая рука для управленія огромнымъ тѣломъ имперіи".

Такимъ образомъ монархія была политической необходимостью, даже можетъ быть благомъ; Тацитъ видитъ это и, скрѣпя сердце, признаетъ

сохраненіе свободы для его времени невозможнымъ. Но нравственнаго права за этою необходимостью, онъ признать не можетъ и постоянно ищетъ для имперіи все болѣе и болѣе рѣзкія слова осужденія. Падающее общество можетъ быть спасено только добродѣтелью, которая рисуется ему единымъ, истиннымъ благомъ. Она состоитъ, по его мнѣнію, главнымъ образомъ, изъ гражданскихъ доблестей, но онъ отчаявается въ возможности усвоенія современными ему Римлянами такой добродѣтели. Различные классы народа совершенно испорчены, сенаторы и всадники стремятся къ рабству, народъ, который Тацитъ презрительно называетъ чернью, одичалъ, развращенъ, проникнутъ даже сладострастіемъ рабства; личности заражены страхомъ и раболѣпствомъ, жадностью или порочностью, правители подобные Тиберію или Нерону, неистовствуютъ въ самой необузданной тираніи, немногимъ оставшимся возвышеннымъ душамъ, подобнымъ Тразея, остается только падать безполезными жертвами деспотизма. Государство падаетъ. Исторія - трагедія. Этотъ трагизмъ въ историческомъ изображеніи представленъ у Тацита явленіе совершенно необходимое; это продуктъ глубокаго разлада идеала историка съ дѣйствительностью, выраженіе оскорбленнаго чувства патріота, гражданина и человѣка, который не въ силахъ присутствовать при паденіи великаго народа; это потрясеніе души гордаго Римлянина, потерявшаго прошедшее и не вѣрящаго въ будущее. Трагизмъ этотъ наконецъ проника-

чать отъ неослабѣвающаго участія автора въ событіяхъ, о которыхъ онъ повѣствуетъ, участія, которое выражается то ненавистью, то любовью; то симпатіей, то негодованіемъ; то проніей, то умиленіемъ передъ величіемъ характера людей прошлаго, уходящихъ въ вѣчность, къ которымъ на смѣну никто не является, чтобы спасти пропадающую свободу и доблести.

Таково міровоззрѣніе Тацита. Не надо, впрочемъ, представлять себѣ его слишкомъ узкимъ приверженцемъ отжившей стороны. Для смягченія рѣзкихъ угловъ этой критики политической односторонности, приведу, въ заключеніе характеристики его взглядовъ, интересное сужденіе о немъ профессора В. Г. Васильевскаго (x).

„...И защитники и порицатели Тацита смотрятъ на него всегда узко и односторонне. Вопросъ нужно взять глубже и шире. Тацитъ вовсе не есть приверженецъ олигархіи: можно указать нѣсколько мѣстъ, гдѣ онъ говоритъ о ней съ неодобреніемъ. Если идти за его сочувствіями и симпатіями, нужно пойти дальше. Его идеалы — virtus romana, gravitas romana, все то, что было строгаго, высокаго и честнаго въ національномъ римскомъ характерѣ. Онъ, конечно, приверженецъ аристократіи, но той аристократіи, которая была носительницей всего римскаго развитія, всего римскаго духа. Онъ ненавистникъ демократіи, но той дѣйствительно императорской демократіи, которую она

(x) См. его заграничный отчетъ, напечат. въ Сборникѣ извлеченій изъ Отчетовъ лицъ, командированныхъ за границу — часть III, 1863–64.

Куп.

ихъ собою видѣлъ. Онъ насквозь проникнутъ идеалами и воззрѣніями стараго Рима, которые такъ близки его строгой, суровой и возвышенной натурѣ, дышущей въ каждой строкѣ его сочиненій. Онъ бичуетъ императорскую эпоху; онъ не судитъ о ней безпристрастно во имя и вслѣдствіе симпатій и пристрастій, лежащихъ въ глубинѣ его души. Онъ не могъ, как мы, спокойно разсматривать связь событій, историческую необходимость, вызвавшую паденіе республики. Это можетъ быть утѣшеніемъ для насъ, но не для Тацита, для котораго вопросъ полагался прямо, между его самыми глубокими убѣжденіями, самыми внутренними сочувствіями и порядкомъ, оскорблявшимъ ихъ на каждомъ шагу. Онъ, конечно, небезпристрастенъ; но чтобы судить о внутренней правдѣ и неправдѣ его сочиненій, и, если угодно, о справедливости и несправедливости его пристрастій, нужно судить между всѣмъ духомъ и содержаніемъ республиканскаго періода и между цѣлымъ духомъ и характеромъ имперіи."

Отрицательный взглядъ Тацита на имперію отразился и на произведеніяхъ другихъ писателей, жившихъ въ эпоху имперіи Ювенала, Лукана, Светонія. Та же точка зрѣнія передалась и писателямъ позднѣйшихъ вѣковъ почти до нашихъ дней. Ихъ характеристики имперіи, объясненія причинъ ея утвержденія, а затѣмъ паденія - остаются однородными съ Тацитовскими. Но что у Тацита явилось необходимымъ послѣдствіемъ той формы самосознанія, которая вытекала неизбѣжно изъ самаго положенія его какъ современника, убѣж-

ченнаго и спроектнаго, что явилось уже результатомъ несомнѣнно предвзятой мысли или отриц-критическаго отношенія у тѣхъ писателей, которые въ послѣдующіе вѣка, когда уже могли бы разобраться въ событіяхъ, не только повторяли, но усиливали и съуживали точку зрѣнія Тацита.

Авторы, изображавшіе исторію имперіи въ средніе вѣка, первые повторяютъ взглядъ Тацита. У церковныхъ писателей, подобныхъ Августину, Орозію, Сальвіану, это воззрѣніе, отрицательное и мрачное, еще усилилось, благодаря особой антипатіи, которую должны были чувствовать христіане ко времени упадка нравственности и гоненія христіанства. Эти писатели не только предпочитаютъ имперіи римскую республику, но даже и варваровъ, и считаютъ великое переселеніе народовъ и разрушеніе Рима провиденціальными актами. Этимъ еще больше учили писатели древности, локализировали, вмѣсто того, чтобы точно воспроизводить и объективно толковать прошлое. Идея провиденціализма нашла себѣ удобную среду для развитія въ клерикальныхъ кругахъ; она вмѣстѣ съ отрицательными взглядами на имперію проходитъ черезъ всѣ средніе вѣка и находитъ отзвукъ въ такомъ уже позднемъ сочиненіи, какъ „Discours sur l'histoire universelle" Боссюэ.

Вмѣстѣ съ переходомъ къ новому времени въ европейскомъ обществѣ назрѣли новыя задачи, которыя въ свою очередь вызвали новыя теченія

мысли. Эпоха возрожденія и реформаціи дала мѣсто вопросамъ общекультурнымъ и религіознымъ, вращавшимся около идеи свободы мысли и совѣсти. Послѣ реформаціонной эпохи и вмѣстѣ съ развитіемъ абсолютной монархіи (особенно во Франціи) выдвинулись на первый планъ вопросы политическіе, и они приняли оппозиціонный характеръ, группируясь около принципа политической свободы. Этотъ вопросъ интересовалъ политическихъ писателей и философовъ запада еще въ XVI вѣкѣ; но около него сосредоточились всѣ изслѣдованія лишь въ XVIII в. Ищекая свободы и не находя ея въ настоящемъ, искали ее въ прошломъ. Писателямъ либерально-оппозиціоннаго направленія очень важно было доказать ту мысль, что свобода политическая составляетъ истинную причину могущества государства, и что эта свобода искони существовала въ ново-европейскихъ государствахъ. Обѣ эти идеи еще съ возрожденія и реформаціи стали подтверждать ссылками на римскую исторію и на первоначальный галльскій и германскій общественный строй. Римская республика рисовалась временемъ процвѣтанія политической свободы, имперія ее задавила, но не могла безъ нея существовать, она же самостоятельно зародилась въ „лѣсахъ Германіи", и варвары, разрушивъ Римъ, принесли Европѣ этотъ драгоцѣнный даръ. Потомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ новой монархіи, Европа ее утеряла и должна снова обрѣсти, отыскивая въ странахъ, чуждыхъ римскихъ имперскихъ вліяній, развивавшихся изъ чисто

германскихъ началъ т.е. въ Англіи. Такова приблизительно теорія <u>Монтескье</u> (х). Онъ ставитъ прошлому главнымъ образомъ политическій вопросъ пренебрегая стороной социальною и общекультурною, оцѣниваетъ государственное устройство съ точки зрѣнія лишь принципа политической свободы, относясь съ осужденіемъ къ тѣмъ періодамъ исторіи, гдѣ свобода эта падаетъ. Изъ этого видно, что объ эпохѣ имперіи, Монтескье могъ говорить лишь съ презрѣніемъ.

Во взглядѣ Монтескье на исторію, есть одинъ элементъ, который послужилъ отправною точкою для другого направленія, болѣе широкаго въ научномъ отношеніи, чѣмъ политически-либеральная доктрина, разсматриваемая въ чистомъ видѣ. Отвергая въ римской имперіи всякую жизненность и выводя все живучее въ ново-европейскомъ мірѣ изъ первобытной Германіи, — Монтескье является однимъ изъ первыхъ представителей <u>школы германистовъ</u>, наиболѣе блестящіе послѣдователи которой и въ нѣмецкой, и во французской литературѣ повторяютъ вслѣдъ за нимъ, что Германцы принесли міру принципъ индивидуальной свободы, пріурочиваютъ и ихъ вліянію всѣ прогрессивныя явленія въ среднихъ вѣкахъ. На долю же римской имперіи остается лишь клеймо деспотизма и разврата.

(х) Онъ развиваетъ ее и въ <u>Духѣ Законовъ</u>, и особенно въ своемъ специальномъ сочиненіи „<u>Considérations sur la grandeur et le décadence des Romains</u>."

2.– Такая односторонняя и узкая концепція не могла держаться безраздельно долго. Чемъ больше приближаемся къ настоящему времени, темъ заметнее расширяются границы историческаго кругозора. Новое положительное отношеніе къ Римской имперіи вышло отчасти изъ практическихъ (публицистическихъ), отчасти изъ теоретическихъ (научныхъ) побужденій, являясь реакціею романизма противъ слишкомъ односторонне понятаго германофильства, а также последствіемъ возникновенія и распространенія демократической идеи равенства, на ряду съ либеральною идеею свободы (x): Вопросы политическіе отступили на задній планъ; ихъ заменили экономическіе и соціальные. Осложнившаяся жизнь даетъ новый опытъ. Более внимательное изученіе средневековой исторіи, заставило вглядеться въ раньше незамеченныя явленія, проследить въ ней факторы, которые раньше ускользали отъ взгляда. И процессъ сложенія общественнаго строя новой Европы сталъ представляться результатомъ работы иныхъ силъ, сравнительно съ теми, которыя выдвигались на первый планъ раньше. Общественный строй новой Европы явился развитіемъ не только однихъ германскихъ началъ; стали замечать въ немъ участіе весьма заметное, старыхъ римскихъ учрежденій

(x) Стало выясняться, что такъ называемая римс. респ. свобода была преобладаніемъ тесной аристократіи, а [illegible]орскій деспотизмъ, – гражданскимъ равенствомъ, удовлетворявшимъ громадное большинство, не интересовавшееся широкою политикою.

и вліяніе начал, часто боровшіяся съ германскими и побѣждавшія ихъ. Съ другой стороны, изучая ближе первобытную Германію, отказывались видѣть въ ней тѣ идеальныя черты, которыя находили германисты, отказывались выводить свободу и прочныя основы цивилизаціи изъ варварства. Напротивъ того, стали выводить начало всего, или лучшаго положительнаго, коренныя основ средневѣковаго, а затѣмъ и новаго общественнаго строя изъ римской традиціи. Возникла новая школа романистовъ (въ концѣ прошлаго, но особенно въ началѣ нынѣшняго вѣка), представители которого должны были благосклонно относиться къ римской имперіи, такъ какъ она являлась носительницей римскихъ началъ, перешедшихъ въ Европу, должны были, во всякомъ случаѣ, задаться цѣлью основательно изслѣдовать ее вмѣсто того, чтобы пропускать безъ вниманія, какъ время, чуждое будто бы творческихъ силъ, безплодное для прогресса, судя по старымъ мнѣніямъ.

Нужно отмѣтить, что исторіею Римской имперіи интересовались нѣкоторые замѣчательные изслѣдователи и раньше нынѣшняго вѣка, и этотъ личный интересъ вызвалъ уже тогда выдающіеся труды по исторіи мало изучавшагося періода. Я имѣю тутъ въ виду прежде всего обширное и во многихъ отношеніяхъ замѣчательное сочиненіе французскаго богословскаго историка Sébastien le Nain de Tillemont: Histoire des empereurs (6 vols. Paris 1690–97). Онъ собралъ массу драгоцѣннаго матеріала и къ труду его до сихъ поръ приходится

обращаться специалистами. Но главнымъ образомъ я хочу напомнить здѣсь о знаменитомъ извѣстномъ намъ классическомъ сочиненіи Гиббона: Исторія разрушенія и упадка Римской имперіи (1768-87) (х).

Но эти замѣчательные памятники исторіографіи стоятъ одиноко, и хотя въ нихъ и раскрывается гораздо болѣе обстоятельное изученіе времени имперіи и болѣе безпристрастное, положительное отношеніе ко многочисленнымъ явленіямъ ея исторіи, они не измѣнили господствующихъ взглядовъ на этотъ періодъ. Для кореннаго измѣненія надо было открытіе новаго матеріала, который пролилъ бы новый свѣтъ на раньше односторонне освѣщенный уже извѣстнымъ матеріаломъ періодъ. Но теоретически такое расширеніе безпристрастнаго отношенія къ эпохѣ, раньше презираемой, подготовлялось постепенно: развивавшеюся способностью глубокаго и тонкаго историческаго мышленія, накопленіемъ болѣе богатаго историческаго матеріала для сужденія о различныхъ вѣкахъ, изученіе котораго увеличивало историческую опытность, выработкою широкой философско-исторической идеи о прогрессѣ, о смѣнѣ историческихъ періодовъ, непрерывности историческаго процесса, взаимодѣйствія между періодами ихъ, такъ сказать,

(х) Гиббонъ самъ говор. о Тиллемонѣ, что онъ положит. не могъ бы написать своего труда, если бы не имѣлъ подъ руками сочин. Тиллемона, какъ неоцѣненное пособіе. — А о Гиббонѣ осторожнѣйшій и сдержанный Нибуръ выразился такъ: „Гиббонъ сдѣлалъ все, что можно, и трудъ его никогда не будетъ превзойденъ.

2л.

выростания одного изъ другого. И вотъ, когда истори-
ки стали перечитывать старыхъ классическихъ
авторовъ, эмансипировавшись несколько отъ преж-
нихъ пристрастий, вооружившись более объективной
целью и более усовершенствованными орудиями
изследования, то уже въ нихъ они стали находить не-
что большее, чемъ огульное осуждение империи. Находились следы признания положительныхъ явлений,
живой жизни, развития. Стали всматриваться въ
источники правовые съ ними нашими торже. Отыскались
и поэты и прозаики, восхвалявшие империю не изъ
одного раболепства.

Первымъ сочинениемъ, въ которомъ империя
Римская явилась окрашенною въ совершенно новый
цветъ, хотя изучена она была на основании того-
же, приблизительно материала, которымъ пользова-
лись прежние авторы, былъ небольшой этюдъ фран-
цузскаго историка Amédée Thierry: „Tableau de l'empire
romain", который вышелъ впервые въ видѣ введения къ
его Истории Галлии во времена римскаго владычест-
ва, въ 1840 г., а потомъ въ 1862 г. въ переработанномъ ви-
дѣ издан былъ отдельно.

Книга эта, безъ сравнения, уступающая
знаменитому труду Гиббона въ широте рамокъ, въ
богатстве содержания и въ таланте автора, и-
меетъ большое значение, какъ первая попытка, смѣ-
лая и решительная, совершенно новаго построения.
Я не имею возможности подробно касаться содержа-
ния книги Тьерри (x), но долженъ выяснить ея основную
идею, чтобы показать возникновение новаго взгляда на

(x) Прочесть ее я очень рекомендую.

Римскую имперію, установленіе которой обусловило научное изслѣдованіе этого періода.

Во введеніи къ своему небольшому, но прекрасному и превосходно написанному сочиненію, Амедей Тьерри самъ заявляетъ, что взглядъ его на римскую исторію — взглядъ новый. Онъ вѣритъ въ его правильность, но все же чувствуетъ страхъ, высказывая его, такъ какъ онъ рѣшаетъ совсѣмъ по своему вопросъ, о которомъ такой великій геній, какъ Монтескье, казалось, произнесъ послѣднее слово. Но у него отправная точка иная. Монтескье сдѣлалъ изъ себя римскаго патриція и сталъ смотрѣть на міръ какъ бы съ высоты Капитолія. — Тьерри же сынъ побѣжденныхъ Цезаремъ Галловъ — онъ самъ себя такъ называетъ — смотритъ на Капитолій изъ глубины кимвской деревни. „Я также, какъ и Монтескье, говоритъ онъ, восхищался Римомъ, но по другимъ побужденіямъ, по такимъ мотивамъ, которые не могли ни тронуть, ни убѣдить человѣка 18го вѣка. Если я нашелъ истину на этомъ пути, честь этого принадлежитъ не мнѣ, а самому 19-му вѣку."

Въ словахъ этихъ открывается прекрасная мысль объяснять прогрессъ въ научныхъ взглядахъ, совершаемый послѣдовательною работою отдѣльныхъ труженниковъ и изслѣдователей, общимъ движеніемъ идей и умственныхъ успѣховъ вѣка. Имъ хорошо схвачена особенность 19го вѣка — понимать исторію. — Вспомните, какъ сильно и хорошо характеризовалъ „историчность" духа 19-го вѣка Ренанъ, какъ онъ глубоко выяснялъ, что

именно наше время выучилось понимать исторію, какъ цѣльный непрерывный процессъ. Идея, которая сдѣлала невозможнымъ пренебреженіе цѣлыми долгими періодами, какъ вполнѣ безплодными. Тьерри очень хорошо иллюстрируетъ эту мысль. „Всякій народъ, продолжаетъ нашъ авторъ, имѣетъ двѣ исторіи; одну внутреннюю", другую „внѣшнюю" (x). Надо изучать и ту, и другую. Цѣль изученія, такъ называемой, внутренней исторіи — познаніе законовъ, учрежденій, общественнаго развитія народа, его собственной судьбы, дѣйствія его на себя самого. Цѣль изученія исторіи внѣшней — обнаружить вліяніе этого народа на другіе, опредѣлить долю труда его въ общей работѣ человѣчества, долю его активнаго участія въ развитіи человѣчества, въ созданіи и распространеніи культуры". Насколько первая, по мнѣнію Тьерри тѣсна и ограничена, насколько мало она допускаетъ обобщеній, настолько наоборотъ вторая, можетъ до безконечности расширяться въ зависимости отъ исторической роли самаго народа. Если народъ великъ, если онъ является однимъ изъ орудій цивилизаціи, которымъ провидѣніе отдаетъ человѣчество, чтобы преобразовать его, то такая внѣшняя исторія, т.е. воздѣйствіе народа на другіе, которымъ народъ связывается съ человѣчествомъ, неизмѣримо превосходитъ по важности внутреннюю: первая является вѣчною, между тѣмъ какъ вторая проходитъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ея по-

(x) Какъ сейчасъ будетъ видно, А. Тьерри понимаетъ эти термины не въ обычномъ смыслѣ.

ситель - народа, погребается вмѣстѣ съ интересами, которые она представляла. Изъ всѣхъ великихъ народовъ будущаго ни одинъ не можетъ сравниться съ римскимъ, по могуществу, славѣ и продолжительности жизни и вліянія. Римъ именно и великъ этимъ своимъ вліяніемъ на человѣчество. Его общественный строй, его культура, вступившая въ союзъ съ христіанствомъ, приспособившіеся къ нуждамъ развитія человѣческихъ расъ - обратились въ европейскую цивилизацію. Внутренняя (національная) исторія Рима мертва; она есть прекратившійся процессъ; - внѣшняя же (общеисторическая его роль) есть начало вѣчно живое. Слѣды вліянія Рима будутъ сохраняться до тѣхъ поръ, пока живъ европейскій міръ, вышедшій изъ его цивилизаціи. А между тѣмъ, именно на изученіе національной исторіи Рима тратилось и тратится много времени и труда, о всемірно же исторической роли и заслугъ великаго народа очень мало думали и Тьерри, чуть-ли не первый пробуетъ формулировать ее.

Итакъ Ам. Тьерри провозвѣстникъ изученія исторіи Рима со всемірно-исторической точки зрѣнія.

Во всемъ ходѣ римской исторіи, онъ замѣчаетъ и прослѣживаетъ начало, противоположное исключительности другихъ древнихъ народовъ, <u>начало общительности</u>, благодаря которому Римъ не остается замкнутымъ самимъ въ себѣ, но постепенно распространяется въ ширь, <u>инкорпорируетъ</u> въ себя другіе города и народы, даетъ имъ об-

разованіе, и самъ въ свою очередь подвергается ихъ воздѣйствію. Тьерри приходитъ въ восторгъ передъ такимъ громаднымъ цивилизующимъ вліяніемъ Римлянъ, и вмѣстѣ съ галльскимъ поэтомъ V вѣка Рутиліемъ Намаціаномъ повторяетъ, что Римъ далъ общее отечество всѣмъ народамъ, что побѣжденные должны считать себя счастливыми, попавъ подъ власть его, что онъ сдѣлалъ городъ т. е. одно государство изъ того, что прежде было міромъ. Громаднѣйшая судьба какъ бы роковымъ образомъ содержится уже въ самомъ его основаніи. „Общедоступнѣйшій и гуманнѣйшій, по выраженію одного Грека, народъ основывается изъ смѣшенія разныхъ племенъ и сословій". Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, Римъ остается, несмотря на нѣкоторыя временныя колебанія, постоянно вѣрнымъ вообщемъ принципу своего происхожденія. Тьерри слѣдитъ въ своей книгѣ, за этимъ постепеннымъ расширеніемъ гражданскаго основанія населенія Рима. Такое всемірно-историческое (внѣшнее) направленіе римскаго развитія стоитъ постоянно въ почти прямой враждѣ съ національнымъ развитіемъ самой римской общины (внутреннимъ развитіемъ). Хранительница народнаго духа, гордая исключительная римская аристократія смотритъ враждебно на притязанія завоеванныхъ странъ на равнѣ съ ними, старыми гражданами. Союзъ народовъ, побѣжденныхъ ~~со~~ римскими плебеями былъ главнымъ рычагомъ революцій внутри Рима республиканскаго. Борьба между двумя началами сломила въ концѣ кон-

цовъ величавое зданіе римской республиканской свободы. Имперія въ Римѣ являлась торжествомъ принципа общительности и общечеловѣчности, демократизма, который проходитъ черезъ всю римскую исторію, нѣсколько задерживаясь въ нѣкоторые моменты, благодаря консерватизму римской аристократіи, надъ принципомъ національно-политическимъ, главной представительницей котораго всегда являлась республиканская аристократія. Это было начало движущее: въ томъ, что имперія являлась его носительницей - главный интересъ ея, какъ самаго, съ всемірно исторической точки зрѣнія прогрессивнаго періода въ Римской исторіи.

Амедей Тьерри и разсматриваетъ имперію съ этой основной точки зрѣнія; изучаетъ ее со стороны совершавшагося въ ней процесса сплоченія раньше разрозненныхъ элементовъ, группъ и силъ „dans sa marche vers l'unité" (въ ея шествіи къ единству), какъ онъ картинно выражается, въ осуществленіи его принципа всеобщаго правового равенства на развалинахъ аристократической свободы. Онъ разбиваетъ этотъ процессъ на его частные пути, разсматриваетъ постепенное объединеніе міра въ отношеніи политическомъ и административномъ, соціальномъ, правовомъ, общекультурномъ и умственномъ, также религіозномъ отношеніяхъ (x).

(x) Все это изложено въ рядѣ яркихъ увлекательныхъ очерковъ, все это рисуетъ много любопытнѣйшихъ явленій, до-

Имперія является у Тьерри же періодомъ далекимъ отъ всеобщаго замиранія и паденія, періодомъ полнымъ жизни и развитія, скрывающимъ въ себѣ разнообразныя, живыя творческія силы.

Всего яснѣе и характеристичнѣе обнаруживается эта революція, которая вывела человѣчество изъ партикуляризма древняго Рима, къ объединительному движенію міра новаго; въ <u>исторіи римскаго права</u>. Въ этой области можно прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ начало противоположное національной исключительности, постепенно беретъ верхъ, преобразуетъ строгія и жестокія постановленія 12ти таблицъ, т.е. мѣстное право - въ требованія общаго разума, въ формулы, приложимыя ко всякому общежитію. Вліяніе философіи присоединяется, какъ дѣятельно способствующая сила къ чисто практическому развитію принципа правового равенства. Развитіе философскаго характера юриспруденціи - есть одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ и великихъ признаковъ римскаго единства. „Жить честно" (honeste vivere), „не вредить другому" (alterum non laedere), воздавать каждому должное" (suum cuique tribuere), таковы высшіе принципы права, являющіеся общею формулою здраваго смысла, одинаково для всѣхъ. То, что мы называемъ римскимъ правомъ, есть, по Тьерри, великая революція, торжество общечеловѣческой справедливости противъ узкой національной исключительности. Римъ заставилъ всѣ народы признавать одинъ законъ не потому, что онъ

Встающихъ имперію силами въ иномъ свѣтѣ, хотя факты извлечены изъ тѣхъ же источниковъ, на кот. строили свое осужденіе прежніе историки

законъ былъ ~~подвластителя~~ [законъ] подвластителя, а потому, что законъ этотъ, никѣмъ не налагаемый, былъ результатомъ свободнаго развитія здраваго смысла, независимаго отъ воли законодателя, свойственнаго всему человѣчеству.

Читая Тьерри, проникаешься его мыслью: кажется страннымъ повторять риторическіе разсужденія и возгласы объ испорченности нравовъ, о деспотизмѣ Цезарей, т.е. о фактахъ внутреннихъ, домашнихъ — не обращая гораздо большаго вниманія на смыслъ этого важнаго явленія, отъ котораго идетъ прямымъ образомъ почти вся цивилизація германо-романской Европы. Заслуга Тьерри, какъ видимъ, очень существенна. Это первая попытка обоснованія новаго взгляда на старомъ матеріялѣ, попытка хотя и не очень глубокая, по количеству и ширинѣ матеріала, но очень талантливая и ясная и правильная по общей концепціи.

По тому же пути въ данномъ вопросѣ шелъ англійскій ученый Ch. Merivale, въ своемъ обширномъ сочиненіи History of the Romans under the empire (1850-62). Этотъ очень солидный трудъ (въ 8-ми т.) захватываетъ исторію имперіи отъ начала до конца Антониновъ (т.е. первые два вѣка). Особенной оригинальности Меривэль не обнаружилъ; онъ отчасти, со стороны взглядовъ, идетъ по стопамъ Тьерри, отчасти пользуется выводами нѣмецкой науки — но онъ первый составилъ подробный, послѣдовательный историческій разсказъ о событіяхъ римской имперіи, собирая всѣ имѣющіеся факты, отыскивая ея положительныя стороны и подвергая

критиковъ прежнія изображенія и узко-патріотичные взгляды римскихъ писателей. Во всякомъ случаѣ оба труда взаимно дополняютъ другъ друга и впервые намѣчаютъ новое направленіе (x).

Новая теорія нашла признаніе въ извѣстной части историковъ различныхъ странъ и встрѣтила подражателей. Самъ Тьерри, въ новомъ изданіи своего „Tableau" (1862), съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что за періодъ, протекшій отъ перваго изданія до второго (1840-62), взглядъ его сталъ уже не новымъ, что онъ встрѣтилъ сочувствіе во Франціи, былъ санкціонированъ строгою нѣмецкою критикою, привѣтствованъ въ Италіи и не отброшенъ въ Англіи.

Новая идея о значеніи римской имперіи, само собою разумѣется, вызвала скептическое отношеніе къ раньше признававшимся непогрѣшимыми источникамъ, т.е. къ классикамъ и главнымъ образомъ къ Тациту. Тьерри и особенно Меривэль дѣйствительно колеблютъ его авторитетъ, а также авторитетъ другихъ историковъ и поэтовъ временъ имперіи. Они, а послѣ нихъ и другіе ученые ищутъ въ другихъ писателяхъ противоположныхъ фактовъ и взглядовъ и находятъ ихъ; они отыскиваютъ и въ

(x) Въ нашей литер. появленіе сочиненій А. Тьерри и Меривэля отразилось на 1) статьѣ В.Г. Васильевскаго (Журн. Мин. Нар. Пр. 1864, февр.) и 2) книгѣ М.П. Драгоманова, Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитъ (Кіевъ 1869). Въ этихъ двухъ работахъ можно найти подробное изложен. обоихъ соч. Въ кн. Драгоманова найдете кромѣ того систематическ. изложен. всего вопроса объ отношеніи къ Римской имперіи историковъ разныхъ вѣковъ.

прежде изучавшихся писателей Тита и Тацита — указаніе на нѣчто положительное. Привлеченіе къ изученію новыхъ писателей, которые раньше оставались въ сторонѣ, напр. сочиненій римскихъ юристовъ, законодательныхъ текстовъ, сочиненій спеціальныхъ писателей, сельскохозяйственныхъ, церковныхъ и пр. также помогло открыть или замѣтить многое, что раньше было непонятно и неизвѣстно, или пропускалось безъ вниманія, благодаря односторонности изслѣдованія.

Особенно важное значеніе при обоснованіи новаго воззрѣнія на значеніе Р. имперіи имѣло изученіе правовыхъ источниковъ — законодательныхъ памятниковъ и сочиненій юрисконсультовъ. Изучавшееся первоначально лишь съ точки зрѣнія гражданскихъ институтовъ, римское право теперь стало разсматриваться исторически, со стороны выясненія развитія и государственныхъ учрежденій и сословныхъ отношеній. Такъ что въ исторіи даннаго вопроса большая научная заслуга принадлежитъ юристамъ и въ частности историкамъ права и философамъ права. Такіе замѣчательные ученые, каковы были Савиньи, позже Пухта(x), потомъ Іерингъ(xx) и мн. другіе, сдѣлали много капитальнаго для выясненія сущности и римскаго государственнаго устройства и развитія римск. духа въ области его всей ... въ послѣднее время во время Имперіи. Такимъ образомъ видимъ, что оцѣнка значенія Р. имперіи въ исторіи человѣчества измѣнилась, благодаря усилившемуся взгляду на исторію вообще и установленію научной методики, возникновенію идеи преемственности развитія историческаго процесса.

(x) См. н. знам. курсъ Рим. права этого ученаго Puchta, Cursus der Institutionen 3 Bde (посл. изд. 1875) 1-й т. (истор.) переведенъ на рус. яз. (Пухта Ист. рим. права 1864).

(xx) См. и знаменит. знаменит. трудъ R. Jhering. Geist des römischen Rechts, 4 Aufl. 1878-88, 4 B.; есть полный фр. пер. и 1-й т. переведенъ по-русски (Р. Іерингъ — Духъ римскаго права. М. 1875).

[подпись]

историческаго процесса, эволюціи, прогресса и вытекающему изъ этого научнаго движенія расширенію и усовершенствованію пріемовъ и точекъ зрѣнія при анализѣ источниковъ и ихъ толкованіи.

3.—. Но новому направленію никогда бы не удалось достигнуть вполнѣ успѣшнаго результата въ своемъ научномъ обоснованіи, еслибы не раскрылся передъ глазами ученыхъ изслѣдователей во всемъ своемъ громадномъ значеніи новый родъ источниковъ, извѣстный уже и раньше, но на который мало обращали вниманія. Этотъ источникъ <u>надписи</u> (эпиграфическій матерьялъ). Римляне были народъ очень приверженный къ письменности, любили начертывать надписи въ воспоминаніе о событіяхъ и личностяхъ и покрывать ими всякаго рода сооруженія и предметы - дворцы, храмы, дома, мосты, пьедесталы, могильные памятники, водопроводы, также сосуды оружіе, украшенія, трубы, кирпичи и всякаго рода вещи. Изученіе надписей было своего рода научнымъ откровеніемъ въ области познанія исторіи римскаго міра, преимущественно во время имперіи (т. к. большая часть ихъ относится къ этому періоду. Они открыли положительно цѣлый міръ новыхъ фактовъ и раньше совсѣмъ незнакомыхъ явленій. Надписи не только дали возможность теоретически перестроить систему изображенія Римской имперіи и найти для новой теоріи нѣкоторыя оправданія. Онѣ дали въ руки добросовѣстныхъ изслѣдователей великолѣпное орудіе для обоснованія новой научной исторіи имперіи ~~Исторія~~ на ~~громадномъ~~ прочномъ фундаментѣ сдѣлали содержаніе ея безъ сравненія богаче; представленіе о ней неизмѣримо полнѣе, гораздо свѣтлѣе положительнѣе, чѣмъ это было возможно раньше, когда эта исторія изучалась лишь на основаніи одного литературнаго матерьяла. Кто не

 Литогр. Руднова Нов. пер. д. 5 к. 46.

вчитывался хоть несколько въ римскія надписи, тотъ не можетъ себѣ и представить, какую массу драгоцѣнныхъ свѣдѣній, самыхъ живыхъ и разностороннихъ сообщаютъ эти, съ перваго взгляда скучные, сухіе, утомительно однообразные по внѣшности тексты.

Кто не занимался Римскою имперіею и не углублялся во внимательное чтеніе огромныхъ фоліантовъ изданія надписей, съ виду отталкивающихъ своею громадностью, отдаленностью отъ жизни, филологическою и антикварною недоступностью, тотъ, пожалуй, не повѣритъ, какое большое научное наслажденіе могутъ онѣ доставить, какое сильное ощущеніе какъ бы возрождающейся старой жизни можетъ васъ охватить при ихъ изученіи, какъ живые люди съ ихъ ежедневными потребностями и чувствами въ разноцвѣтныхъ рамкахъ ихъ быта предстаютъ въ нихъ передъ вашими глазами, живутъ, борются, работаютъ, вступаютъ въ различныя общественныя соединенія, участвуютъ въ государственной дѣятельности, вообще творятъ жизнь. Вы открываете цѣлый рядъ неизвѣстныхъ дотолѣ учрежденій и общественныхъ союзовъ, или обнаруживаете раньше неизвѣстныя имъ функціи и вліяніе на общество, на народную жизнь и т. д., словомъ невольно входите въ самую глубокую сущность дѣйствительной жизни имперіи не только въ центрѣ и въ крупныхъ личностяхъ, но и въ отдаленныхъ концахъ и въ громадной народной массѣ..

Я не имѣю возможности систематически перечислить всѣ стороны общественнаго строя, культуры и быта имперіи, которыя освѣщаются надписями (x)

(x) Желающіе могутъ познакомиться съ этимъ, прочитавъ ту часть какого-нибудь руководства по латинской эпиграфикѣ, которая по-

Приведу только нѣсколько примѣровъ. Въ числѣ надписей мы находимъ рядъ весьма важныхъ законодательныхъ документовъ, касающихся императорской конституціи (напримѣръ извѣстный lex de imperio Vespasiani) или оффиціальныхъ отчетовъ повѣствованій о дѣятельности императоровъ, которые служатъ очень существеннымъ историческимъ источникомъ въ дополненіе къ изображенію исторіи у писателей. (Таковъ знаменитый Monumentum Ancyranum или Res gestae divi Augusti, заключающій въ себѣ составленный по приказанію Августа отъ его имени разсказъ о его царствованіи). Надписи сообщили намъ длинный рядъ біографій выдающихся дѣятелей съ точнымъ указаніемъ ихъ политической карьеры и тѣмъ дали матеріалъ не только для фактической исторіи, но и для исторіи учрежденій и администраціи имперіи. Далѣе надписи не только знакомятъ съ провинціальнымъ міромъ, но почти открываютъ его, такъ какъ писатели, интересуясь преимущественно центромъ имперіи Римомъ, лишь случайно говорятъ о провинціяхъ. Онѣ обнаруживаютъ тамъ въ этихъ обширныхъ многомиллионныхъ странахъ, подчиненныхъ императорамъ, именно во время развитія монархіи въ Римѣ, существованіе широкаго самоуправленія, ясно показываютъ, какая энергичная положительная работа совершалась въ провинціяхъ, какое тамъ открывалось блестящее будущее, именно во время имперіи, и какъ оно тѣсно связывалось съ политикою императоровъ, являвшихся въ Римѣ въ центрѣ часто жестокими деспотами. Вообще всѣ эти

священа указанію различныхъ видовъ надписей, хотя бы напр. въ интересной книгѣ R. Cagnat, Cours d'épigraphie latine (2-me éd. P. 1889).

Этим.

безчисленныя провинціальныя надписи, какъ-то (муниципальные уставы и др.) даютъ намъ богатыя и точныя свѣдѣнія о развитіи городскаго строя, знакомятъ насъ съ дѣятельностью провинціальныхъ собраній, обнаруживаютъ отношеніе провинціальнаго населенія къ Риму и императорамъ и многія другія весьма важныя и раньше совсѣмъ неизвѣстныя стороны жизни римскаго міра.

Кромѣ указаннаго эпиграфическіе тексты даютъ богатый матеріалъ для изученія различныхъ сторонъ соціальнаго и экономическаго строя Римской имперіи, - исторіи классовъ общества и ихъ взаимныхъ отношеній, крупнаго землевладѣнія и крестьянства, рабства, промышленности и торговли и т. д. Огромная масса надписей, посвященныхъ религіознымъ предметамъ и вопросамъ, знакомятъ насъ съ развитіемъ языческихъ культовъ и вѣрованій, проливаютъ свѣтъ на возникновеніе и ростъ христіанства. Погребальныя надписи (эпитафіи) сверхъ того, разсказывая часто біографіи темныхъ неизвѣстныхъ людей, покоющихся подъ могильными плитами, на которыхъ онѣ начертаны, открываютъ намъ полную богатѣйшихъ реальныхъ подробностей картину повседневнаго быта, обычаевъ, нравовъ, понятій, міросозерцанія человѣчества того времени.

Сказаннаго достаточно, чтобы судить какой громадной важности источникъ познанія исторіи Римской имперіи былъ открытъ въ надписяхъ, и какъ они должны были измѣнить взглядъ на значеніе этого періода. Они показали изслѣдователямъ, что было положительнаго въ исторіи Имперіи, подтвердили фактически теоретически уже раньше выяснившееся положеніе, что не можетъ цѣлый долгій періодъ слагаться

Иметь.

лишь изъ отрицательныхъ явленій, что не можетъ рвать-ся на цѣлый рядъ вѣковъ развитіе жизни и не можетъ держаться такъ упорно извѣстный общественный строй, если онъ дѣйствительно не скрываетъ подъ собою творческой работы соціальныхъ силъ, расширяющихъ благосостояніе.

Надписи привлекали вниманіе нѣкоторыхъ ученыхъ уже давно, но изучались они случайно и мало. Только въ послѣдніе десятилѣтія стали они собираться систематически, научно издаваться и только теперь сдѣлались доступными для правильно поставленнаго изслѣдованія по нимъ историческихъ вопросовъ. Главная часть собиранія и изданія надписей принадлежитъ нѣмецкой наукѣ, также какъ нѣмецкіе же ученые первые приступили къ ихъ разработкѣ и подвинули ее весьма значительно. – Многотомное, вполнѣ научное изданіе латинскихъ надписей предпринято Берлинскою Академіею Наукъ и составляетъ предметъ коллективной работы цѣлой группы нѣмецкихъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ, впрочемъ, мы видимъ и французскія и итальянскія имена(x)

(x) Изданіе носитъ названіе Corpus Inscriptionum Latinarum (Собраніе латинскихъ надписей), оно еще не окончено, хотя дѣятельно продолжается, и уже состоитъ болѣе чѣмъ изъ 20 огромныхъ томовъ in-folio, заключающихъ много десятковъ и даже сотенъ тысячъ надписей, которыя распредѣлены по странамъ. Планъ изданія принадлежитъ Моммсену и онъ же больше всѣхъ другихъ сдѣлалъ для его выполненія. Но рядомъ съ нимъ работаютъ или работали и другіе знаменитые эпиграфисты. Вильмансъ, Гюбнеръ, Цангемейстеръ, Борманъ и др. Изъ итальянскихъ ученыхъ участвуетъ въ Corpus'ѣ Де Росси, изъ французскихъ Канья.

Я говорю, что весь этотъ громадный эпиграфическій материялъ ревностно разрабатывается многочисленными, опытными и свѣдующими учеными особенно ревностно въ последніе десятилѣтія. Но если спросить, кто былъ душою этого дѣла, созданія новой „эпиграфической исторіи римскаго міра", кто былъ нетолько геніемъ направителемъ, но и главнымъ труженикомъ эпиграфической науки, какъ исторической дисциплины со стороны метода и со стороны фактическихъ изслѣдованій, кто построилъ на основаніи данныхъ ея, дополненныхъ всѣми другими возможными данными (литературными, правовыми, археологическими, филологическими, экономическими) планъ новаго зданія исторіи Римской имперіи — то надо отвѣтить, что это былъ несомнѣнно — Моммсенъ. Въ обзорѣ исторіографіи я говорилъ вкратцѣ о его научной заслугѣ и объ особенностяхъ его первоклассного ученаго дарованія. Не буду повторять здѣсь того, что сказано. Укажу лишь специально на то, что сдѣлано Моммсеномъ для выработки новаго построенія исторіи Римской имперіи.

Въ этой, специально насъ теперь интересующей области заслуга его сводится къ слѣдующимъ весьма крупнымъ результатамъ. Онъ, какъ сказано, собиралъ издавалъ и разрабатывалъ эпиграфическій материялъ по исторіи имперіи и организовалъ коллективный трудъ для разработки этой задачи, подготовляя такимъ образомъ богатыя данныя для возведенія совсѣмъ новаго зданія исторіи Римской имперіи съ совершенно инымъ освѣщеніемъ значенія этого періода. Надписи съ одной стороны, юридическій материялъ, заключающійся въ Дигестахъ съ другой Моммсенъ называетъ главнымъ ключомъ, открывающимъ пониманіе римскаго государства и общ. строя

во время имперіи.

Далѣе, сообразно вырабатывающемуся на основаніи изслѣдованія новаго матерьяла, новому взгляду на имперію, Моммсенъ совершенно иначе, чѣмъ прежніе историки изобразилъ дѣятельность Цезаря, настоящаго основателя имперіи по его мнѣнію, котораго раньше представляли обыкновенно лишь какъ честолюбца, хотя бы и геніальнаго и разрушителя высокихъ республиканскихъ принциповъ и свободнаго строя; онъ же выставилъ его, какъ замѣчательнаго и прогрессивнаго государственнаго дѣятеля, работу котораго онъ не только признавалъ положительно полезною, но и восторгался ею, какъ благотворнымъ переворотомъ.(x) Переходя къ дальнѣйшимъ результатамъ работы Моммсена, надо съ особеннымъ удареніемъ отмѣтить, что онъ первый построилъ на незыблемо научномъ фундаментѣ государственную теорію Римской имперіи взамѣнъ прежняго шаблоннаго и поверхностнаго ея изображенія, не основаннаго на строгомъ и всестороннемъ анализѣ источниковъ. Моммсенъ сдѣлалъ это въ своемъ знаменитомъ Римскомъ Публичномъ Правѣ (Römisches Staatsrecht), которое надолго останется необходимою научною основою для всѣхъ занимающихся періодомъ. Затѣмъ въ вышедшемъ ~~въ~~ (1885 г.) пятомъ томѣ его Римской Исторіи Моммсенъ далъ обширное и богатое содержаніемъ повѣствованіе политической и культурной исторіи римскихъ провинцій отъ временъ Цезаря до Діоклетіана; оно составлено ~~ное~~ изъ группировки и переработки всего вновь добытаго и изслѣдованнаго матерьяла(xx).

(x) Моммсенъ м.б. даже преувеличилъ свѣтлую сторону переворота Цезаря; но для новаго и правильнаго общаго построенія изображеніе его оч. важно

(xx) Эта часть ~~знаменитаго~~ труда Моммсена слабѣе первыхъ

Наконецъ онъ самъ произвелъ массу превосходнѣйшихъ монографическихъ розысканій на всевозможные частные вопросы по исторіи имперіи, онъ постоянно продолжаетъ работать надъ нею, возбуждаетъ къ работѣ другихъ, являясь первокласснымъ научнымъ руководителемъ, организуетъ коллективныя научныя предпріятія и т.д.

Всего этого онъ достигаетъ и сочиненіями и преподаваніемъ, общеніемъ, совѣтами, академическою дѣятельностью, перепискою, всякими возможными способами, оказываясь несомнѣннымъ великимъ основателемъ и вождемъ разработки научной исторіи Римской имперіи.

Несомнѣнно, послѣ привлеченія эпиграфическаго матерьяла къ историческимъ изслѣдованіямъ, послѣ работъ Моммсена и его школы - односторонняя Тацитовская концепція Римской имперіи должна быть уже окончательно отвергнута. Нельзя уже теперь только клеймить позоромъ имперію за ея развратъ, императоровъ, за деспотизмъ. Вмѣсто того, чтобы останавливаться, какъ дѣлали прежде, на одной особѣ императора и на одномъ городѣ Римѣ, на борьбѣ императора съ сенаторами и старыми аристократическими партіями на его произволѣ и жестокостяхъ въ Римѣ - стали всматриваться въ жизнь всего римскаго міра. То, что раньше, казалось, исчерпывало исторію имперіи (жизнь императоровъ и ихъ борьба со врагами), теперь выяснялось какъ преходящее явленіе съ тѣсной сферою воздѣйствія. Благодаря новымъ источникамъ и болѣе историческо-

трехъ томовъ, но тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ кромѣ богатства содержанія много великолѣпныхъ страницъ. Она издана въ русскомъ переводѣ.

му" истолкованію старыхъ въ своихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ новыхъ въ имперіи находятъ не одно лишь паденіе съ самаго начала, а цѣлый рядъ новыхъ, положительныхъ творческихъ громадныхъ по значенію и по широтѣ вліянія процессовъ развитія, совершавшихъ великій переходъ отъ древняго міра къ новому. Съ такой новой точки зрѣнія (выведенной изъ источниковъ, а не навязанной имъ) время Римской имперіи заключаетъ великій и разнообразный всемірно-историческій интересъ.

1) Имперія обнаруживается теперь, какъ первое въ исторіи Европы очень замѣчательное, обширное политическое объединеніе, подъ одними учрежденіями и на началахъ мирнаго общенія громаднаго комплекта странъ и народовъ.

2) Движущіе элементы исторической жизни распространяются изъ центра въ обширное политическое, соціальное и культурное тѣло, объединенное Римомъ, проникаютъ во всѣ концы огромнаго провинціальнаго міра; гдѣ всюду, во всѣхъ умахъ начинаетъ биться энергичная могучая жизнь, гдѣ происходитъ величественный процессъ романизаціи, постепеннаго перерожденія варваровъ въ образованныхъ Римлянъ, гдѣ совершается удивительно сильный прогрессъ, который мало по малу объединяетъ всѣ народы запада въ одинъ культурный организмъ, кристаллизовавшійся въ формахъ романизма-эллинизма.

3) Внутри имперіи происходитъ оригинальный ростъ учрежденій, - постепенно создается первая стройная система управленія очень большимъ культурнымъ государствомъ и широкое соціальное теченіе, направленное къ демократизаціи общественныхъ

отношений; развивается гражданское равенство, самоуправление, освобождается трудъ, пріобрѣтаетъ большое напряженіе экономическая, промышленная дѣятельность населенія, смягчается рабство, создается первая замѣчательная система общечеловѣческаго права, которое до сихъ поръ многими именуется писаннымъ разумомъ.

4) Въ глубинѣ общества происходитъ интересное и поучительное <u>философское развитіе</u>, выдвигающее главнымъ образомъ этическіе вопросы, дѣйствующіе на законодательство, религію, нравы.

5) Религіозные культы сближаются, образуется сложная система религіознаго „синкретизма" - <u>греко-римскій политеизмъ</u>, самая религіозная несостоятельность котораго и развивавшаяся потребность глубокой вѣры подготовляютъ торжество новой духовной религіи.

6) Наконецъ во время Римской имперіи возникаетъ эта новая міровая религія <u>христіанство</u>, въ ней и благодаря ей распространяется и совершаетъ свою міровую побѣду.

Одного этого перечисленія достаточно, чтобы убѣдиться въ очень важномъ всемірно-историческомъ значеніи Римской Имперіи и сознать необходимость хорошо изучить исторію этого періода для пониманія того сложнаго процесса черезъ который должно было пройти человѣчество, чтобы вступить изъ древней исторіи въ новую.

Изученіе это, впрочемъ не очень легко въ предѣлахъ университетскаго курса. Конечно, какъ я сказалъ, новый научный положительный взглядъ на Римскую

Имперію, можно сказать, восторжествовалъ. Къ нему присоединяются въ большей или меньшей степени всѣ серьезные ученые но мы не имѣемъ еще полнаго построенія исторіи даннаго періода, которое было бы сдѣлано рукою великаго мастера, имѣло бы подъ собою и въ себѣ всю совокупность новаго матерьяла въ формѣ научныхъ обобщеній и проникнуто было бы отъ начала до конца новою идеею. Моммсенъ до сихъ поръ откладываетъ обнародываніе своего четвертаго тома, который долженъ заключать внутреннюю исторію Имперіи отъ Августа до Діоклетіана. Такъ что монографическія изслѣдованія еще не сведены вмѣстѣ авторитетною рукою какого-нибудь замѣчательнаго знатока и приходится исходить изъ частныхъ работъ.

Съ другой стороны трудность заключается въ томъ, что новая точка зрѣнія можетъ вести къ преувеличеніямъ. Такъ напримѣръ Фюстель де Куланжъ, развивая съ особенною рѣзкостью новый взглядъ о положительномъ значеніи и прогрессивности римской имперіи, распространяетъ такую оцѣнку на весь періодъ ея существованія. Онъ видитъ прогрессивное развитіе учрежденій и благосостоянія и въ послѣдніе вѣка имперіи, отказывается признавать глубокое разложеніе, объявляетъ такъ называемое паденіе Римской Имперіи историческою иллюзіею и смотритъ на переходъ изъ древняго міра въ средніе вѣка черезъ Римскую Имперію, какъ на болѣе или менѣе нормальную эволюцію, чуждую коренныхъ измѣненій.

Въ такомъ взглядѣ заключается несомнѣнная крайность, и современная задача науки по отно-

шенію къ періоду имперіи состоитъ въ томъ, чтобы признавая прогрессивное значеніе Римской Имперіи при ея утвержденіи по сравненію съ послѣдними вѣками республики объяснить недолговѣчность внесеннаго ею прогресса и этою непрочностью истолковать паденіе.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть первую положительную роль Имперіи. Вопросъ о процессѣ ея разложенія и причинахъ паденія будетъ предметомъ одного изъ слѣдующихъ отдѣловъ курса.(x)

(x) Какъ пособія для подробнаго ознакомленія съ исторіею Римской имперіи въ ея цѣломъ укажу на два обширные труда: 1) Victor Duruy, Histoire des Romains (nouvelle edition illustrée, tomes III–VII, Paris 1881–85) и 2) Hermann Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit (3 Bde. Gotha 1883–87) — первый разностороннѣе и талантливѣе; второй ученѣе но суше и болѣе узокъ. Точка зрѣнія въ обоихъ современно-научная, но первоклассными произведеніями ни тотъ, ни другой названы быть не могутъ. Сочиненіе Дюрюи читается съ интересомъ, работа Шиллера скучна, но очень богата фактами. Цѣннымъ справочнымъ пособіемъ съ указаніемъ источниковъ и литературы является книга G. Goyau. Chronologie de l'empire Romain (Paris 1891) — Кромѣ того см. общія построенія исторіи даннаго періода во „Всемірныхъ исторіяхъ" Ранке, Вебера и др.

II.

Происхожденіе и сущность Римскаго принципата. (Конституція Августа.) (x).

Въ разсмотрѣніи исторіи Римской имперіи мы ограничимся тѣмъ, что необходимо для уразумѣнія ея всемірно-историческаго вліянія. Мы познакомимся съ государственнымъ устройствомъ имперіи, затѣмъ съ соціальною политикою императоровъ и наконецъ съ широкимъ процессомъ распространенія въ Европѣ Римской гражданственности и культуры.

Обратимся прежде всего къ разсмотрѣнію конституціи Августа и его ближайшихъ преемниковъ, къ характеристикѣ такъ называемаго принципата.

Для основательнаго ознакомленія съ поставленнымъ вопросомъ недостаточно ограничиться лишь описаніемъ и анализомъ устройства государ-

(x) Болѣе или менѣе обстоятельное описаніе развитія и сущности императорской конституціи можно найти въ названныхъ выше общихъ трудахъ по исторіи Римской имперіи – Шиллера и Дюрюи. Но капитальнымъ руководствомъ (можно сказать классическимъ) является замѣчательное научное произведеніе Моммсена – „Римское государственное право" (Römisches Staatsrecht; 2 первые тома вышли уже третьимъ изданіемъ въ 1887 г.; ~~третій еще не вышелъ:~~ третій появился лишь недавно первый разъ). Трудъ Моммсена захватываетъ царскій и республиканскій періодъ и имперію до Діоклетіана. – Кромѣ того общее изображеніе вопроса найдемъ въ такъ называемыхъ сочиненіяхъ по „римскимъ государственнымъ древностямъ", или въ руководствахъ по „исторіи римскаго

Кур-

сива, недостаточно изучить вопросъ статически, необходимо пользоваться, сколько возможно, и динамическимъ методомъ (x).

Какъ возникла и сложилась имперія? вотъ первый пунктъ, который мы постараемся охватить въ общихъ чертахъ, затѣмъ перейдемъ къ описанію и анализу ея государственныхъ формъ.

1.- Происхожденіе имперіи въ Римскомъ мірѣ долго изображалось, мы видѣли, въ наукѣ односторонне и поверхностно. Паденіе республики объясняли упадкомъ нравовъ; утвержденіе единовластія - деспотическими тенденціями и узурпаціею отдѣльныхъ ловкихъ и честолюбивыхъ людей, стремившихся къ власти. Великій переворотъ объясняли, стало быть, столкновеніемъ личностей, а не опре-

государственнаго права", которыхъ довольно много и на нѣмецкомъ, и на французскомъ языкахъ. Указываю лишь книгу бельгійскаго профессора P. Willems, Le droit public Romain (6 éd. Louvain, 1888), какъ охватывающую исторію римскихъ государственныхъ учрежденій отъ начала до конца (до Юстиніана), и какъ представляющую очень скучно читаемую, но чрезвычайно богатую справочную книгу съ массою указаній на источники и весьма полною библіографіею. Въ этой книгѣ можно найти всѣ нужныя другія указанія. - Она переведена (съ 5 изд.) на русскій языкъ П. Виллемсъ, Римское государственное право (Кіевъ, 1889, 2 выпуска.)

(x) Т.е. необходимо ставить вопросъ о происхожденіи имперіи, какъ политической формы изъ совокупности тѣхъ политическихъ и соціальныхъ условій, въ которыхъ слагалась жизнь римской республики послѣднихъ временъ и изъ изученія постепеннаго развитія юридической теоріи государства въ Римѣ и государственныхъ учрежденій, какъ основныхъ нормъ публ. права.

Рим.

дѣленною комбинацiею и взаимодѣйствiемъ основныхъ факторовъ исторической жизни и общественнаго строя нацiональныхъ, политическихъ и соцiальныхъ. Особенности государственнаго устройства, явившагося результатомъ этого переворота, выводили изъ отличительныхъ свойствъ индивидуальнаго характера основателей Имперiи – Цезаря и Августа, (т.е. выдвигали исключительно психологическiй моментъ.)

Конечно такую точку зрѣнiя нельзя признать правильной: чтобы вѣрно понимать сущность имперiи надо знать условiя, при которыхъ она возникла и изъ которыхъ она вытекала, какъ необходимое слѣдствiе. Къ краткому изображенiю этихъ условiй мы теперь и обратимся.

Наиболѣе характерными особенностями государствъ древняго мiра были (я уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ) 1) внѣшнiй признакъ – незначительность пространства занимаемаго каждымъ. (городъ и государство). 2) внутреннiй признакъ – исключительность проникающаго и оживляющаго ихъ духа (узкiй патрiотизмъ, аристократизмъ.) Городъ (площадь – forum, ἀγορά) – конкретный и единственный центръ довольно ограниченной области – вотъ арена политической жизни древняго государства. Коренные жители (граждане – cives, πολῖται) вотъ ея немногiе активные дѣятели. Внѣ города скоро находится уже граница государственной территорiи, начинается чужая земля, населенная иностранцами, рѣдко союзниками, а чаще всего врагами или подчиненными, зависимыми

Ш. Превъ   Ло.

...ными.

Греческій міръ такъ и не вышелъ изъ формъ государственной культуры городского типа (x). Но римскій народъ представлялъ въ этомъ отношеніи нѣчто иное: въ немъ какъ бы впервые появилось новое начало - стремленіе къ объединенію человѣчества въ болѣе широкій государственный союзъ. Прежде всего бросается въ глаза быстрый территоріальный ростъ римскаго государства, которое захватываетъ въ свои предѣлы значительную часть тогда извѣстнаго міра. Крошечная Римская городская община (urbs) завоевываетъ міръ (orbis) и сливается съ нимъ.

Весь смыслъ болѣе чѣмъ тысячелѣтней исторіи Рима заключается въ этихъ двухъ словахъ urbs et orbis т. е. она представляетъ исторію одной гражданской общины, которая, увеличиваясь, становится міромъ, исторію города разросшагося въ могущественную имперію, охватившую всѣ земли, окружавшія Средиземное море, объединившую всѣ культурные элементы древняго міра и выработавшую главныя основы европейской цивилизаціи.

Ростъ совершается постепенно расширяющимися концентрическими кругами около средней

(x) Возникавшие тамъ союзы городовъ (федераціи - напр. Ахейск. и др.) были явленіемъ переходящимъ, неимѣющимъ никакой внутренней прочности. Появившаяся на время, въ концѣ историческаго развитія Греціи, Македонская монархія была также слабой формой крупнаго госуд. образованія, кот. очень скоро выродилась и распалась.

точки Рима. Окружности каждаго изъ этихъ круговъ опредѣляются естественными условіями географическими, этнографическими и историческими. Въ такомъ могучемъ движеніи отъ центра къ периферіи мы можемъ ясно отличить три круга: 1) Первый изъ нихъ обнимаетъ Римъ, какъ первоначальную тѣсную гражданскую общину и очень рано (почти до исторіи) завоеванный имъ Лаціумъ (x) 2) Второй концентрическій кругъ представляетъ Италія: Первоначальная римская община охватываетъ весь полуостровъ, соединяя въ одно государство италійскіе народы. 3) Третій кругъ большимъ прибрежнымъ кольцомъ огибаетъ Средиземное море.

Такое внѣшнее территоріальное объединеніе Римомъ міра, настолько замѣчательный фактъ, въ древности, что онъ невольно заставляетъ предполагать въ Римлянахъ присутствіе внутренне объединяющей силы. Это начало объединенія, заключавшееся въ самомъ характерѣ римскаго народа, какимъ онъ сложился въ исторіи, было подмѣчено еще древними и особенно хорошо оцѣнено Цицерономъ (x̄). Изъ новыхъ историковъ на эту внутреннюю особенность римскаго народа обращаетъ вниманіе, мы видѣли, Амедей Тьерри, называя ее „духомъ ассоціаціи", а также Моммсенъ именуя

(x) Территорія его опредѣляется естественными границами, совпадаетъ съ долиною нижняго Тибра между Албанскими горами и моремъ.

(x̄) См. его рѣчь Pro Balbo, гл. 13. Подобнаго же рода текстъ находимъ у Діонисія Галикарн. (Antiqu. Rom. II, 16, 17).

юціи съ „системою инкорпораціи". „Вся римская исторія, говоритъ послѣдній, есть ничто иное, какъ медленное инкорпорированіе побѣдителями побѣжденныхъ въ свою среду путемъ постепеннаго распространенія на нихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. (х).

Если разсматривать Римскую исторію съ этой точки зрѣнія, то она является замѣчательно стройною: получается грандіозная и внутренно цѣльная картина. Первоначальная гражданская община, составившаяся изъ соединенія трехъ древнѣйшихъ трибъ (Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ), расширяется сначала въ Италійское союзное государство (Гракхи), а потомъ поглощаетъ и провинціаловъ, включивъ ихъ постепенно въ гражданство (Августъ - Каракалла), сплачиваетъ ихъ въ одну всемірную имперію, которая вырабатываетъ въ концѣ концовъ общее для всѣхъ законодательство (заключительный пунктъ развитія - кодификація римскаго права Юстиніаномъ).

Такимъ именно предстанетъ глазу внимательнаго изслѣдователя развивающаяся картина гражданскаго и политическаго объединенія міра имперіею, перерожденія узко-національной гражданской общины въ міровое государство. Это процессъ громадный и новый, и онъ является результатомъ органическаго развитія римской государственно правовой и гражданско правовой идеи. Разсматриваемая такимъ образомъ Римская исторія открывается „прекрасною въ своемъ единствѣ и-

х) Римск. Истор. т. I кн. 1, гл. 6.

простотѣ" („belle d'unité et de simplicité", какъ говоритъ Огюстэнъ Тьерри, объ исторіи Франціи.)

Не надо однако черезмѣрно увлекаться этой заманчивой стройностью, надо помнить, что объединеніе не шло гладко и безпрепятственно, осуществилось далеко не сразу. Духъ объединительности, ассимиляціи и слитности иногда ослабляется; — тогда государство начинаетъ колебаться и только съ возрожденіемъ этого духа подымается снова и оно.

Римляне народъ „ассимилирующій" и „ассимилирующійся," только по сравненію съ другими народами древности; въ сущности же и въ ихъ характерѣ и ихъ строѣ жизни было много исключительности и консерватизма. Духъ римскаго народа строго аристократиченъ. Такой исконный аристократизмъ усиливался отъ завоевательной политики, рано усвоенной римскимъ государствомъ. Не смотря на указанное внѣшнее стремленіе къ объединенію не было ни одного періода въ римской исторіи, въ которой въ Римѣ не стояла бы другъ противъ друга привилегированная знать и безправное или зависимое большинство,

Внутренній строй гражданской общины всегда заключалъ такимъ въ себѣ противоположность, дуализмъ. Главное содержаніе внутренней исторіи Рима давала борьба тѣхъ гражданъ, добивающихся политическаго равенства противъ гражданъ, ревниво оберегавшихъ исконныя правовыя исключительн-

ныя привилегіи. Цѣлью и результатомъ борьбы являлась расширеніе соціальной основы гражданства. Такъ что принципъ союзности въ развитіи Рима борется съ принципомъ исключительности, причемъ попеременно торжествуетъ то одинъ то другой и только въ концѣ концовъ побѣждаетъ первый.

Такой дуализмъ коренится въ самыхъ глубокихъ основахъ римской гражданской общины.

I) Сначала въ предѣлахъ перваго круга (Римско-Латинскаго) борются патриціи съ плебеями (родовитые съ безродными). Это дуализмъ національно-религіозный, но также соціально-политическій. Плебеи побѣждаютъ, пріобрѣтаютъ права-гражданская община расширяется (x).

II) Еще раньше, чѣмъ уничтожилось первое противорѣчіе (т. е. еще до уравненія плебеевъ съ патриціями), Римъ вступаетъ во второй (Италійскій) географическій кругъ своего развитія. Римъ завоевываетъ Италію. Ему уже невозможно переселять въ свои стѣны или предѣлы жителей подчиненныхъ городовъ. Надобно измѣнить систему. И покоренная Италія, и Римъ побѣдитель знали только одну форму общежитія, городскую общину (xx).

Вслѣдствіе этого у древняго Рима не оказалось средствъ управлять завоеванными общинами иначе, какъ сохраняя за ними ихъ „муниципальную“

(x) „La plèbe entre dans la cité“, какъ говоритъ Фюстель де Куланжъ. Въ знаменитомъ сочиненіи „La Cité antique“ онъ превосходно изображаетъ общій ходъ (les grandes lignes) этой борьбы.

(xx) Объ мѣстно общинно-городской организаціи италійскихъ народовъ см. у Моммсена, Римская Исторія, т. I, гл. 18.

форму управленія. Такимъ образомъ Италія образовалась въ оригинальную федерацію городовъ, не связанныхъ между собою, но соединенныхъ съ Римомъ. Завоеванныя общины сохранили свое мѣстное самоуправленіе, но онѣ были разъединены между собою, а съ Римомъ связаны вѣчнымъ и, по большей части, невыгоднымъ союзомъ. Федерація была насильственная и неравная. Римъ былъ господиномъ, Италійцы слугами. Римляне (патриціи + плебеи) упорно отстаиваютъ свои права, которыя уже стали несправедливою привилегіею. Антагонизмъ обостряется. Попытки благомыслящихъ гражданъ (Гракховъ) устранить дуализмъ, уже угрожавшій республикѣ, разбивается о консерватизмъ и аристократизмъ римскаго духа. Дѣло доходитъ до кровопролитнаго междоусобія. Союзническая война (хотя Римляне и торжествуютъ въ ней надъ Италійцами) приводитъ къ распространенію гражданства на населеніе городовъ Италіи. Такимъ образомъ устранено вторичное неравенство.

III) Но тутъ опять дуализмъ появляется въ новой формѣ, и опять зарожденіе новаго источника раздвоенія возникаетъ до полнаго уничтоженія предыдущаго. Еще до внутренняго объединенія Рима съ Италіей, Римъ вступаетъ въ третій кругъ своего территоріальнаго расширенія, завоевывая внѣ-италійскія земли (провинціи). Чѣмъ больше растутъ военные успѣхи, тѣмъ суровѣе и безпощаднѣе дѣлается аристократизмъ побѣдителей и тѣмъ болѣе упорно и жестоко становится угнетеніе побѣжденныхъ. Система владычества рес-

публиканскаго Рима надъ провинціями есть система самой безпощадной эксплуатаціи громаднаго большинства тѣсными меньшинствомъ (x). Противорѣчіе получалось непримиримое: одна <u>городская община</u> правитъ <u>міромъ</u>, и не хочетъ давать этому міру ни голоса, ни жизни. Римляне, распространившіе свои гражданскія права на италійскихъ союзниковъ, оказались неспособными сознать необходимость принятія въ кругъ расширившейся уже гражданской общины и провинціаловъ, надѣлить и ихъ правами гражданъ, и тѣмъ дать осложнившемуся государственному зданію болѣе соотвѣтствующій фундаментъ. Такое омертвѣніе принципа инкорпорированія и ассимиляціи можетъ быть объяснено различными причинами: 1) Побѣды особенно усилили <u>исключительность</u> римскаго гражданства. Это фактъ обыкновенный: торжество и успѣхъ дѣлаютъ Римлянъ узко-эгоистичными и близорукими. Они могли признать достойными гражданскихъ правъ Италійцевъ, родственныхъ имъ и приблизительно одинаковыми по культурѣ; но допустить до равенства съ собой чужіе народы, особенно варварскіе и полуварварскіе — это уже было несовмѣстимо съ поднявшимся національнымъ самосознаніемъ Римлянъ и съ утвердившеюся у нихъ узко національною конституціею государства.

Несомнѣнно политическое развитіе должно

(x) Провинціи, богатыя и населенныя многочисленными народами, разсматриваются, какъ <u>собственность римскаго народа</u> (<u>praedia populi Romani</u>).

было расширить и эту концепцію, — но 2) какъ разъ въ это время внутри государства происходило *общественное разложеніе*, которое лишило римское гражданство политическаго сознанія и энергіи, необходимой для безкорыстнаго служенія благу государства.

Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ надо сказать нѣсколько словъ, такъ какъ оно объясняетъ возникновеніе имперіи.

Войны, и сопровождавшія ихъ соціальныя послѣдствія разрушили утвердившееся было гражданское равенство внутри общины. Общество снова распалось на два класса, сложилась новая аристократія — *нобилитетъ*. Произошло это болѣе или менѣе слѣдующимъ образомъ.—

Послѣ уравненія плебеевъ съ патриціями Римъ вступилъ на путь внѣ-италійскихъ завоеваній. Въ это тревожное напряженное время, полное трудныхъ завоевательныхъ предпріятій, руководить дѣлами должно было непремѣнно правительство немногочисленное и *сконцентрированное*, которое могло бы тѣсно сплотиться, развить въ себѣ единство, быстроту и энергію дѣйствія, нужныя для успѣха веденія войнъ и внѣшнихъ сношеній. Вслѣдствіе этого народъ (собраніе, комиціи) долженъ былъ отступиться отъ руководства дѣлами. Это вытекало изъ самого положенія вещей. Война возвысила *магистратуру* (высшую, курульную). Высшее управленіе во время войнъ — выдвинуло на первый планъ *сенатъ*. Въ магистраты попадали и крупные

представители прежняго патриціата, и уравненная съ ними плебейская аристократія (x). Возвышенные службою, эти люди старались сохранить за собой исключительное право занятія курульныхъ должностей. Пройдя магистратуру, они по праву вступали въ сенатъ; такъ что сенатъ сдѣлался органомъ этой вновь образовавшейся аристократіи, которая, будучи служилою по происхожденію, пыталась постепенно укрѣпить за собою наслѣдственное исключительное право на занятіе всѣхъ высшихъ правительственныхъ должностей.

Ниже указанной аристократіи (нобилитета) располагался второй слой знати всадничество (xx), претендовавшее на второстепенныя политическія или военныя должности. Впрочемъ всадники не рѣдко добивались также и высшихъ курульныхъ мѣстъ, которыя оставались почему либо не занятыми нобилями. Послѣднее стремленіе всадниковъ вызывало отпоръ со стороны нобилей. Они тѣснѣе сплачивались между собою въ крѣпкую корпорацію, чтобы не допускать тѣхъ, кого они презрительно

(x) Что во время борьбы патриціевъ съ плебеями послѣдніе дѣйствовали не цѣльнымъ классомъ, а идя за своего собственною знатью, — это очень хорошо доказалъ солидный французскій изслѣдователь, Emile Belot въ своемъ прекрасномъ сочиненіи — Histoire des chevaliers romains, 2 vols, 1866-73.

(xx) Оно составлялось преимущественно изъ богатыхъ представителей муниципальной знати италійскихъ городовъ.

называли „новыми людьми“ (homines novi), до „узурпаціи“ правительственнаго положенія, которое считали только лишь своею привилегіею. Въ этомъ наблюдается признакъ новаго своеобразнаго усиленія аристократизма въ организаціи римскаго общества. Но всадники, благодаря главнымъ образомъ своему постоянно растущему финансовому могуществу (x) всетаки часто достигали своей цѣли, и прорывались къ должностямъ. Кромѣ того они представляли изъ себя естественный и необходимый элементъ для пополненія нобилитета („питомника сената“) въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ не могъ удовлетворить государственнымъ функціямъ силами собственныхъ сыновъ, оставляя нѣкоторыя высшія магистратуры вакантными. Такимъ путемъ всетаки аристократія нобилей расширялась пополненіемъ извнѣ, хотя и въ очень тѣсныхъ рамкахъ, присоединяя къ себѣ наиболѣе сильные всаднические элементы.

Въ результатѣ вмѣсто демократической республики (въ античномъ смыслѣ слова), которая временно какъ-бы установилась послѣ уравненія правъ между патриціями и плебеями, получается въ Римѣ олигархическое господство двухъ очень тѣсныхъ привилегированныхъ сильныхъ группъ, кото-

(x) Владѣя большими денежными капиталами, всадники захватываютъ въ руки всѣ крупныя финансовыя предпріятія, являясь откупщиками государственныхъ податей и доходовъ въ провинціяхъ, казенными подрядчиками, арендаторами или предпринимателями всякой крупной промышленной эксплуатаціи. Богатство дѣлало иногда изъ всадниковъ весьма опасную оппозиціонную силу.

рія имѣютъ тенденцію слиться въ одинъ правительственный нобилитетъ, но первоначально, пока они враждуютъ между собою (x). Все богатство сосредоточивается въ рукахъ этихъ двухъ классовъ. Нобили преимущественно захватываютъ земли, какъ всадники капиталы. Военная добыча даетъ имъ громадную матерьяльную силу. Раззореніе мелкихъ и среднихъ земельныхъ собственниковъ вслѣдствіе войны даетъ возможность богатымъ людямъ скупать частныя земли большими комплексами, а правительственное положеніе ихъ отдаетъ въ ихъ руки львиную долю при раздѣлахъ и при пользованіи общественными землями. Такимъ образомъ они заняли преобладающее положеніе въ Италіи и въ хозяйственномъ отношеніи. Рядомъ съ образованіемъ большихъ сельскохозяйственныхъ единицъ, эксплуатирующихъ рабскимъ трудомъ, идетъ обезземеленіе простыхъ гражданъ. Такъ они сгоняются съ участковъ земли и стекаются въ Римъ, гдѣ вслѣдствіе этого ростетъ многочисленный пролетаріатъ, который всегда является грозной и опасной силой во всякіе смутные періоды, который представляетъ всегда горючій матерьялъ для революціонныхъ волненій. Обез-

(x) Не имѣя возможности подробно останавливаться на изображеніи историческаго процесса образованія нобилитета и всадничества во времена паденія республики укажу на нѣкоторыя сочиненія, въ которыхъ интересующійся вопросомъ спеціально могли-бы познакомиться съ нимъ основательно. Кромѣ капитальныхъ трудовъ Моммзена „Римская Исторія" и „Публичное Право" назову весьма серіозное и замѣчательное, хотя довольно трудно читаемое нѣмецкое руководство Lange „Römische Alterthümer", томы 2, и 3,

Сл.

земельному римскому крестьянству, на которомъ раньше, такъ сказать, покоилась римская гражданская община, какъ на основномъ классѣ, обезпеченномъ, трудолюбивомъ, консервативномъ и преданномъ государству, теперь не къ чему приложить свой трудъ: промышленная дѣятельность находилась еще въ зачаточномъ состояніи, изъ землевладѣнія онъ вытѣсненъ, крупное хозяйство выросшихъ на мѣстѣ крестьянскихъ участковъ большихъ магнатскихъ помѣстій (латифундій) ведется руками рабовъ, которыхъ въ огромномъ количествѣ выбросила на рынки война, и которые скупались тѣми же богачами-новыми.

Такимъ образомъ потерявшее обезпеченность, погрузившееся въ экономическія бѣдствія крестьянство, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе солидарности съ государствомъ. Пролетаріатъ волнуется, требуетъ хлѣба у государства, играетъ въ политику, за деньги и зрѣлища продаетъ свои гражданскіе голоса (x).

Въ которомъ исторіи и организаціи нобилитета отдается особенно большое мѣсто и прекрасное выше отмѣченное изслѣдованіе - Е. Belot, „Histoire des chevaliers romains", 2 v. P. 1866-1873. Это очень широко поставленная работа, несмотря на свое специальное названіе, она разсматриваетъ исторію всей римской конституціи съ точки зрѣнія участія въ ней аристократіи.

(x) Я лишь однимъ намекомъ говорю здѣсь о соціальномъ разстройствѣ римскаго общества передъ утвержденіемъ имперіи, т.к. разсмотрѣніе этого историческаго процесса въ дѣта-

[illegible]

Итакъ къ концу республики равновѣсіе въ Римскомъ мірѣ исчезло.

I) Римская гражданская община эксплуатируетъ міръ, кучка людей грабитъ цѣлые милліоны. Городъ объединилъ міръ, но не сплотилъ его въ государство. Онъ одинъ съ своими немногими гражданами составляетъ политическое тѣло, это городъ — царь, а не городъ - столица. Таково первое, такъ сказать, внѣшнее противорѣчіе.

II) Затѣмъ и внутри самой гражданской общины нѣтъ равновѣсія: а) Италійцы хоть и сравнены въ правахъ съ Римлянами, однако не могутъ ими пользоваться такъ какъ только непосредственное присутствіе въ Римѣ на Марсовомъ полѣ, на форумѣ, въ куріи дѣлаетъ возможнымъ для гражданина осуществлять свои политическія функціи. Получивъ право личнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, которое за дальностью разстоянія ихъ жительства остается мертвою буквою, италійцы не могутъ избирать изъ своей среды и посылать своихъ депутатовъ въ Римъ. Система народнаго правленія черезъ представителей была политической истиной, до которой до самаго конца не доросъ древній міръ, по крайней мѣрѣ, въ организаціи общегосударственныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ уравненіе италійцевъ съ римлянами оказывалось простой фикціей. б) Въ самомъ Римѣ къ тому же на лицо есть вопросъ, связанный съ исторіею республиканскаго Рима.

Анализъ же исторіи землевладѣнія и вообще *социально-экономическая ист. Имперіи* должна войти въ одну изъ заключительныхъ частей нынѣшняго моего курса.

формулъ и особенно въ куріи царствуетъ немногочисленная олигархія нобилей, она сначала импонируетъ чуждому политическаго сознанія, взволнованному и голодному пролетаріату, потомъ подавляетъ его и тѣмъ вызываетъ глухую оппозицію, которая наконецъ вырывается и проявляется въ открытой борьбѣ (начинаются междоусобія). Во главѣ государственнаго управленія мало видимъ мы лицъ, сознающихъ неправильность существующаго порядка и необходимость коренныхъ реформъ, да и нѣтъ партіи (безкорыстной, разумной и сильной) которая могла-бы поддержать ихъ начинанія (Гибель Гракховъ доказываетъ это).

Старое государственное устройство оказалось выгоднымъ для самаго незначительнаго меньшинства; громадное большинство, страдало и тяжело переносило существующіе порядки; глухо требовало ихъ измѣненія. Такимъ образомъ расширеніе территоріи римскаго государства и съ другой стороны ненормальность взаимныхъ отношеній между гражданскими и не-гражданскими элементами населенія и внутри гражданства неравномѣрность распредѣленія благосостоянія и правъ между верхними и низшими слоями его должно было привести къ паденію республиканскихъ учрежденій. То гармоническое сочетаніе между тремя элементами политической жизни - монархическимъ, аристократическимъ и демократическимъ (магистратурой, сенатомъ и народомъ), передъ которымъ благоговѣлъ Полибій въ эпоху Пуническихъ войнъ - исчезло навсегда.

Вмѣстѣ съ паденіемъ учрежденій, съ нарушеніемъ соціальнаго равновѣсія падала общественная и индивидуальная нравственность классовъ и личностей. Группы и индивидуумы вырождались, не освѣжаемые приливомъ новыхъ молодыхъ и бодрыхъ элементовъ извнѣ.

Духовныя силы націи ослабѣли и были подорваны. Нравственное паденіе и вверху и внизу общества, порожденное непомѣрными привилегіями однихъ, невозможностью для другихъ находить удовлетвореніе самыхъ элементарныхъ жизненныхъ потребностей, возрастало съ поразительною быстротой. Сословіе нобилей (оптиматовъ), развращенное богатствомъ, разнузданное властолюбіемъ, изнѣженное соприкосновеніемъ съ восточною роскошью и отрицательными явленіями греческой цивилизаціи представляла какъ въ общественной такъ и въ частной своей жизни возмущающую душу картину паденія. Неорганизованная толпа пролетаріевъ на площади, голодная и возбужденная служила удобнымъ орудіемъ для личныхъ цѣлей всякаго, добивающагося власти. Если нобили развращающимъ образомъ дѣйствовали на народъ, то и сами пролетаріи со своей стороны содѣйствовали деморализаціи аристократіи тѣмъ, что явились податливымъ оружіемъ политическихъ интригъ.

Изъ такого взаимодѣйствія двухъ основныхъ элементовъ римскаго общественнаго строя - развилась демагогія, мнимое правленіе, которое служило явнымъ доказательствомъ разложенія республики.

Такимъ образомъ въ сенатѣ засѣдали не-

порченные корыстолюбiемъ и безответственностью, аристократiи, на форумѣ собиралась развращенная подкупами, зрѣлищами и даровою раздачею хлѣба, опустившаяся, обнищалая, разношерстная толпа пролетарiевъ („misera ac jejuna plebecula") въ которыхъ тяжелая борьба за существованiе убила всякiе духовные интересы, которые готовы были на всякое политическое безразсудство и не умѣли даже отличать друзей отъ враговъ. – последнiе реформаторы въ республиканскомъ направленiи падаютъ жертвами той же демократiи, интересамъ которой они служатъ. Старые элементы потеряли всякую возможность оздоровить себя и возродить общее дѣло.

Въ то время какъ политическiя партiи въ Римѣ въ непримиримой эгоистической враждѣ губили последнiя силы, и республиканскiя учрежденiя все больше и больше клонились къ паденiю, на политическомъ горизонтѣ выступала на первый планъ новая сила <u>войско</u>. Постоянныя войны, которыя вела Римская республика выдвинули его впередъ. Вслѣдствiе повысившихся и непрекращающихся военныхъ потребностей войско должно обратиться въ техническую постоянную корпорацiю солдатъ и обособиться отъ гражданской общины съ которою оно раньше совпадало. Измѣнившееся настроенiе имущихъ классовъ, потерявшихъ воинственность и патрiотизмъ, уклонявшихся отъ военной службы какъ отъ тяжелаго труда заставило правительство пополнять армiю изъ пролетарiевъ. Все это поколебало твердость дисциплины въ войскахъ и

субординацію его государству: его стали наполнять безпокойные элементы. Результатомъ всего этого должно было явиться усиленіе значенія полководца: даровитый военачальникъ легко можетъ стать богомъ солдатъ, и опираясь на войско, стать противъ государства, особенно если ему еще удастся связать свою личность съ интересами которой нибудь изъ безправныхъ провинцій, которыя онъ завоевалъ или которой управлялъ, и благосостояніе которой во многомъ отъ него зависѣло. Такимъ образомъ гражданская магистратура (консулатъ) ослабляется, военная (проконсулатъ) усиливается. Войско, оторванное отъ государства готово служить полководцу. Такая комбинація обстоятельствъ, т.е. расширеніе внѣшнихъ военныхъ предпріятій, когда въ жизни народа войско выступаетъ на первый планъ и выдвигается значеніе *личности предводителя* обыкновенно подготовляетъ въ республикѣ монархію. Это хорошо поняли политическіе честолюбцы, уже возвысившіеся въ испорченномъ республиканскомъ обществѣ и начинавшіе уже работать для пріобрѣтенія *единоличной власти*; они стали привлекать къ *войску*, какъ къ боевой силѣ для переворота т.е. для ниспроверженія республики.

Впрочемъ, въ политическомъ отношеніи первые представители такихъ монархическихъ тенденцій опирались на старые соціальные элементы — на нобилитетъ, какъ *Сулла*, или на пролетаріатъ какъ *Марій*, или на тотъ и другой смотря по обстоятельствамъ, какъ *Помпей*.

А так как элементы эти были уже безжизненны, то и названные деятели не добились власти или если и добились, то не упрочили ее за собой.

Цезарь был гениальный ум и потому счастливее в достижении такой поставленной цели. Он понимал, что республика погибла, что ея конституція (городская) не удовлетворяла настоящему (потребностям громаднаго государства).

„Что такое республика? Это пустое слово, это тань без действительнаго существов" говорил он. Для Рима времен Цезаря оставалось два выхода – 1) анархія и расчлененіе или 2) военная монархія. Цезарь выбрал второе. Но как геніальный человек, он сумел понять, что не только римская аристократія, не может поддержать ее, но что и старая демократія недостаточно сильна и способна к новым формам жизни.

Поэтому он, пользуясь, сколько можно было, прежними элементами, т.е. оставаясь в рамках роли народнаго вождя и действуя с помощью войска, призвал к политической жизни провинции. Этот переворот создал империю. Цезарь понял, что монархія удовлетворяла тогда желанию милліонов, сумел формулировать с геніальной ясностью свою цель, с геніальной смелостью и последовательностью ее достигнуть. Униженные слои населенія также поняли Цезаря и стали на его сторону. У него образовалась многочисленная и широкая по сво-

ему соціальному основанію партія, которая была составлена изъ демократическихъ военныхъ и провинціальныхъ элементовъ, но которая объединялась духомъ демократической и военной монархіи, которая должна была дать подчиненному Римомъ міру болѣе справедливое управленіе.

Союзника Марія и зять Цинны, потомокъ древняго (чуть не царскаго) рода Юліевъ, Цезарь съ 16 л. игралъ уже выдающуюся роль среди римской демократической партіи, къ которой примыкали и Италійцы, тогда еще безправные. Дорога къ популярности открывалась передъ нимъ широкая: всѣ угнетенные готовы были вѣрить ему и обращали на него взоры надежды; юліанскій законъ 90 г. въ пользу союзниковъ (Lex Julia de civitate sociis ac Latinis danda) носилъ имя одного изъ его родичей, самъ онъ посвятилъ свое первое ораторское вдохновеніе защитѣ на форумѣ интересовъ ограбленныхъ провинцій (x)

Цезарь съ самаго начала своей дѣятельности опредѣленно стремился къ царской власти, стремился энергически и съ геніальнымъ искусствомъ. Всѣ коалиціи въ которыя онъ вступалъ, всѣ войны, которыя онъ велъ, всѣ законы, которые онъ проводилъ — были для него лишь средствами, ступенями къ этой конечной цѣли. Цезарь погибъ вслѣдствіе несчастной случайности, сдѣлавшей его жертвою заговора. Онъ уже заготовилъ весь матерьялъ нужный для новаго зданія, ему только не удалось его

(x) Это былъ веденный имъ процессъ по обвиненію Корнелія Долабеллы въ лихоимствѣ въ провинціяхъ.

построить (х). Возникшія немедленно послѣ смерти его смуты, еще разъ доказали, что для Рима не было возврата назадъ къ прежнимъ учрежденіямъ, что некому было защищать республиканскую свободу. Народъ не только не присоединилъ своего голоса къ торжествующимъ кликамъ убійцъ перваго императора, но даже встрѣтилъ ихъ восторженныя рѣчи и объщанія грознымъ ропотомъ раздраженія. Въ трагической смерти диктатора его многочисленные сторонники видѣли перстъ враждебной судьбы. Всѣми овладѣло какое то мистическое волненіе, суеверное предчувствіе. Темные толки, фантастическіе разсказы о чудесныхъ явленіяхъ и предзнаменованіяхъ передавались изъ устъ въ уста и обходили всѣ страны и народы римскаго міра. Иностранцы, бывшіе въ Римѣ по единодушному и добровольному порыву, облеклись въ трауръ. Улицы и площади оглашались горестными воплями на всѣхъ языкахъ и говорахъ міра (хх). Настроеніе было тяжелое, нервное чувствовалось ожиданіе чего то великаго. Природа казалось зачала и готова была разрѣшиться царемъ.

(х) См. въ третьемъ томѣ Римской Исторіи Моммсена въ обширномъ отдѣлѣ, посвященномъ Цезарю, блестящее изображеніе дѣлъ этого замѣчательнаго государственнаго человѣка. Картина совершенныхъ имъ преобразованій получается изъ его изложенія громадная и грандіозная.

(хх) Светоній даетъ намъ живую характеристику настроенія римскаго общества послѣ смерти Цезаря. Эти и подобные факты собраны и прекрасно разсказаны у Ам. Тьерри въ его Tableau de l'empire romain.

Пере-

Эти и подобные имъ разсказы, сообщаемые авторами, казались бы необъяснимыми если-бы они относились къ одному человѣку и къ той сравнительно небольшой доли историческаго добра, которую можетъ сдѣлать одна личность какъ-бы она ни была геніальна; но въ данномъ случаѣ личное вліяніе основателя Имперіи (Цезаря) сливалось и согласовалось съ общимъ народнымъ стремленіемъ. Дѣятельность Цезаря способствовала осуществленію всеобщаго и непреодолимаго желанія, его геніальное честолюбіе угадало чутьемъ величайшій изъ всѣхъ кризисовъ, которые когда-либо приходилось переживать античному обществу, — и онъ нашелъ въ этомъ кризисѣ точку опоры для своего Coup d'Etât.

Положеніе народовъ было дѣйствительно новое и очень тяжелое, оно требовало коренной реформы. Прежнія государственныя формы разлагались, и принципы, управлявшіе ими одряхлѣли. Римъ, обезличившій національность во всѣхъ странахъ, начиналъ чувствовать, что его собственная національность колеблется и поддается воздѣйствію остальнаго міра. Условія, при которыхъ жили до сихъ поръ древнія общества, не удовлетворяли требованіямъ настоящаго, требованіямъ большинства. Долженъ былъ неизбѣжно установиться новый порядокъ вещей. Деспотизмъ зародился, потому что свобода не могла жить, она была теперь не по силамъ Римлянамъ, она должна была умереть, потому что міръ нуждался въ другомъ. Свободныя правительства самыя лучшія, потому что они

предполагаютъ высокое развитіе и сильную нравственность въ людяхъ. Но вслѣдствіе этого насъ всего труднѣе сохранить. Какъ говорили о французахъ во времена Лиги или послѣ террора, что они возжаждали царя, такъ и Римляне въ эту эпоху желали себѣ господина, который бы установилъ порядокъ, обезпечилъ безопасность и далъ возможность существовать тѣмъ, которые среди разоренія и всевозможныхъ притѣсненій были совершенно лишены этой возможности.

Всѣмъ этимъ потребностямъ удовлетворилъ Августъ. Онъ воспользовался большою силою, которую сумѣлъ захватить такъ, что не раздражилъ большинство, и тѣмъ укрѣпилъ власть на твердомъ основаніи. Переворотъ наступилъ быстро и проведенъ былъ съ удивительной ловкостью.(x). Истомленные долгими годами войнъ и хищеній народы признали Августа государемъ и привѣтствовали въ его лицѣ начало мира и спокойствія. Знаменитое слово Людовика Наполеона — „Имперія — это миръ" — въ устахъ Августа было несравненно справедливѣе и миръ не замедлилъ обнаружить свое дѣйствіе (xx).

Въ огромномъ комплексѣ странъ и народовъ, носившемъ названіе Respublica Romanorum, не было собственно, никакого единства; имперія раздѣ-

(x) Въ этомъ умѣніи приспособляться къ обстоятельствамъ тайна величія и успѣховъ Октавіана Августа, при сравнительной посредственности его творческихъ талантовъ.

(xx) Плиній съ пафосомъ говоритъ о безграничномъ величіи „Римскаго мира" („Immensa pacis Romanae majestas").

ла замкнутость стараго Рима и сдѣлала то, что до тѣхъ поръ было священнымъ правомъ однихъ квиритовъ, общимъ достояніемъ. „Померій" (священная межа) вѣчнаго города былъ раздвинутъ до далекихъ предѣловъ извѣстнаго міра. Имперія дала общее отечество и общія права всѣмъ народамъ („Urbem fecisti quod prius orbis erat"). Римъ сталъ наконецъ только столицею обширнаго, захватившаго 3 части свѣта, государства.

Въ этомъ смыслѣ имперія взяла на себя серіозное и передовое дѣло и при своемъ появленіи она была фактомъ прогресса. Въ формахъ „имперіи" и благодаря „императорамъ" древній міръ сдѣлалъ важный шагъ отъ города къ государству, жители котораго объединяются общими гражданскими правами, формулируемыми въ общихъ для всѣхъ законахъ и осуществляемыми подчиняющеюся законамъ и учрежденною въ видахъ нетолько цѣлости государства, но и блага населенія администраціею.

Имперія впервые выработала типъ цивилизованнаго и цивилизующаго государства, безъ котораго и внѣ котораго не возможенъ прогрессъ. На этомъ пути Римская имперія была наставницей европейскаго міра и въ этомъ ея великое всемірно-историческое значеніе. Нужно только сказать, что прогрессъ этотъ не могъ быть прочнымъ, такъ какъ онъ осуществлялся, какъ даръ восторжествовавшей единоличной власти, какъ уступка въ силу разсчета, а не принципа, принимался населеніемъ, какъ нѣчто удовлетворявшее матеріальной потребности, а не какъ нѣчто принадлежащее

2.-- Таково было сочетаніе обстоятельствъ и условій, при которыхъ возникла имперія. Познакомимся теперь съ оригинальною комбинаціею элементовъ верховной власти, которое составило конституцію Августа. Знакомство съ этою конституціею необходимо для того чтобы понимать, въ какія отношенія новое государство стало къ обществу, и какъ было принято имъ (x).

На Римскую имперію, установленную Августомъ, долго смотрѣли, какъ на настоящую монархію, освѣщая ее красками, взятыми изъ монархій позднѣйшихъ временъ, изъ монархіи Діоклетіана и Константина. Между тѣмъ въ ней было много, существенно непохожаго на монархію. Римское государство при Августѣ перестало быть республикой, однако оно не было и монархіей или деспотіей; оно представляло совершенно индивидуальный характеръ, и образъ правленія установленный Августомъ правильнѣе всего назвать принципатомъ (xx).

(x) Для характеристики и анализа государственнаго устройства имперіи кромѣ выше названныхъ основныхъ научныхъ руководствъ весьма полезны прекрасныя три статьи проф. В.И. Герье, Августъ и установленіе Римской Имперіи въ Вѣстн. Евр. (1877, Іюнь, Іюль, Августъ.)

(xx). Этотъ терминъ былъ впервые употребленъ съ нѣкоторымъ научнымъ обоснованіемъ нѣмецкимъ ученымъ Цёбелленъ, въ 1834г. (См. ст. Zöbell, Das Prinzipat, въ изд. Raumer'а - Historisches Taschenbuch за 1834). Но теорія принципата были систематически и сильно развита и поставлена въ противоположность съ те-

Въ чемъ же разница между принципатомъ и монархiей, разница принципiальная, которая изъ теорiи распространялась на практику?

Принципатъ — потому прежде всего не монархiя, что разсматривается не какъ самостоятельная власть, а какъ магистратура (гражданская должность)(x). Далье принципатъ выводитъ свою силу изъ того, что власть предоставляется императору народомъ, императоръ является осуществителемъ народнаго верховенства, тогда какъ монархъ кладетъ основанiе своей власти не въ народной волѣ, а ищетъ его въ какой нибудь независимой отъ народа силѣ — божественномъ избранiи, наслѣдственной традицiи, исторической заслугѣ и под. Доказательствами такой теоретической подчиненности принципата народному суверенитету служатъ весьма различные его характерные признаки. — Отмѣтимъ, напримѣръ, что власть, дававшаяся императору, была не пожизненная, а срочная, и по окончанiи срока она должна была быть возобновляема постановленiемъ народнаго собранiя (пока это существовало) или сената. — Магистратурный характеръ императорской власти обнаруживается съ особенною ясностью при смѣнѣ императоровъ. Наслѣдственной передачи власти нѣтъ. Послѣ смерти императора власть возвращается принципiально къ народу, и новый императоръ провозглашается по почину той силы или учрежденiя,

то монархическою формою правленiя лишь Моммсеномъ.

(x) Императоръ-принцепсъ есть магистратъ (Ein Beamter), говорятъ и Ледель, и Моммсенъ.

которыя оказываются как бы органами народнаго самодержавія — въ спокойные моменты это дѣлаетъ сенатъ, въ смутные — Римскій пролетаріатъ или войско. Если императоръ при жизни назначаетъ себѣ наслѣдника, то это назначеніе опять же должно быть утверждено соотвѣтствующимъ образомъ народами или его замѣстителемъ — сенатомъ:— Наконецъ обязательность императора подчиняться законамъ, вотированнымъ народными комиціями, и опредѣленіе круга компетенціи его власти также свидѣтельствуютъ о томъ, что чистою абсолютною монархіею нельзя было назвать римское императорство при появленіи его на историческій сценѣ.

Впослѣдствіи императоры начали систематически стремиться отыскать для своей власти самостоятельный источникъ происхожденія, но въ началѣ Имперіи императоръ и по праву, и въ общественномъ мнѣніи являлся лишь первымъ должностнымъ лицомъ въ государствѣ.

И такая правовая точка зрѣнія утвердилась въ понятіяхъ надолго и развивалась знаменитыми римскими юристами тогда, когда имперія была уже несомнѣнно прочною формою государственнаго устройства въ римскомъ мірѣ.

Такъ Ульпіанъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ юрисконсультовъ (жилъ между 170–228 г. по Р.Х.) такъ сформулировалъ основной законъ верховной власти имперіи: „Что благоугодно государю, то имѣетъ силу закона, такъ какъ царскимъ закономъ народъ передаетъ ему и въ немъ полагаетъ всю свою верхов-

нію власть и все могущество." (x).

Теперь спрашивается — 1) какъ же объяснить себѣ происхожденіе такой немонархической особенности въ монархической конституціи? 2) и какъ понять что человѣкъ, стремившійся къ единоличному господству примирился съ такимъ теоретическимъ воззрѣніемъ?

На первое одни отвѣчали такъ: не признавая за такою „республиканскою внѣшностью" принципата никакого реальнаго значенія, они приписывали эту особенность лицемѣрію Августа (онъ будучи царемъ, только не называлъ себя этимъ именемъ). Другіе, признавая магистратурный характеръ принципата, считали его переходной формою, на которую въ видѣ временной уступки согласилась новая, еще не окрѣпшая власть. (xx). Но и то, и другое лишь отчасти объясняетъ вопросъ. Главная же причина магистратурнаго характера принципата лежитъ въ томъ, что Августъ хорошо понялъ одну коренную особенность римскаго духа и сумѣлъ осторожно приблизиться къ ней, извлекая изъ нея лишь столько пользы, сколько можно было прочно завоевать. Особенность, о которой я говорю, есть римскій консерватизмъ (x-x).

(x) Текстъ этотъ вошелъ и въ Дигесты, т.е. въ Юстиніаново законодательство: „Quod principi placuit legis habet vigorem, utpote cum lege regia populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat" (Dig. I,4,1).

(xx) Самъ Моммсенъ, формулируя государ. теорію „принципата" между прочимъ выводилъ его сущность „изъ недовѣрія Августа своимъ силамъ."

(x-x) О только что указанной національно-политической особен-

Римскій духъ несомнѣнно строго консервативенъ. Выработка такой особенности можетъ объясняться нѣсколькими обстоятельствами, напримѣръ долгимъ господствомъ аристократіи, также религіозностью Римлянъ и сильнымъ первоначальнымъ вліяніемъ жрецовъ на законъ. Наконецъ, господство консервативнаго настроенія у Римлянъ, можетъ быть главнымъ образомъ признано дѣйствіемъ того формализма, господства строго и точно договорнаго начала, которое проникало римскій національный характеръ, отражаясь между прочимъ даже на религіи (x).

Несмотря на этотъ консерватизмъ, Римляне были все таки весьма способны къ прогрессу и жили богатою историческою жизнью; только у нихъ борьба новыхъ идей со старыми всегда была очень упорна и продолжительна. Старое оказывалось живучимъ, какъ бы переживало себя. Старыя формы, санкціонированныя священною традиціею и народнымъ сознаніемъ надолго преграждали путь новому развитію. Проникая въ жизнь послѣднее долж-
ности римскаго народа см. спеціальное изслѣдованіе бывшаго Московскаго профессора С.А. Муромцева, Консерватизмъ римской юриспруденціи (Москва, 1875), а также большую рецензію профессора Герье на эту книгу въ Вѣст. Евр. (1875, Сент.)-Примѣры вліянія данной особенности въ римскомъ государственномъ устройствѣ указаны во второй статьѣ В.И. Герье объ Августѣ (Вѣст. Евр. 1877, Іюль).

(x) Слово Religio равносильно слову obligatio — обязательство-договоръ.

но было всегда подлаживаться подъ первыя. Реально старое начало вытѣснялось новымъ, формально же это старое признавалось неизмѣнно существующимъ.

Такое „приспособленіе" нерѣдко было весьма искусственное. Связка новаго со старымъ обыкновенно основывалось на предположеніи, что новое ничѣмъ не противорѣчитъ старому. Это была правовая фикція, юридическій компромиссъ. Только такими фикціями совершался прогрессъ въ римскомъ правѣ. Гражданскія отношенія даютъ много блестящихъ примѣровъ такихъ фикцій (x). Тотъ же пріемъ примѣнялся и къ публичному праву. Разсматриваемый нами фактъ есть явленіе такой категоріи.

Принципатъ былъ связкой между республикой и монархіей, основанной на вымыслѣ будто старое государственное право оставалось неприкосновеннымъ. Новое монархическое начало являлось подъ старымъ именемъ и прикрывалось старыми формами, и такимъ образомъ одновременно удовлетворялись новыя потребности государства и чувство уваженія къ старинѣ и связанные съ нимъ національные предразсудки (xx). Такимъ образомъ Августъ основалъ монархію, но не увѣнчалъ ее царской короной, а просто приладилъ ее къ республикѣ, давъ ей характеръ магистратуры.

(xx) Такую теорію признаютъ и римскіе писатели (Тацитъ) и офиціальные памятники (напр. Monumentum Ancyranum) и юридическіе тексты (напр. Ulpiano). Новые ученые лишь подмѣтили и научно обосновали эту теорію.

(x) Въ книгѣ г. Муромцева ихъ приведено не мало.

Кург.

Въ этомъ смыслѣ Августъ не только преемникъ Юлія Цезаря, но и сынъ римской исторіи: онъ осуществилъ не только то, что было завѣщано Цезаремъ, но и завершилъ то, что было завѣщано духомъ и преданіемъ римскаго народа. Таково правовое происхожденіе принципата.

Но принимая выше изложенную теорію, мы должны оговориться. Такъ строилась юридическая теорія новаго государственнаго строя, выводимая изъ принципа народовластія, формулируясь въ видѣ имперіи-магистратуры. На дѣлѣ же новый порядокъ возникъ изъ революціоннаго переворота, подавившаго народное право, (узурпація) и сводился, какъ увидимъ къ монархическому абсолютному правленію (единовластіе и самовластіе). Но только образовавшаяся единоличная власть стремилась <u>легитимироваться</u> при помощи принциповъ стараго права. <u>Гизо</u> на примѣрѣ феодальной Франціи очень хорошо показалъ, что только съ помощью такого рода подведенія себя подъ правовую идею можетъ утвердиться новый особенно насильственно восторжествовавшій государственный порядокъ (<u>юридическое</u> основаніе). Но поддерживается новый порядокъ и признается его теорія многочисленными и сильными слоями населенія, только тогда, когда онъ соотвѣтствуетъ ихъ интересамъ, оказываетъ имъ услугу. Этотъ элементъ <u>соціальной услуги</u> населенію, какъ необходимое условіе прочности и существеннаго опредѣленія учрежденій превосходно на примѣрѣ дореволюціонной Франціи показанъ <u>Тэномъ</u>. Такимъ образомъ Августъ преслѣдовалъ личную цѣль. Дѣлъ го-

цистомъ и абсолютистомъ; но онъ умно и осторожно основывалъ свой переворотъ на правовомъ сознаніи народа и опирался на многочисленные классы населенія, выставивъ себя защитникомъ ихъ интересовъ.

Итакъ, отвѣчая на первый изъ выше поставленныхъ двухъ вопросовъ (почему имперія приняла республиканскій характеръ?) мы сказали, что это была необходимая уступка консервативному національному духу Римлянъ.

Обращаясь ко второму (какъ Августъ примирился съ устройствомъ и по своей внѣшности, и по своей теоріи стоящимъ въ разрѣзъ съ его цѣлью?), мы должны выяснить, какимъ образомъ старыя республиканскія формы давали возможность ему влить въ нихъ новое (монархическое) содержаніе.

Августъ стремился къ единовластію и воспроизводя (хоть „фиктивно") старую традицію могъ воспользоваться въ ней лишь такимъ принципомъ, который былъ удобенъ для толкованія его въ выгодномъ для него смыслѣ. Такое удобство онъ нашелъ въ старо-римской идеѣ о магистратурѣ.

Выяснимъ нѣсколько этотъ вопросъ. Чтобы понять имперію въ ея органической связи съ предшествующимъ развитіемъ римскаго государства, надо бросить общій взглядъ на сущность исконнаго римскаго государственнаго устройства вообще и преимущественно на римскую концепцію магистратуры.

Римскій народъ лучше всѣхъ другихъ народовъ всегда умѣлъ и подчиняться и повелѣвать.

Онъ превосходилъ остальные не умственною силою, не мужествомъ, а государственною и общественною дисциплиною (x).

Основнымъ принципомъ римскаго публичнаго права вытекавшимъ прямо изъ только что указанной національной черты было безусловное самодержавіе гражданской общины. То, что Римляне называли Respublica, представляло изъ себя верховную неограниченную власть. Всѣ учрежденія республики были скомбинированы вовсе не въ видахъ обезпеченія правъ гражданъ, а исключительно въ интересахъ государства. Они гарантировали не свободу а подчиненіе. Республиканское государство это былъ абсолютный монархъ, передъ которымъ все склонялось. Государство распространяло свою опеку не только на политическую дѣятельность гражданъ, но и на религію, частную жизнь и нравственность (xx). Личность не имѣла никакой индивидуальной свободы. Эти основоположенія царили надъ умами Римлянъ въ теченіи 12 вѣковъ, и воспоминаніе о

(x) Эта мысль очень ясно выражена у Фюстель де Куланжа въ первой главѣ второй книги „Instit. polit. de l'ancienne Franc"). Онъ говоритъ, что эта именно добродѣтель (дисциплина), въ которой Римскій народъ не можетъ быть сравниваемымъ ни съ какимъ другимъ, сдѣлала его господиномъ всѣхъ другихъ народовъ.

(xx) Превосходное изображеніе вліянія государства на нравственность и вообще о всемогуществѣ государства (omnipotence de l'Etât) въ древнемъ мірѣ находимъ мы также у Фюстель де Куланжа въ его знаменитомъ сочиненіи „La cité antique" (Livre III. ch. 15).

нихъ сохранялось очень долго. Учрежденія мѣнялись, но самый принципъ (– концепція республики, какъ реальнаго существа, самодержавнаго господина). оставался живымъ въ глубинѣ души. Вотъ почему онъ неизбѣжно отыскивается въ сердцѣ всѣхъ самыхъ различныхъ государственныхъ порядковъ, смѣнявшихъ другъ друга на долгомъ пространствѣ времени Римской исторіи.

Итакъ народъ римскій, какъ совокупность гражданъ, (какъ гражданская община) владѣлъ искони верховной властью (Imperium) и вообще способностью (potestas) творить право. Такова была общая римская концепція верховной власти. Это было – народовластіе. Она должна была осуществляться въ извѣстной комбинаціи учрежденій (элементовъ государства), совокупность которыхъ составляла конституцію. Въ ней своеобразно сочетались монархическій (магистратура), аристократическій (сенатъ) и демократическій (народное собраніе) элементы.

Народу (собранію) принадлежала верховная власть по существу; но чтобы она могла практически примѣняться, народъ передавалъ (делегировалъ) всю заразъ (какъ было въ царскій періодъ) или въ отдѣльности (какъ въ республикѣ) функціи ея магистратамъ. Между народомъ – самодержцемъ и исполнителями его воли магистратами находилось, такъ сказать, контролирующее тѣло, высшее правительственное учрежденіе, совѣтъ старшинъ, сенатъ. Онъ не носитель власти, но знатокъ права, хранитель чистоты народной религіи,

законовъ, обычаевъ, въ рукахъ котораго находилось высшее руководство политической жизнью (auctoritas).

Въ различные періоды римской исторіи эти три основные элемента государства комбинировались различно, причемъ выступалъ впередъ то одинъ, то другой, то третій изъ нихъ. Первоначально народъ, хотя и субъектъ верховной власти, былъ на дѣлѣ довольно слабъ. Вся сила была въ рукахъ народныхъ уполномоченныхъ. Власть ихъ была полною, безграничною въ предѣлахъ тѣхъ функцій, которыя были имъ переданы народомъ.

Магистратура въ Римѣ была - такимъ образомъ не только должностью, а именно верховною властью, imperium'омъ (x). Тотъ кто получалъ магистратуру - на всю жизнь (какъ царь) или на годъ (какъ консулъ) или на полгода (какъ диктаторъ) былъ господиномъ, государемъ - magister populi (xx). Такое положеніе магистратуры, давая хорошій способъ сосредоточенія большаго политическаго могу-

(x) У Фюстель де Куланжа (Instit. polit. I, 155) приведены и отлично сгруппированы всѣ тексты, которые опредѣляютъ значеніе этого слова. „Этотъ терминъ (imperium) говоритъ онъ, верховныхъ[2] политическихъ[3] функцій, обозначалъ у Римлянъ цѣлую совокупность властей, въ числѣ которыхъ мы бы отличили высшую правительственную власть, также военную и судебную, но которыя у Римлянъ составляли нераздѣльное цѣлое. Въ принципѣ вся эта сумма власти принадлежала народу (populus imperat); на дѣлѣ же народъ всегда поручалъ ее отдѣльнымъ личностямъ, о которыхъ говорилось - cum imperio est."

(xx) См. великолѣпныя страницы объ этомъ у Фюстель де Куланжа (Inst. I, 156-57).

щества въ отдѣльныхъ рукахъ, могло послужить прекрасною почвою для развитія имперіи.

После республиканскаго переворота (509) года почти царская власть магистратовъ ограничивалась въ пользу охраненія народнаго самодержавія лишь срочностью и коллегіальностью нах (два консула на одинъ годъ.)

Кромѣ того народъ, инстинктивно стремясь къ обереженію и осуществленію своей верховной власти и не будучи въ состояніи самъ (коллективно) заботиться о неприкосновенности своихъ высшихъ прерогативъ, противъ посягательствъ со стороны магистратовъ и сената, — создалъ, такъ сказать „контръ-магистратуру" съ демократическимъ характеромъ-народный трибунатъ, сталъ выбирать себѣ защитниковъ, которыхъ облекъ, принадлежащей ему, неприкосновенностью.

Не обладая сначала активнымъ кругомъ дѣйствія — (правительственною иниціативою) трибуны имѣли право останавливать (Intercesio) постановленія правительствъ, когда считали ихъ несоотвѣтствующими благу народа. Но впослѣдствіи они пріобрѣли возможность предлагать мѣры, которыя казались имъ полезными: путемъ аппеляціи къ народу они могли подымать, такъ сказать, внѣконституціоннымъ путемъ всякіе конституціонные вопросы, вызывая къ дѣятельности народъ — т.е. творца права. Такимъ положеніемъ трибуновъ и такою ихъ силою могла также удобно воспользоваться для своихъ цѣлей имперія. Трибунская власть распростра-

ненная на неопредѣленное время и врученная одному лицу – могла дать прочную почву для основанія демократической монархіи.

Въ періодъ процвѣтанія республики три основные элемента римскаго государства народъ, сенатъ и магистратура нашли себѣ устойчивое равновѣсіе въ правильномъ распредѣленіи между собою правъ, функцій и компетенцій. Народъ развивалъ свое политическое могущество подъ высшимъ авторитетомъ сената, управляемый магистратами. Это былъ счастливый періодъ, прославленный Полибіемъ.

Но рядомъ съ этими легальными органами поднималась сила экстралегальная, дѣлавшаяся понемногу грозною для существованія республиканскаго устройства. Это сила – римскіе легіоны, которые очень рано присвоили себѣ право по мгновенному и добровольному порыву восторга провозглашать императоромъ на полѣ дѣйствія своего побѣдоноснаго полководца. Сенатъ утверждалъ это провозглашеніе и побѣдоносный военноначальникъ только что прославившійся военнымъ подвигомъ сохранялъ это званіе до своего тріумфальнаго въѣзда въ Римъ. Хотя сначала это былъ только почетный титулъ, не дававшій новой власти, однако званіе императора имѣло огромное нравственное значеніе; оно создавало между вождемъ и солдатами крѣпкую внутреннюю связь преданности, вольной вѣрности, гораздо болѣе сильную, чѣмъ простая военная дисциплина. Въ послѣднее время республики въ силу смутъ

и соціальной неурядицы значеніе такого императорства расширилось. Съ помощью войска, которое, какъ я говорилъ, все больше и больше принимало участія въ государственныхъ дѣлахъ, „императоры" (побѣдоносные полководцы) легко захватываютъ въ свои руки военную диктатуру и сохраняютъ ее вмѣстѣ съ саномъ императора на неопредѣленное время и диктатуру и императорство. Эти два республиканскія учрежденія: титулъ императора и срочная диктатура, сростаясь и продолжаясь на неопредѣленное время являлись какъ бы возрожденіемъ царской власти, удобною исходною точкою для развитія военной монархіи. Впервые это стало очевидно на Цезарѣ или Августѣ и съ этихъ поръ слово imperator перемѣняетъ свое значеніе, приравниваясь постепенно къ греческому понятію - autocrator (самодержецъ).

Такимъ образомъ, повторяю, республиканская конституція римскаго государства полагала верховную власть неотъемлемымъ достояніемъ народа. Высшее направленіе администраціи присвоивала сенату, а самое управленіе отдавала въ руки магистратамъ; получавшимъ свои полномочія отъ народа, но подлежащимъ контролю сената. Рядомъ съ этими легальными силами стояла чрезвычайная власть временнаго, а потомъ пожизненнаго диктатора, поддерживаемая и связываемая съ традиціоннымъ правомъ войска на провозглашеніе своего главнокомандующаго императоромъ.

Корр.

Изъ такой концепціи верховной власти родилась имперія, которая выработала свою государственную теорію изъ существовавшихъ до нея и только что охарактеризованныхъ правовыхъ элементовъ. Она основывалась на принципѣ народовластія и на старой практикѣ полновластія магистрата, народнаго избранника, и оказалось, можетъ быть, могущественнѣе всѣхъ когда либо существовавшихъ въ Европѣ монархій. Фактически у власти римскаго императора, разъ онъ являлся единственнымъ народнымъ уполномоченнымъ, также мало было предѣловъ, какъ у власти самого источника т.е. народа самодержца. Императору не зачѣмъ было искать божественнаго права. Формула народнаго права, развитая до ея полноты „авторитетнымъ" геніемъ Рима, была достаточна для утвержденія абсолютной монархіи (x).

3.— Все сказанное „о конституціонныхъ элементахъ римскаго государства" необходимо для того, чтобы выяснить связь между римскою республикою и императорскою конституціею и объяснить существенныя особенности императорскаго строя, дѣлающія изъ него монархію совершенно своеобразнаго типа. Зная теперь условія, при которыхъ возникла имперія и представ-

(x) Даже Юстиніанъ (въ VI в. по Р.Х.) въ теоріи не отказывался отъ магистратурнаго (народнаго) происхожденія имп. власти. Въ Дигестахъ говорится: „Всѣ права и вся власть римскаго народа перенесены въ императ. власть."

ляя себѣ главныя политическія идеи римскаго народа, мы можемъ лучше характеризовать конституцію Августа путемъ краткаго анализа ея состава.-

Самовластіе Августа сложилось не вдругъ, оно развивалось постепенно, въ теченіе его правленія притягивая понемногу къ себѣ всѣ аттрибуты власти. Утвержденіе новаго порядка вещей значительно облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что основателямъ имперіи не приходилось формулировать ни одного новаго принципа. Августъ даже боялся всякаго наименованія, которое бы напоминало о близости паденія республики. Онъ отказался отъ званія диктатора. Передъ нимъ носился образъ Цезаря убитаго въ засѣданіи сената. Достигнувъ всей полноты власти онъ боялся принять ея имя, не называлъ себя господиномъ (dominus), не позволялъ обращаться къ себѣ и титуломъ царя (rex), а довольствовался титуломъ princeps, что значитъ — „первый", „стоящій во главѣ" — по нашему — „государь" (болѣе неопредѣленно, чѣмъ царь).- Это слово princeps — надо понимать не только въ смыслѣ первый изъ сенаторовъ (princeps senatus), но и въ смыслѣ первый изъ гражданъ (princeps civium или омнium) Отсюда и названіе принципатъ (x).

Представимъ себѣ положеніе Августа и во-

(x) Особенно настаивалъ на значеніи этого титула и понятія princeps въ конституціи имперіи Моммсенъ, такъ много сдѣлавшій для обоснованія научной теоріи принципата.

Сол.

однѣ первыхъ Цезарей.

Всеобщее желаніе покоя послѣ изнурительныхъ войнъ, необходимость единой сильной руки для управленія разросшеюся территоріею, приверженность солдатъ къ вождю, поддержка провинціаловъ, замирающее воспоминаніе о республиканской свободѣ, поколѣніе, выросшее въ эпоху нравственнаго паденія, готовое почти въ рабство изъ за почестей и выгодъ — вотъ обстоятельства, которыми очень искусно, съ большою политическою мудростью и глубокимъ знаніемъ людей воспользовался Октавіанъ; и онъ укрѣпилъ новый порядокъ настолько прочно, что могъ послѣ своей смерти спокойно передать свое самовластіе имъ же самимъ назначенному преемнику.

Такимъ образомъ и Цезарь, и Августъ — первые императоры — достигли власти, какъ вожди демократической партіи и какъ представители войска: мѣсто, предоставленное Августу въ конституціи, ясно обозначено этою двойною печатью. Нужно было гарантировать за народомъ побѣду противъ случайностей новой войны и поэтому сохранить за собою военную силу. Нужно было обезпечить его и отъ легальныхъ реакцій и вооружиться для этого исключительною политическою властью — властью различныхъ магистратовъ.

Всѣ эти власти передавались Августу сначала отдѣльно и на сроки, потомъ вмѣстѣ черезъ каждые 10 лѣтъ. Онѣ же были переданы его преемникамъ (Тиберію, Калигулѣ, Клавдію, Нерону....)

уже единовременно и на всю жизнь; мало по малу совокупность этих народных полномочий, составила то, что называется lex de imperio „органический закон принципата" как говорят историки.

Укажем теперь главные элементы императорской власти. Многие ученые говорят, что Август был магистратом, исполняющим заразъ несколько должностей – консула, цензора, претора, трибуна, проконсула, это не вѣрно, или вѣрнѣе, этого недостаточно. Магистратуры были ограничены въ Римѣ мѣстомъ и временемъ. Въ рукахъ Августа было нѣчто большее: онъ обладалъ въ каждую данную минуту въ общемъ и неопредѣленномъ видѣ властью всѣхъ этихъ магистратовъ, хотя не былъ собственно магистратомъ, исполнявшимъ обязанности различныхъ чиновниковъ въ старыхъ легальныхъ рамкахъ. „Мы видимъ императора, окруженнымъ таинственною силою - безграничною, огромною, которая проявляется только временами, когда ему надобно, но тогда подавляетъ все и господствуетъ надъ всѣмъ". (слова Амедея Тьерри.) Тиберiй резюмировалъ въ словахъ, которыя ему влагаетъ въ уста Тацитъ, разстоянiе отъ принципата до магистратуры: „Я не исполняю ни должности эдила, ни претора, ни консула. Санъ принцепса есть нѣчто гораздо большее."

Съ этой точки зрѣнiя Цезари (x) могли повторить вмѣстѣ съ тѣмъ же Тиберiемъ: „Я

(x) Такъ обыкновенно называютъ императоровъ первого вѣка.

господинъ только своихъ рабовъ, я полководецъ - императоръ своихъ солдатъ; но для всѣхъ остальныхъ я только первый изъ гражданъ." И въ то же время они могли сказать вмѣстѣ съ Антониномъ: „Я господинъ вселенной". Или съ Северомъ: „Я - все".

Эта скрытая сила, присущая Цезарямъ заключалась въ самой сущности различныхъ компетенцій или властей („политическихъ способностей" - capacités), сосредоточенныхъ въ рукахъ Августа и его преемниковъ. Уже при жизни Августа были уступлены императору всѣ главныя прерогативы народнаго самодержавія, и императорская власть для полнаго своего укрѣпленія должна была ждать лишь санкціи времени.

Послѣ утвержденія имперіи римскій общественный строй представлялъ изъ себя слѣдующее сочетаніе:

1) Народъ, какъ политическое тѣло исчезъ, передавъ свою власть вполнѣ своему избраннику.

2) Сенатъ еще существуетъ и участвуетъ въ дѣлахъ правленія, но живой и независимой силы онъ лишенъ.

3) Республиканскіе магистраты, у которыхъ отняты главные аттрибуты, подавленные сосѣдствомъ съ огромной новой властью, которая выросла около нихъ потеряли политическій и нравственный авторитетъ.

4) На мѣстѣ того, что утратило силу, мы находимъ верховнаго военачальника - императора, прямаго и неограниченнаго правителя провинцій, главу религіи, покровителя народныхъ мас-

ся, принцепса, перваго гражданина и перваго сенатора - скромный титулъ, подъ которымъ онъ скрывалъ полноту своей действительной власти.

Зерномъ, изъ котораго развивалась ~~всесторонняя~~ императорская власть было соединеніе двухъ весьма могущественныхъ политическихъ атрибутовъ - 1) Проконсульской власти (Imperium proconsulare) и 2) Власти трибунской (Tribunicia potestas). Главный ея титулъ - Augustus (Священный-отсюда „Августейшій"). Соединеніе въ особѣ императора этихъ двухъ властей (не должностей, а именно властей) - создали уже великую, почти самодержавную силу. Какъ обладатель проконсульской власти, которая дана ему была распространенная на все пространство имперіи и даже въ стѣнахъ Рима, императоръ получалъ высшее предводительство надъ всѣми войсками и право управленія провинціями и дарованія законовъ провинціальному населенію. - Трибунская же власть ставила его въ положеніе общаго защитника простаго народа, преимущественно же римскаго пролетаріата и она же окружала личность императора священною неприкосновенностью народнаго уполномоченнаго. Такимъ образомъ въ этихъ двухъ центральныхъ своихъ прерогативахъ императоръ находилъ возможность непосредственно соприкасаться съ тремя соціальными элементами, опираясь на которые онъ выдвинулся - войскомъ, римскимъ пролетаріатомъ и провинціальнымъ населеніемъ, и заботясь о ихъ интересахъ, онъ могъ укрѣплять свое положеніе.

Ильин.

Императоръ, отожествленный съ народомъ, какъ бы олицетворявшій его долженъ былъ возвыситься надъ простыми смертными, онъ сдѣлался священнымъ (Августомъ), всѣ дѣйствія его сдѣлались святыми, его величество священнымъ; онъ скоро обратится въ бога, какъ божественъ былъ и римскій народъ.

Проконсульская и трибунская власти сдѣлались душою принципата и около нихъ расположились всѣ подчиненныя или второстепенныя компетенціи, которыя дополняли императорскія права.

Для ознакомленія со всѣми этими подробностями императорской власти интересныя данныя получаемъ мы изъ любопытной <u>надписи</u> найденной еще въ XIV в. въ Римѣ въ Капитоліи, на обломкѣ колонны и извѣстной подъ именемъ <u>Lex de imperio Vespasiani</u> (x). Изъ нея мы видимъ, что кромѣ проконсульской и трибунской власти императорамъ представлялись весьма различныя полномочія. Укажемъ главныя:

1) <u>Право самостоятельно заключать</u> союзные

(x) Эта весьма важная надпись, къ сожалѣнію сохранившаяся невполнѣ, представляетъ изъ себя законъ, опредѣляющій сумму власти императора <u>Веспасіана</u> (царств. 70-79 г. по Р. Х.) по образцу его предшественниковъ начиная съ Августа.– Текстъ ея помѣщенъ въ <u>Corpus Inscriptionum Latinarum</u> t. VI, № 930. Разборъ ея можно найти въ приложеніи къ первому тому интереснаго двухтомнаго руководства по исторіи римскихъ государственныхъ учрежденій – <u>J. B. Mispoulet</u>, Les institutions politiques des Romains (P. 1882-83.).

Тка.

договоры, заведывать военными делами и решать вопросы о войнѣ и мирѣ.

2) Предсѣдательствовать въ сенатѣ, пользоваться неограниченною инициативою закона (jus relationis), руководить его преніями и голосованіемъ.

3) Постановленіямъ сената созваннаго и руководимаго императоромъ придается сила законовъ (x).

4) Очень важное право рекомендовать сенату или народу кандидатовъ на магистратуры, которые непремѣнно должны были быть избраны предпочтительно передъ другими.

5) Неопредѣленное и широкое право и власть „располагать по желанію для пользы и величія государства божественными и человѣческими публичными и частными предметами." Наконецъ,

6) Изъ этого же ~~видно~~ также, что первые императоры освобождены были отъ повиновенія нѣкоторымъ законамъ, и что всѣ акты, декреты и указы, издаваемые ими имѣли законную силу, какъ будто они были изданы самимъ римскимъ народомъ.

Изъ только что изложеннаго закона очевидно, что императоръ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ законодательную и избирательную власть, которая прежде принадлежала народу. Онъ сначала раздѣлялъ право издавать законы съ сенатомъ, потомъ отправлялъ его всецѣло одинъ, имѣя возмож-

(x) Какъ извѣстно по римскому праву закономъ (lex) назывались лишь постановленіе народнаго собранія. Во время имперіи съ помощью юридич. фикціи значеніе закона получили и сенатусконсульты и указы императора.

ность, как народный уполномоченный творить закон прямо, как бы онъ его имени (leges datae), или косвенно через обязательность всякаго его указа или даже слов (constitutiones principum.)

Кромѣ всего указаннаго императору еще принадлежитъ: 1) верховная судебная власть во всей имперіи; как носитель imperium'а, онъ является верховным безапелляціонным судьей всего государства. Далѣе въ его руках сосредоточивается 2) высшая администрація и полиція города Рима и 3) наконецъ консульская власть (хотя бы и без консульской должности).

Чтобы завершить описаніе составных элементов императорской власти и представить въ окончательной полнотѣ картину новой римской конституціи, надо упомянуть еще о двух важных аттрибутах, распространенных на императоров: Власть цензора и Сан верховнаго жреца. Первая давала ему въ руки кромѣ общаго высшаго почетнаго надзора за нравственностью и частною жизнью граждан еще завѣдываніе составом, как сената, так и гражданства: от него зависѣло пополненіе сената и дарованіе прав гражданства не гражданам. Второй ставил его верховным руководителем культа.

Таков именно оригинальный состав императорской власти являющійся въ этом видѣ уже со времен Августа и оказывающійся вслѣдствіе сосредоточенія въ ней всѣх политических энергій римскаго народа властью всесильной и всепоглащающей.

Шах

Чтобы покончить съ характеристикою состава и предѣловъ императорской власти, надо сказать объ отношеніи его къ сенату и къ законамъ.

Моммсенъ особенно настаиваетъ на томъ, что верховная власть была по конституціи Августа, которая въ этомъ пунктѣ была еще дополнена Тиберіемъ, раздѣлена между императоромъ и сенатомъ, почему онъ и называетъ конституцію принципата не единовластіемъ (монархіей), а двоевластіемъ (діархіей). Великій историкъ оригинально проводитъ эту идею черезъ все свое описаніе государственнаго устройства имперіи, и отъ него она проникла въ ходячія руководства. Теоретически оно несомнѣнно было такъ (и это важная юридическая особенность новаго строя). Даже и на практикѣ сенатъ имѣлъ свой кругъ управленія — своихъ чиновниковъ, свою казну, свои провинціи. Но на дѣлѣ такая размежевка власти между императоромъ и сенатомъ уничтожалась законодательными, избирательными и контролирующими правами перваго и тою безграничностью полномочій, которая ему была дана.

Что касается до отношенія императора къ основнымъ законамъ государства, то въ принципѣ онъ былъ имъ подчиненъ (не былъ princeps legibus solutus), и нужны были специальныя постановленія, которыя могли его освободить юридически отъ подчиненія только нѣкоторымъ законамъ. Но постепенно въ силу расширенія своихъ законодательныхъ правъ императоръ изъ подзаконнаго, сдѣлался равнымъ закону и наконецъ въ послѣ-Константиновскій періодъ обратился въ живой законъ. —

Теперь резюмируемъ сказанное, формулируемъ схему императорской власти. - Она является совокупностью всѣхъ политическихъ правоспособностей, составлявшихъ верховную власть римскаго народа, централизованныхъ около проконсульской власти и правъ народнаго трибуна.

Императоръ юридически - магистратъ - носитель народныхъ полномочій; фактически - онъ монархъ самодержецъ съ безграничною и безотвѣтственною властью. Онъ обладаетъ въ своей личности свойствомъ, которое старый республиканскій языкъ называетъ majestas - т.е. „величествомъ", верховною неограниченною властью гражданской общины. - Раньше эта majestas принадлежала народу (Romana majestas, majestas populi) и переносилась на его избранниковъ - магистратовъ, (majestas consularis, dictatoria) теперь она перешла на принцепса, императора, въ которомъ сосредоточилось народное самодержавіе, и преступленіе оскорбленія величества государства (crimen minutae majestatis) теперь приравнивается къ понятію посягательства на права и личность государя.

Такова полнота власти римскаго императора, которая сложилась уже въ первомъ вѣкѣ, теоретически при Августѣ, и самые лучшіе императоры - Траянъ или Маркъ Аврелій - нисколько не были менѣе самовластны, чѣмъ самые худшіе Неронъ или Домиціанъ.

Въ началѣ только въ императорахъ замѣчалось явное стремленіе играть республиканскую роль. Въ особенности Августъ, именно совершившій такой

коренной переворотъ въ государственномъ устройствѣ, всего менѣе хотѣлъ выставлять на видъ его результаты и сущность. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы видимъ сознательное стремленіе 1) быть неограниченнымъ повелителемъ Рима и 2) казаться вѣрнымъ слугою народа, охранителемъ существующаго порядка возстановителемъ старыхъ учрежденій. Тутъ мы присутствуемъ при любопытномъ зрѣлищѣ торжества средняго человѣка, замѣчательно властвующаго своими силами, надъ великимъ народомъ потерявшимъ самосознаніе.

-Интереснымъ пунктомъ разбираемаго нами теперь вопроса было бы - разсмотрѣть взаимодѣйствіе условій времени и личнаго сознательнаго вліянія Августа въ процессѣ образованія имперіи. Но это сложная историко-психологическая задача, за которую мы не имѣемъ времени браться. Для рѣшенія ея надобно было-бы произвести очень детально психологическій анализъ личности Августа и прослѣдить слѣды его сознательной дѣятельности на каждомъ событіи и сопоставить опредѣленный такимъ образомъ индивидуальный элементъ, внесенный личностью преобразователя съ дѣйствіемъ другихъ элементовъ соціальной среды, какъ причинъ утвержденія имперіи. Это тонкая работа, отъ которой мы должны воздержаться, хотя она могла бы дать матеріалъ для рѣшенія философскаго вопроса о вліяніи личности въ исторіи (x), что от-

(x) Попытка такой историко-психологической оцѣнки личности Августа сдѣлана В.И. Герье въ третьей его статьѣ объ этомъ императорѣ. См. Вѣст. Евр. 1877., Сент.

влекло бы насъ въ сторону отъ главнаго предмета нашихъ занятій.

Во всякомъ случаѣ мы видимъ въ Августѣ человѣка необыкновенно умѣлаго, отлично понимающаго обстоятельства и ловко приспособляющагося къ нимъ. Это не творческій, а искусно комбинирующій умъ; при полномъ отсутствіи энтузіазма и вдохновенной смѣлости, онъ обнаруживаетъ глубокую наблюдательность, замѣчательный разсчетъ и удивительное самообладаніе. Августъ, человѣкъ хорошо умѣющій играть и событіями и людьми, чтобы достигать своей, ясно поставленной и вполнѣ возможной, цѣли. Его девизъ — „Festina lente!" („Медленно спѣши!") — Онъ умѣлъ дѣйствовать насильственно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и расположить къ себѣ, ловко прикрываясь всегда популярнымъ именемъ Цезаря. — „Не сердись на того, кто злословитъ меня, говоритъ онъ Тиберію, довольно того, что намъ не могутъ дѣлать зла". Онъ оппортюнистъ, онъ вполнѣ чуждъ идеализма, у него мало гордости, нѣтъ даже поэзіи тщеславія. Это разсудочный прозаическій человѣкъ карьеры и силы. — Онъ сознаетъ свою силу и, должно быть, презираетъ людей. Это видно изъ сцены, которую Августъ разыгралъ въ сенатѣ въ началѣ 27 г. до Р. Х. Вдругъ онъ неожиданно явился въ сенатъ. Онъ объявилъ, что такъ какъ Цезарь, его пріемный родитель, достойно отмщенъ, и миръ возстановленъ, то онъ теперь имѣетъ право отказаться отъ заботъ управленія и воспользоваться также заслуженнымъ его трудами покоемъ, который онъ даро- [illegible] уготовалъ своими побѣдами. Поэтому онъ

возвращаетъ данныя ему полномочія въ руки сената. – Всѣ уже примирились съ неизбѣжностью имѣть господина, и вдругъ такое неожиданное безкорыстіе снова ставило вопросъ о государственныхъ формахъ. Сенаторы были поражены. Одни боялись, другіе сомнѣвались. Но игра была скоро понята и комедія разыграна превосходно. Сенатъ въ негодованіи на поэтическое желаніе покоя, которое было бы простительно въ какомъ нибудь темномъ гражданинѣ, но преступно въ человѣкѣ, который одинъ можетъ спасти отечество, требуетъ, чтобы Октавіанъ взялъ назадъ отказъ. Тотъ колеблется. Сенатъ удваиваетъ просьбы. Императоръ, наконецъ, уступаетъ и тогда законъ, вотированный народомъ, санкціонированный сенатомъ утвердилъ за императоромъ всѣ аттрибуты верховной власти. Октавіанъ не узурпаторъ: это римскій народъ самъ отказался въ его пользу отъ своихъ правъ. Видимости соблюдены превосходно и деспотизмъ легализированъ. Характеръ новой монархіи не замедлилъ обнаружиться: первый декретъ, который Августъ испросилъ у сената было удвоеніе жалованія преторіанцамъ (солдатамъ его личной гвардіи). –

III.

Имперія и отношеніе къ ней стараго римскаго общества.

Итакъ имперія въ Римѣ восторжествовала надъ республикой. Мы разсматривали причины ея происхожденія и анализировали ея конституцію. Теперь возникаетъ вопросъ: — какъ была принята имперія римскимъ народомъ и обществомъ, управленіе которыми взяла въ свои руки. Вышедшая изъ революціи, продолжала ли она держаться силою, или общество примирилось съ нею и, можетъ быть, даже привѣтствовало ее? Отвѣтъ на этотъ весьма существенный вопросъ могутъ дать факты культурнаго характера — обозначающіе теченія мысли — идеалы, стремленія, политическія теоріи и точки зрѣнія образованнаго общества, такъ сказать „интеллигенціи" а также чувства, симпатіи, воззрѣнія, настроенія массъ, или, по крайней мѣрѣ, національныхъ или соціальныхъ группъ.

Отъ долгихъ вѣковъ исторической жизни Имперіи сохранилось множество письменныхъ памятниковъ между ними есть сочиненія поэтовъ, историковъ, юристовъ, частныя письма, панегирики и сатиры. Кромѣ книгъ существуютъ еще находимые во всѣхъ углахъ обширной имперіи многочисленные памятники иного рода — какъ напримѣръ медали, надписи, архитектурныя сооруженія и гробницы, воздвигнутыя городами и частными лицами, покрытыя также письменами. Всѣ эти предметы и тексты могутъ служить свидѣтелями — совре-

ленниками очень разнообразнаго характера, знакомящими насъ съ міросозерцаніемъ и настроеніемъ римскаго общества того времени, все обнаруживаютъ задушевныя мысли и интимныя желанія этихъ поколѣній людей.

Для правильнаго пониманія вопроса при обозрѣніи такихъ источниковъ литературнаго характера и частнаго происхожденія, надо группировать ихъ на двѣ категоріи, искать въ нихъ фактовъ, касающихся настроенія людей и группъ старо-римскаго происхожденія, со старыми понятіями, которые могли только мириться съ Имперіей; а затѣмъ подмѣчать проявленія мнѣній и чувствъ новыхъ элементовъ римскаго общества выдвинутыхъ имперіей. Первые сосредоточивались преимущественно въ Римѣ. Вторыхъ мы находимъ и въ этомъ старомъ великомъ центрѣ и въ провинціальномъ мірѣ.

Мы уже знаемъ, въ какомъ положеніи находилось римское государство и общество наканунѣ Августова переворота. Положеніе это было весьма печально. Италія обѣднѣла и обезлюдѣла, итальянская нація ослабѣвала, распускалась въ огромной массѣ иностранцевъ теряла свою чистоту и уменьшалась въ числѣ, т.е. падала и физически, и нравственно. Рядомъ съ этимъ разлагались и древнія римскія учрежденія, а насилія войска, утерявшаго свой прежній гражданскій характеръ уничтожали всякую безопасность и вгоняли государство въ анархію. Особенно тяжело было положеніе безправныхъ провинціаловъ, но они подавленные и разоренные

долго подчинялись теченію обстоятельствъ; и въ то время какъ римскіе легіоны дрались другъ съ другомъ, раздѣленные между Цезаремъ и Помпеемъ, Октавіаномъ и Антоніемъ, ни разу крикъ свободы не вырвался изъ груди покоренныхъ народовъ. Они вмѣшивались въ борьбу совершенно пассивно, становясь, какъ впрочемъ, дѣлали и солдаты, на сторону не дѣла, а лица, на сторону того, кто былъ сильнѣе, или который связывалъ свою карьеру и интересы своего дома, съ судьбою которой нибудь изъ провинцій.

Наступилъ такой моментъ въ Исторіи римскаго государства, когда покоренный ему міръ не требовалъ свободы. Народы ждали только порядка и мира и добровольно подчинились бы единому властелину, на котораго смотрѣли бы какъ на благодѣтеля. Августъ именно и взялся уничтожить анархію, подать помощь провинціямъ, даровать всѣмъ желанный миръ — и имя его осталось надолго великимъ въ памяти подвластныхъ Риму народовъ, несмотря на его сравнительно среднія дарованія, потому что онъ сумѣлъ отвѣтить на всеобщія ожиданія. Онъ взялъ у римскихъ гражданъ свободу, но только потому, что они ему отдали ее, не будучи въ состояніи пріобрѣсть миръ и управлять подвластными странами. Онъ весь отдается служенію обществу. Онъ бодрствуетъ, трудится не знаетъ покоя. Испанія, Галлія, Азія — всѣ провинціи увидятъ какъ онъ самолично будетъ проводить новые границы, прокладывать дороги, основывать города, устраивать армію, финансы, администрацію, сраженья, но только для обороны, для защиты торгов-

ми и благосостоянія. — Вотъ какимъ долженъ былъ представляться Августъ, разумный и энергичный властитель — изумленнымъ народамъ. Такимъ же являлся онъ и передъ старымъ римскимъ гражданствомъ.

Что же нашелъ Августъ въ римскомъ обществѣ того времени и прежде всего въ старомъ римскомъ гражданствѣ?

Республиканская партія за 20 лѣтъ войнъ и пораженій была разбита нравственно и немногіе еще оставшіеся представители старой знати думали о себѣ то, что Азиній Полліонъ говорилъ Октавіану передъ Акціумомъ: „я буду добычею побѣдителя" — „Республика, восклицаетъ Тацитъ, кто же видитъ ее!" Римъ оставался столицею міра, и именно въ немъ надо искать остатковъ стараго общественнаго мнѣнія. Но Римъ представлялъ странное зрѣлище разбитаго общества, потерявшаго старые устои и не нашедшаго еще новыхъ. Немногія аристократическія группы (сенаторскія фамиліи) въ Римѣ, спасшіяся отъ гибели должны были заглушить свой аппозиціонный голосъ и даже примириться съ Имперіей какъ съ необходимостью. Литературное выраженіе аппозиціонныхъ мнѣній этихъ людей все еще державшихся старыхъ идеаловъ всего труднѣе, конечно, могло всплыть на поверхность и дойти до насъ. Но и въ дошедшихъ произведеніяхъ, принадлежащихъ людямъ только по неволѣ примирившимся съ имперіей, но въ душѣ оставшимися республиканцами мы найдемъ важныя свидѣтельства о совершавшемся въ то время въ глубинѣ ла-

раго общества переломъ нравственно-политическаго міросозерцанія.

Такъ Тацитъ въ началѣ Анналъ даетъ короткую, но сильную и ясную характеристику господствовавшаго въ Римѣ настроенія во время воцаренія Августа; интересно вслушаться въ нее. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что болѣе междоусобныя войны истребили элементы, которые могли быть опасны императору: самые яростные его враги сошли со сцены. Оставшіеся обезсиленные въ борьбѣ, предпочитали безызвѣстную, но спокойную жизнь прежнему блеску и отказываясь отъ прошлаго готовы были даже служить императору вмѣсто того чтобы гоняться за опасною стариною. Тацитъ съ горькою ироніею отмѣчаетъ, что для римской знати описываемаго времени главнымъ дѣломъ стали матерьяльныя богатства и почести, и что императоры открыли дорогу для удовлетворенія этой жажды наживы, которая многихъ привлекаетъ. Хотятъ не свободы и достоинства, а безопасности и богатства, и ра[illegible] господину, который давалъ и то и другое. Затѣмъ великій историкъ выставляетъ еще другую особенность направленія высшаго римскаго общества во время Августа – постепенное охлажденіе къ республикѣ или вѣрнѣе къ той энергической напряженной, часто лихорадочной дѣятельности, которой она требовала отъ гражданъ. Не хотѣли войны, потому что она опасна, утомляетъ и разоряетъ. Не хотѣли магистратуръ, такъ какъ онѣ требуютъ труда и дорого стоятъ. Всѣ бѣгутъ отъ общественной дѣятельности, смотря на нее, какъ

на тягость.

— „Покой и наслажденіе, говоритъ Тацитъ, лѣнь праздная, изнѣженная, слегка волнуемая самыми легкими впечатлѣніями — вотъ къ чему всѣ стремятся. Не надо больше трибуны, жаркой борьбы, сильныхъ словъ — рѣжущихъ какъ кинжалы. Миръ и молчаніе. Пусть одинъ думаетъ и дѣйствуетъ за всѣхъ, лишь бы только онъ награждалъ хорошо и не безпокоилъ." И Тацитъ понимаетъ, что съ такими людьми не можетъ держаться республика, что они не избавятъ государство отъ смутъ, онъ самъ признаетъ имперію хоть зломъ, но неизбѣжнымъ и въ извѣстномъ смыслѣ благодѣтельнымъ.

Такое настроеніе все болѣе и болѣе охватываетъ такъ называемое аристократическое общество. Августъ вполнѣ понимаетъ это и не боится остатковъ республиканской знати. Да и что представляютъ изъ себя имѣющіеся на лицо представители этой республиканской знати? Вспомнимъ самыхъ выдающихся изъ нихъ, напримѣръ Мунація Планка и Валерія Мессалу Корвина.

Мунацій Планкъ и въ юности не обнаруживалъ твердыхъ убѣжденій. Онъ то легатъ Цезаря, то другъ его убійцъ; онъ примыкаетъ ко вторымъ тріумвирамъ, являясь почти шутомъ Антонія, а послѣ паденія его обзываетъ его чуть ли не разбойникомъ. При возвышеніи Октавіана онъ сначала боролся противъ Имперіи, но видя ее торжествующею слагаетъ оружіе, бросаетъ прежніе идеалы и служитъ новому господину. Онъ поклонникъ всякаго силь-

льстецъ, хорошо приспособляющійся ко всякому порядку: и Августъ не пренебрегаетъ, а пользуется имъ. Замѣтимъ что Планкъ не единица, а типъ. Горацій воспѣваетъ его эпитетомъ Мудреца. Но какъ бы отъ такой мудрости вознегодовала суровая непримиримая душа стараго Катона.

Нѣсколько инымъ является Валерій Мессала Корвинъ. Какъ представитель стараго знатнаго рода съ славными предками, ему не такъ легко отказаться отъ республиканскихъ традицій и онъ храбро бьется за республику при Филиппахъ. Октавіанъ не забылъ этого, но не наноситъ удара, а, напротивъ, осыпаетъ почестями прежняго врага. И тотъ не отказывается отъ почестей и служитъ императору. Оппозиціонный духъ его выражается лишь отрицательно – отсутствіемъ энтузіазма въ его дѣятельности постояннымъ желаніемъ уйти въ частную жизнь. Такимъ образомъ Планкъ – карьеристъ, забывшій старыхъ боговъ изъ за милости новыхъ. – Мессала – усталый пережитокъ умершихъ идей. Оба мирятся съ имперіею, первый изъ за выгодъ, второй отъ безсилія съ нею бороться.

Назовемъ еще третьяго – Азинія Полліона, тоже республиканца, который когда то клялся Цицерону до смерти сражаться за свободу. Пока шла борьба онъ такъ и дѣлалъ, но пережившъ переворотъ основавшій имперію и цезаровъ, онъ мирится съ нею, не выражая активнаго протеста. Республиканскія убѣжденія его проявляются только въ одномъ: онъ пишетъ на досугѣ исторію гражданскихъ войнъ освѣщая ее точкою зрѣнія противоположной Цеза-
Саль.

ревской. Этотъ фактъ могъ бы возбудить неудовольствіе Августа, но Августъ понимаетъ безсиліе старыхъ враговъ и щадитъ ихъ. Зачѣмъ же осквернять себя побіеніемъ почти лежачаго? Очень немногіе дѣйствительно искренніе и замѣчательные представители республиканскихъ идей, совершенно не видны. Они погрузились въ отчаяніе, они заперты и закрыты раболѣпствомъ остальныхъ и торжествомъ новыхъ элементовъ, людей монархіи, изрѣдка только являя, подобно Тразеѣ Пету высокую нравственную доблесть, которая блещетъ послѣднею вспышкой пассивнаго сопротивленія новому строю. Августъ, когда-то кровожадный тріумвиръ, является теперь гуманнымъ монархомъ примирителемъ партій, работаетъ для блага государства и общества. Въ помощники себѣ онъ выдвигаетъ кого хочетъ, большею частью людей низшихъ сословій; остальныхъ онъ деморализируетъ почестями и наградами и отстраняетъ отъ дѣлъ.

Новый общественный строй, создавшійся въ этихъ условіяхъ отражается не только въ учрежденіяхъ, матерьяльномъ бытѣ, но и въ общественномъ мнѣніи. Оно лучше всего обнаруживается въ сочиненіяхъ писателей, особенно поэтовъ, прославившихъ вѣкъ Августа (x). Къ нимъ, напримѣръ, принадлежитъ Тибуллъ - поэтъ оппозиціоннаго направленія. Но и его оппозиція характеризующая-

(x) Такими литературными фактами искусно пользуется московскій профессоръ Виноградовъ въ одномъ своемъ университетскомъ курсѣ по Исторіи Рим. Имперіи съ которымъ мнѣ удалось познакомиться.

и темами его стихотворений носитъ вполнѣ безобидный характеръ, выражаясь лишь въ томъ, что онъ не хочетъ писать о политическихъ событіяхъ и вопросахъ. Его не интересуетъ Римъ и его ссоры. Вся его поэзія посвящена сюжетамъ частной жизни вращается около любви къ какой нибудь Деліи, и талантъ его лучше всего проявляется въ его элегіяхъ и деревенскихъ идилліяхъ. Вовлеченный невольно въ политическія событія, когда онъ былъ принужденъ отправиться съ Мессалой, къ кружку котораго принадлежалъ, въ восточный походъ, чтобы воспѣвать, онъ очень слабо выполняетъ свое назначеніе: его панегирикъ Мессалѣ есть бездарное заказное произведеніе. Онъ не вдохновляется въ немъ побѣдами, искренній тонъ прорывается лишь когда онъ дошелъ до заключенія мира: „Пусть теперь люди спокойно обрабатываютъ поля!"

Въ поэзіи Тибулла мы видимъ, стало быть, пренебреженіе политической дѣятельностью, стремленіе уйти въ домашнюю жизнь, увлеченіе радостями сельскаго быта и восторгами личной любви. Поэзія его уже близко стоитъ къ поэзіи Овидія, который является виртуозомъ пѣсенъ любви притомъ любви не идеальной, а простого чувственнаго влеченія. У Овидія уже рѣзко выставляются на первый планъ интересы мелкіе, личные, мотивы же общественные совершенно исчезаютъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы поэзія и вообще литература вѣка Августа совсѣмъ покончила съ идеальными стремленіями, погрузившись всецѣло въ личные интересы. Лучшіе представители исторіи, эпики и лирики этого золотого вѣка римской

литературы, какъ Титъ Ливій, Вергилій и Горацій ищутъ идеаловъ; но и они отдаютъ дань вѣку, служатъ цѣлямъ имперіи, соединяя прославленіе Рима съ воспѣваніемъ подвига императора.

Я скажу лишь два слова о Вергиліи, но нѣсколько больше сосредоточусь на Гораціи, какъ наиболѣе характерномъ представителѣ господствовавшаго настроенія въ среднихъ интеллигентныхъ кругахъ.

Талантъ Вергилія былъ серьезный, важный, хоть онъ и началъ съ легкой поэзіи (Георгики, Буколики). Онъ не могъ удовлетвориться Тибулловой цѣлью воспѣвать частную жизнь въ противоположность общественной дѣятельности. Онъ волнуется потерею идеаловъ въ обществѣ вмѣстѣ съ гибелью республики. Онъ ищетъ новыхъ идеаловъ для новаго общества и хочетъ явиться ихъ выразителемъ. „Энеида" и представляетъ воззваніе къ современному римскому обществу, чтобы вернуть его къ доблести и построить для него новые идеалы. Они сосредоточиваются около двухъ основныхъ идей: 1) представленія о великомъ могуществѣ Рима, ради котораго можно пожертвовать личнымъ честолюбіемъ, и которое осуществилось въ вѣкѣ Августа въ господствѣ Рима надъ міромъ; и 2) убѣжденія о необходимости религіознаго возрожденія, которое какъ и первая идея проходитъ черезъ всю Энеиду. Обѣ эти идеи у него тѣсно связаны между собою: онъ хочетъ содѣйствовать религіозному возрожденію Римлянъ, показавъ имъ, къ какимъ великимъ судьбамъ ведетъ насъ божество, вернувъ въ нихъ увлеченіе славою и дѣятельностью. Эта попытка не-

лигіознаго возрожденія Римлянъ и стремленіе обратить ихъ взоры на величіе ихъ призванія возникла не изъ личнаго его чувства, а изъ пониманія имъ, такъ сказать, „историческаго процесса".

Герой Вергилія – Эней – плохой герой, это человѣкъ, увлекаемый рокомъ, слабой и покорный волѣ боговъ (pius Aeneas). Сила не въ немъ, а въ воплощающейся въ его судьбахъ волѣ божества. Онъ призванъ перенести на почву Лаціума троянскую религіозную традицію. Римъ избранный фортуною городъ; она ведетъ его къ величію. Величіе это выражается въ объединеніи міра Римомъ. Такое могущество Рима вытекаетъ изъ превосходства римскихъ боговъ надъ остальными. Съ расширеніемъ римскаго могущества идетъ параллельно паденіе политеизма. Старые („партикулярные") боги уступаютъ мѣсто новымъ (болѣе „универсальнымъ"). Городъ Римъ торжествуетъ надъ вселенною, а его боги, болѣе великіе, надъ чужими богами (внѣшнее объединеніе). Въ самомъ Римѣ борются домашніе боги различныхъ семействъ; фортуна даетъ побѣду богамъ рода Юліевъ (къ которому принадлежали Цезарь и Августъ по усыновленію), стало быть это величайшее божество (внутреннее объединеніе). Итакъ Римъ – глава міра, боги его – верховные боги; Юліи – глава Рима, боги ихъ – первые въ Римѣ. Стало быть, Юліи (римскіе императоры) – истинные руководители міра. Таковы предначертанія рока. Эту идею Вергилія можно назвать монотеистическимъ и монархическимъ фатализмомъ. – Вѣрить въ нее значитъ, по Вергилію, достигнуть религіознаго возрожденія. Дѣйствовать въ духѣ ея – значитъ возродиться

нравственно. Таково глубокое убѣжденіе поэта. Оно вдохнуло душу въ Энеиду и сдѣлало эту поэму любимымъ произведеніемъ не только лучшихъ древнихъ людей во время имперіи, но и монархистовъ позднѣйшихъ вѣковъ. Данте, мечтавшій о единой ~~итальянской~~ монархіи, вернулся къ Вергилію, какъ къ идеалу. Романскіе народы, долго державшіеся монархическихъ традицій, долго считали его величайшимъ поэтомъ.

Вергилій по своему личному характеру и литературной дѣятельности не годился для того чтобы отвѣчать на мелкіе вопросы современности. Какъ человѣкъ серіозный, скромный, сосредоточенный и строгій, какъ фанатикъ своей религіозной идеи, онъ собралъ и соединилъ въ своемъ произведеніи все глубокое, что было въ міросозерцаніи того времени (x). Но онъ не былъ по плечу большинству современнаго ему общества. Для обоснованія ходячей морали нужны были люди иного типа. Такіе нашлись также въ литературныхъ римскихъ кружкахъ во время Августа. Были между ними — поэты, которые не могли долго сосредоточиваться на высокихъ и важныхъ вопросахъ, которые размѣнивали свои и безъ того даже не крупныя идеи на частности и потому именно были болѣе доступны, больше шли въ массу и, проводя въ ней свои взгляды, оказывали большее вліяніе. Между такими поэтами самымъ

(x) У Тита Ливія мы находимъ приблизительно такое же настроеніе, какъ и у Вергилія и аналогичные идеалы.

типичнымъ и самымъ талантливымъ, и самымъ чернымъ является <u>Горацій.</u>

Многіе считали его просто льстецомъ, но такое мнѣніе не вѣрно. Онъ олицетворяетъ гораздо болѣе важную черту своего времени: постепенный ростъ сознанія необходимости монархіи, т.е. развитіе монархическаго міросозерцанія вмѣсто прежняго республиканскаго. Воспитанный въ республиканскихъ традиціяхъ, дѣйствовавшій сначала какъ республиканецъ (хоть и не очень славно), онъ не сразу сдается послѣ утвержденіи имперіи; сначала хранитъ оппозиціонное молчаніе, иногда даже не боится прославлять память Брута и говорить о благородной смерти Катона (Од. II, 7). Даже позднѣе уже примкнувъ къ кружку Мецената онъ нѣкоторое время не упоминаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ объ Августѣ, и только постепенно переходитъ на сторону имперіи, начинаетъ прославлять Августа и, наконецъ, дѣлается убѣжденнымъ монархистомъ. Такъ что на немъ особенно ярко отразился процессъ перерожденія политическаго міросозерцанія общества — замѣна республиканскихъ понятій монархическими.

Почему же сталъ онъ приверженцемъ монархіи? Отвѣты на этотъ вопросъ мы находимъ во <u>многихъ его стихотвореніяхъ</u>, особенно въ одахъ (x).

(x) Читая Горація въ подлинникѣ, надо пользоваться Тейбнеровскимъ изданіемъ его сочиненій въ одномъ томѣ, текстъ котораго установленъ <u>Луціаномъ Мюллеромъ</u>. Стихотворенія Горація имѣются всѣ на русск. яз. въ стихотворномъ переводѣ. <u>К. Горацій Флаккъ</u> въ переводѣ и съ объясненіями <u>А. Фета</u>. Москва 1883г.

Ив. Гревс

[illegible]

Въ одной изъ нихъ онъ говоритъ, напримѣръ, что Августу надо вернуться въ Римъ, который ждетъ его съ нетерпѣніемъ такъ какъ одно его присутствіе даетъ всѣмъ безопасность: земледѣлецъ спокойно идетъ къ своимъ занятіямъ, нравственность утверждается въ домахъ, никто не боится нападенія варваровъ и т. д. Точка зрѣнія Горація тутъ ясна: приписывая вліянію Августа обезпеченіе возможности мирной дѣятельности, необходимой для созданія матерьяльныхъ благъ, защиту границъ и наконецъ нѣкоторое нравственное возвышеніе общества, онъ невольно склоняется на его сторону; вотъ мотивы, которые заставляютъ его предпочитать имперію прежнему государственному порядку. Читатель постепенно привыкаетъ слѣдить въ стихотвореніяхъ за всѣми перипетіями царствованія Августа.

— Онъ описываетъ, напримѣръ, между прочимъ, состояніе страха, охватившаго Римъ передъ битвой при Акціумѣ. Государство изображается имъ (Od. I, 14) въ видѣ разбитаго корабля, который только что избавившись отъ бури, снова пускается въ опасное плаваніе:

Корабль, морской волной влечешь тебя опять!
О, что же медлишь ты? Старайся портъ занять!
Ужель не видишь ты, что силою ненастій
Бока обнажены и перебиты снасти
Порывами вѣтровъ ....

За то когда восточный походъ закончился блестящею побѣдою, Горацій пишетъ одно изъ самыхъ блестящихъ своихъ стихотвореній, которое начинается приглашеніемъ веселиться и торжествовать и оканчи-

вается описаніемъ кончины египетской царицы (Клеопатры), которая предпочла смерть позору идти за колесницею победителя (Въ ней онъ олицетворяетъ враговъ Августа и Рима.)

Въ 27 г. до Р. Х. когда Августъ возвращается въ Римъ после удачнаго подавленія враговъ и собирается возвратить сенату врученную ему чрезвычайную власть, Горацій пишетъ оду, въ которой высказываетъ мысль, что римскій погибнетъ отъ бедъ, если будетъ лишенъ покровительствующей власти Августа (Од. I, 2).

Мы дремлемъ признавать, что избранъ ты богами
За Цезаря отмстить.
На долго осчастливь избранный городъ Квирина
Да не смутитъ тебя гражданъ его порокъ.....
Тріумфы громкіе и славное прозванье
Владыки и отца принять не откажи.......

Словомъ всѣ важные политическіе факты и повороты отражаются въ произведеніяхъ Горація, и всѣ освѣщены одной идеей. Но особенно интересна одна группа одъ: это первыя шесть стихотвореній 3й книги въ которыхъ Горацій старается разъяснить нравственныя задачи и идеалы римскаго общества.

Въ первой изъ нихъ (x) онъ обращается не къ народной толпѣ, на которую плохая надежда, а

(x) Это знаменитая ода (III, 1), начинающаяся словами.

Odi profanum vulgus et arceo

(Темную чернь отвергаю съ презрѣніемъ).

Она прекрасно переведена Фетомъ.

Смот.

юношеству, къ нарождающемуся поколѣнію, взывая къ нему въ совсѣмъ новомъ тонѣ. Ставя вопросъ — слѣдуетъ ли добиваться славы, почестей, власти — и отвѣчаетъ на него отрицательно. По его мнѣнію не стоитъ искать политическихъ успѣховъ, пріобрѣтающихся съ большими усиліями, но теряющихся въ одинъ день по мановенію. Онъ совѣтуетъ даже отказываться отъ богатства и роскоши, и эта лишь разстраивающая жизнь забота. Всему этому онъ противополагаетъ скромную, умѣренную, но спокойную частную жизнь: "Малымъ довольный ничѣмъ не смущается". Его идеалъ — <u>золотая середина</u> (<u>Aurea mediocritas</u>). Онъ его пропагандируетъ вездѣ. Въ такомъ смыслѣ любопытно сопоставить съ этимъ стихотвореніемъ другое, посвященное Мурену, въ которомъ онъ рекомендуетъ этому бывшему республиканцу, ту же уединенную и спокойную умѣренную посредственность (II, 10):

Златую кто избралъ посредственность на долю,
Тотъ будетъ презирать, покоенъ до конца,
Лачугу грязную и пышную неволю
Завиднаго дворца.

Со стороны Горація это искреннее приглашеніе. Онъ самъ такъ поступаетъ и убѣжденъ, что это единственный доступный выходъ изъ настоящаго положенія вещей. Такое отрицаніе крупной политической дѣятельности и такое погруженіе въ мелкую частную жизнь характерно для опредѣленія общественнаго настроенія. Понятно что подобная точка зрѣнія была невозможна во время республики.

[signature]

Но на одной частной жизни въ скромномъ довольствѣ не можетъ, конечно, вполнѣ обосновываться идеалъ. Для дополненія его необходимая какая нибудь менѣе серая и политическая добродѣтель. И во второй изъ названныхъ одъ (III,2) Горацій проповѣдуетъ доблесть, но доблесть исключительно военную для прославленія государства подъ знаменами императора, доблесть чуждающуюся вліянія толпы на форумѣ. Самое важное въ ней мѣсто слѣдующее:

А доблесть грязныхъ всѣхъ чуждается страстей,
Одною славою блистаетъ благородной:
И внемля вѣтренной толпѣ, не сродно ей
Сѣкиру брать по прихоти народной.

Тутъ уже проявляется чисто монархическое понятіе о чести.

Въ третьей одѣ той же книги, произведеніи аллегорическомъ, поэтъ устами Юноны предсказываетъ, что Римъ будетъ великъ, пока будетъ царствовать императоръ, а возстановленіе республики повлечетъ за собою бѣдствія и гнѣвъ боговъ. Тутъ же въ патетическихъ словахъ говоритъ объ Августѣ и его засмертномъ, сравнивая его съ богами.

Въ четвертой одѣ Горацій подъ аллегорическимъ образомъ борьбы между Юпитеромъ и Титанами представляетъ борьбу республики съ Императоромъ и торжество послѣдняго.

Пятое стихотвореніе несовсѣмъ ясно въ связи съ другими. Въ немъ Горацій упрекаетъ современное поколѣніе за то, что оно не въ состояніи жертвовать собою для величія Рима и напоминаетъ ему

доблесть Регула. Читая его, чувствуешь, что оно вымученное, видно что поэтъ насилуетъ свое дарованіе, какъ бы отказываясь отъ личныхъ мнѣній, только что высказанныхъ, и стараясь блеснуть старымъ патріотизмомъ. Можетъ быть, впрочемъ, тутъ обнаруживается сомнѣні, можетъ быть стихотвореніе написано подъ наплывомъ чувства колебанія въ правильности монархическихъ идеаловъ, которые онъ вырабатываетъ и проповѣдуетъ.

Но любопытно, къ какому состоянію духа приводитъ Горація его новое міровоззрѣніе (добровольное подчиненіе господину, храненіе въ тѣсную малую жизнь и довольство немногими духовными и матерьяльными благами)? Даетъ ли оно ему равновѣсіе? — Для рѣшенія этого вопроса интересно все стихотвореніе изучаемой группы. Не смотря на желаніе Горація примириться съ новою дѣйствительностью, какъ съ лучшею формою для настоящаго, несмотря на искреннюю попытку выработать новый идеалъ, которому самъ поэтъ начинаетъ вѣрить, у него вырывается мрачный аккордъ. Онъ не можетъ вмѣстѣ съ Виргиліемъ жить надеждой: тотъ, какъ религіозный человѣкъ, вѣритъ, что начался новый свѣтлый рядъ вѣковъ, Горацій же въ это не вѣритъ, и циклъ стихотвореній, которыя служатъ къ обоснованію нового міросозерцанія заканчивается описаніемъ римскаго разврата и постепенно возрастающей порчи людей.

Все уменьшается, мельчаетъ каждый часъ:
Отцы, которыхъ едва и сравнивать съ дѣдами,
Родили насъ еще негоднѣйшихъ, а насъ
Еще пустѣйшими помянетъ міръ сынами.

(III. 6, 45-48).

Весь этотъ разобранный циклъ одъ вылился у поэта какъ бы помимо его воли. Чувствуется, что, хотя запросъ на религіозное и нравственное возрожденіе и существуетъ въ эту эпоху въ римскомъ обществѣ, хотя первый порывъ этого возрожденія обратился на пользу римской культуры, чувствуется, что общество не способно къ нему въ широкомъ смыслѣ и что если это возрожденіе и совершится то не благодаря культурнымъ элементамъ, которые были извѣстны римскому обществу въ ту эпоху. Горацій лично является хорошимъ представителемъ изображеннаго настроенія римскаго общества. Это человѣкъ высоко одаренный, несовсѣмъ погрязшій въ личныхъ интересахъ, стремящійся къ философствованію, чувствующій величіе добродѣтели. Онъ желаетъ нравственнаго возрожденія, взываетъ къ нему, но въ то же время его произведенія постоянно свидѣтельствуютъ о безсиліи идеала противъ личной распущенности и склонности къ матеріальнымъ наслажденіямъ, и онъ самъ не можетъ скрыть, что поворотъ къ лучшему можно желать, но трудно ожидать. Понимая необходимость имперіи онъ видитъ однако что причина этой необходимости — паденіе общества и старается примириться съ нею самъ и примирить другихъ не всегда остается твердымъ и послѣдовательнымъ.

Разсмотрѣнные факты, къ которымъ можно было бы присоединить множество другихъ однородныхъ, позволяютъ сдѣлать выводъ, что внѣшнее старо-

римское общество, уже раньше пошатнувшееся, окончательно деморализовано тем положением, в которое поставила его империя: оно измельчало и опустилось, втайне обстоятельствами которым потворствует новый порядок, в грубый материализм и узкий карьеризм и теряет в целом всякое идейное содержание жизни. Только немногие наиболее сильные личности и сохранившие жизненность небольшие группы делают попытки примириться с империей и обосновать такое примирение на каких нибудь идеальных началах. Попытки оканчиваются неудачею и вызывают уныние и упадок духа. — Остается либо искать самозабвения в чувственных удовольствиях, либо утешения в философии. Большинство слабых, но не сумевших приспособиться и пошли по первой дороге. Писатели времени — Тацит, Светоний, поэты рисуют нам потрясающие картины разврата (x). Немногие лучшие не нашли ободряющей твердости и желанного равновесия в стоицизме, который выставлялся моралистами времени империи, как лучшее средство закалить себя от зла и бедствий. Он учил уходить от жизни в себя и вырабатывать в себе полное равнодушие к внешним впечатлениям, но не указал средств достигнуть необходимой добродетели — бесстрастной твердости. И

(x) Поэт Марциал, живший и писавший во время Домициана, которого знатоки латин. яз. восхваляют за удивительное будто бы изящество и тонкость стиля, представляет своими произведениями показательный пример полного погружения поэтического творчества в самую глубокую чувственность, певцом которой его можно назвать в полнейшем смысле слова. В подражане-

первые и вторые не находятъ выхода изъ неразрешимаго жизненнаго кризиса и приходятъ къ полному отвращенію отъ жизни. И самоубійство становится обычнымъ средствомъ избавиться отъ опостылевшей жизни, къ которому почти одинаково часто прибѣгаютъ какъ философы, такъ и погрязшіе въ чувственный развратъ представители падающаго высшаго римскаго общества.

Уравновѣшенные и жизнерадостные представители „золотой середины" пока вырабатываются туго и рѣдко. Надо подождать самого конца Iго вѣка и начала второго, когда новый строй вполнѣ уже укрѣпится и поднятыя его утвержденіемъ бури улягутся. Тогда появится типъ нѣсколько безличной и безцвѣтной интеллигенціи или монархически настроеннаго средняго служилаго класса, находящаго новый строй жизни вполнѣ подходящимъ къ своимъ потребностямъ, мѣщански довольныхъ собою и смотрящихъ на міръ очень близорукими глазами; <u>Плиній Младшій</u> писатель временъ Траяна является однимъ изъ лучшихъ, самыхъ честныхъ представителей нарождающейся новой породы людей.

Таковы элементы старо-римскаго высшаго общества во время утвержденія имперіи, ихъ настроеніе и отношеніе къ происшедшему перевороту. Мы видимъ въ сенаторской аристократіи паденіе и принциповъ и энергіи. Опереться на нихъ имперія, конечно, не можетъ, такъ какъ преданности новому

ніи самыхъ ~~отв~~ отвратительныхъ картинъ онъ достигаетъ утонченнѣйшей виртуозности. Это оригинальный и яркій симптомъ вѣка.

В. Кар…

строю въ нихъ нѣтъ: они искренно служить не будутъ, худшіе будутъ льстить и угодничать изъ страха или выгоды; средніе будутъ уходить отъ дѣятельности въ частную жизнь, ища безопасности и при случаѣ принимая подачки и награды. Только лучшіе очень немногіе будутъ высказывать по отношенію къ новому строю болѣе или менѣе рѣзкую оппозицію, которая выражалась, впрочемъ, болѣе въ благородныхъ словахъ или въ гордомъ воздержаніи, чѣмъ въ прямомъ дѣйствіи. – И въ этой оппозиціи не будетъ проявляться революціонный принципъ или опредѣленная несогласная съ имперіею политическая доктрина, а скорѣе нравственный протестъ противъ проявленій личнаго деспотизма отдѣльныхъ императоровъ. О характерѣ противодѣйствія имперіи такого рода лицъ остроумно говоритъ Фюстель де Куланжъ (x):

„Оппозиція части римскаго сената, принадлежала къ числу такихъ, которыя можетъ встрѣтить всякое правительство во всякомъ даже самомъ преданномъ государственномъ совѣтѣ. Благородная гордость такихъ людей, какъ Тразея или Корбулонъ не была ненавистью къ императорскому порядку, но лишь презрѣніемъ къ человѣку, который въ данную минуту управлялъ Имперіей. Тацитъ изображалъ рѣзкими чертами пороки государей и ихъ подданыхъ, но никогда не нападалъ на тотъ строй, въ которомъ самъ занималъ мѣсто важнаго сановника. Онъ иногда даже одобрялъ имперію. Извѣстна, напримѣръ, похвала, съ которою онъ относится къ правленію Траяна. Ювеналъ, бичующій въ своихъ сатирахъ от-

(x) Les instit. polit. I, 169.

Ф

сильныхъ личностей, также никогда не направлялъ своихъ сарказмовъ на учрежденія". „Одинаково ошибочно представлять себѣ Тацита и Ювенала противниками имперіи, какъ Сен-Симона врагомъ королевской власти", заканчиваетъ Фюстель де Куланжъ. Конечно онъ преувеличиваетъ въ этихъ словахъ истину, такъ какъ въ принципѣ и Тацитъ и Ювеналъ были противниками имперіи, но они понимали ея неизбѣжность. Ихъ высокая и строгая природа помѣшала имъ сродниться съ нею, какъ гораздо легче было сдѣлать Горацію. Но все таки оппозиція ихъ направлена противъ развращеннаго общества, а не противъ формы государственнаго устройства (x). Многіе же изъ позднѣйшихъ писателей являются уже не только примирившимися съ имперіей людьми; они уже прямо усвоили монархическія понятія и симпатіи. Такъ что съ такого рода людьми справиться нетрудно: они не скрываютъ себя, и это единицы. Хорошіе императоры оставляютъ ихъ въ покоѣ. Худшимъ не трудно снести имъ головы.

Остаются только интриганы и заговорщики, изъ личныхъ цѣлей, которыхъ приходится остерегаться, какъ вообще безпокойныхъ общественныхъ элементовъ. Но и эти послѣдніе злоумышляютъ только противъ личности императора, большею частью желая возвысить другого болѣе для нихъ выгоднаго, иногда же самихъ себя. Это отнюдь не революціонная группа въ принципіальномъ смыслѣ, и

x) См. характеристику оппозиціонныхъ элементовъ въ римскомъ обществѣ въ 1-омъ вѣкѣ имперіи въ интересной книгѣ G. Boissier L'opposition sous les Césars.

дительная полиція обыкновенно раскрываетъ ихъ замыслы и наказываетъ ихъ.

Итакъ Августъ можетъ быть, болѣе или менѣе спокоенъ и великодушничать съ слабою подъ оппозиціей. Тиберій если опасается сенаторовъ, то больше изъ личной подозрительности, и ненависть старой знати скорѣе заставляетъ его казнить сенаторовъ, чѣмъ политическая необходимость. Только отчасти можно сказать, что къ его вступленію на престолъ сенаторы нѣсколько подняли голову послѣ болѣе слабаго управленія Августа въ старческие годы. Случается и не разъ, что убиваютъ отдѣльныхъ императоровъ, но сравниться съ имперіей у сенаторской аристократіи уже нѣтъ силы. Она торжествуетъ надъ остатками республиканской оппозиціи, у которой нѣтъ силы возстать, не смотря на жестокости Тиберія и неистовства Нерона, которые уничтожаютъ наиболѣе видныхъ ея вождей.

Рядомъ съ указанными верхними элементами стараго римскаго общества съ сословіемъ старыхъ аристократовъ-сенаторовъ, деморализованныхъ и безсильныхъ стояли всадники, занятые финансовыми и торговыми предпріятіями, разоряемые войною, обогащаемые миромъ. Отношеніе ихъ къ имперіи было въ общемъ иное, чѣмъ у сенаторовъ. Оно имъ давало необходимый для развитія ихъ благосостоянія миръ. Союзники Цезаря они поддерживали и Августа. Имперіи выгодно поддерживать низшіе классы, не очень связанные съ республиканскими традиціями. Она склонна опираться на нихъ,

(что мы теперь называемъ „буржуазіей".

Всадники дѣйствительно и были таковы: богаты, дѣятельны, и безъ опредѣленныхъ принциповъ. Они скоро обратятся въ имперскую аристократію.

Подъ этими двумя высшими классами, изъ которыхъ одинъ не могъ быть опаснымъ имперіи, а другой склоненъ былъ даже поддерживать ее, лежали три слоя народа: одинъ искалъ счастья и наживы на морѣ или въ чужихъ краяхъ, другой нищенствовалъ въ столицѣ, третій пока еще безвѣстно жилъ въ провинціяхъ и до сихъ поръ еще никѣмъ серіозно не принимался въ разсчетъ. И первый и второй слой не носили въ себѣ живыхъ и здоровыхъ зародышей политической жизни. Первые искали только безопасности; вторые просили только зрѣлищъ и хлѣба. Только третій — провинціалъ, да еще отдаленные отъ Рима Италійцы, представляло свѣжую и сознательную могучую силу, на которую и долженъ былъ опереться новый политическій порядокъ. Августъ отлично умѣлъ понять: какіе общественные элементы представляли жизненность. Выбирая себѣ ближайшихъ совѣтниковъ въ кругахъ столичнаго общества, онъ останавливался преимущественно на людяхъ средняго происхожденія, принадлежащихъ къ второстепеннымъ всадническимъ или даже простымъ семействамъ и вообще къ новымъ людямъ, безъ прошлаго и безъ блестящихъ предковъ. Таковы и были его ближайшіе сподвижники — Агриппа и Меценатъ. (x).

(x) См. о приближенныхъ Августа — Duruy, Histoire des Romains,

Но это были личности, а новому общественному строю, чтобы утвердиться окончательно, надо было привлечь къ себѣ классы, страны и народы.— Какъ широко сумѣли императоры первыхъ вѣковъ обосновать свою власть на многочисленныхъ и сильныхъ общественныхъ элементовъ, это мы можемъ выяснить изъ изученія соціальной политики императоровъ въ провинціяхъ, къ которому теперь и переходимъ.

III.

Романизація Западной Европы.

I.

Отношеніе къ Римской имперіи провинціальнаго населенія.

Культъ Рима и Августа.

Обратимся теперь отъ центра Рима къ его обширнымъ периферіямъ, провинціямъ, и посмотримъ, как была принята имперія ими.

На основаніи многочисленныхъ фактовъ, почерпаемыхъ въ литературныхъ и эпиграфическихъ памятникахъ, можно съ увѣренностью сказать, что провинціи отнеслись къ имперіи не пассивно отри-

---

III, 688 и слѣд. Вообще въ третьемъ томѣ его исторіи найдемъ прекрасное выраженіе настроенія общества во время утвержденія имперіи и политики императоровъ.

Кур.

цательно, какъ представители старыхъ сословій въ Римѣ, а активно положительно, отнеслись съ одобреніемъ, вѣрностью, поддержкою, иногда даже и съ восторгомъ.

Эти факты важно знать, чтобы оцѣнить всемірное историческое значеніе Имперіи. Историкъ вообще не долженъ быть ни сатирикомъ, ни апологетомъ. Въ частности и при оцѣнкѣ римскаго императорскаго строя нужно становиться, на сколько возможно, въ положеніе ея современниковъ, понимать ихъ точку зрѣнія и остерегаться подводить всѣ явленія, сопровождавшія и характеризующія ее, подъ мѣрку понятій и потребностей нашихъ дней. „Историкъ, когда оцѣниваетъ какой нибудь порядокъ" замѣчаетъ Фюстель де Куланжъ, „не долженъ выдвигать на первый планъ то, что онъ лично думаетъ о немъ; онъ долженъ скорѣе говорить, что думали о немъ люди той эпохи, о которой онъ повѣствуетъ. Историкъ Римской имперіи долженъ изслѣдовать по документамъ, какъ установившаяся монархія была оцѣнена поколѣніями людей, которые ей повиновались и которыхъ она дѣлала благоденствующими или бѣдствующими. (x)

Извѣстій, самаго различнаго характера и происхожденія, по которымъ можно судить о томъ, какъ относилось населеніе обширнаго римскаго міра къ имперіи, находится очень много. Эти данныя съ большимъ мастерствомъ группируетъ и искусно освѣщаетъ Fustel de Coulanges (xx). Я воспользуюсь его блес-

(x) Les institutions polit. de l'anc. Fr. I, 168.

(xx). См. 2-ю главу 2-й книги I-го тома его Institutions, озаглав. [illegible]

[illegible]

таціемъ, оригинальнымъ и убедительнымъ изложеніемъ, чтобы познакомить васъ съ тѣмъ, какъ смотритъ на этотъ важный вопросъ современная историческая наука.

Ни одинъ изъ многочисленныхъ памятниковъ различныхъ категорій, которые находятся въ нашемъ распоряженіи не обнаруживаетъ, чтобы подчиненные народы относились враждебно къ Имперіи, таковъ основной тезисъ Фюстель де Куланжа. Они никогда не возставали противъ нея. Въ продолжительный періодъ, занимаемый пятью первыми вѣками христіанской эры, происходило много междоусобныхъ войнъ; но онѣ загорались вслѣдствіе борьбы личностей и ихъ партій за престолъ, съ цѣлью замѣстить одного императора другимъ; но никогда не съ цѣлью низвергнуть самую имперію (Fust. de Coul. I, 171). Нельзя также утверждать, что имперія держалась исключительно силой. Всѣ легіоны стояли на границахъ, лицомъ къ лицу съ внѣшними врагами Римлянъ, а преторіанскія когорты могли охранять лишь особу императора только отъ заговоровъ аристократовъ и отъ бунтовъ пролетаріата въ столицѣ. Въ исторіи Римской имперіи не замѣчается ничего подобнаго антагонизму между гражданскимъ обществомъ, которое было бы враждебно имперіи, и военнымъ сословіемъ, которое бы защищало ее. Притомъ нельзя утверждать, что покорность населенія вытекала изъ его безсилія: правительство имперіи никогда не обезоруживало его. Да наконецъ было бы прямо невозможно, чтобы даже всѣ 30 легіоновъ императорской арміи могли

„Какъ встрѣченъ былъ императорскій порядокъ народами?"

держать въ повиновеніи столлиліонное населеніе, если бы это населеніе дѣйствительно ненавидѣло имперію, (х). Многіе ученые доказывали съ другой стороны, что императоры утверждали свое могущество помощью очень ловкой политики и главнымъ образомъ искусной администраціи. Въ политической ловкости, положимъ, нельзя отказать императорамъ, но государственный механизмъ имперіи въ первые вѣка былъ крайне нестроенъ: и самыя основанія администраціи были не выработаны; и число императорскихъ чиновниковъ не значительно, и сфера дѣятельности довольно узкая. Такъ что можно даже удивляться, какъ удалось Имперіи съ такими сравнительно небольшими усиліями установить государственное устройство самое абсолютное, и самое прочное изъ когда-нибудь существовавшихъ въ Европѣ. Многія изъ средствъ управленія, считающіяся въ нынѣшнихъ европейскихъ государствахъ необходимыми для ихъ поддержанія, были неизвѣстны римскому импер-

(х) Кромѣ того, еще надо замѣтить, что именно армія была самымъ безпокойнымъ и непокорнымъ элементомъ въ имперіи, и почти всѣ возмущенія происходили именно отъ легіоновъ - правило послушанія не входило въ число ихъ привычекъ. Это фактъ въ высшей степени важный и характерный и онъ подтверждается дальнѣйшею исторіею имперіи и нарушеніями правильнаго функціонированія неустановившейся конституціи постояннымъ внѣконституціоннымъ вмѣшательствомъ войска. Численность римскаго войска въ мирное время при Адріанѣ по вычисленію Гиббона (См. т. 1е гл. 2, стр. 32, франц. изд. 1828 г.) равнялась 355000 человѣкъ (30 легіоновъ 12500 на границахъ и 20000 городскихъ и преторіанскихъ когортъ въ Италіи и

И. Гревс [signature]

скому правительству. Оно не ставило своихъ органовъ во главѣ всѣхъ отраслей администраціи, или своего чиновника въ каждомъ мѣстечкѣ. Мѣстное управленіе, судъ и полиція, распредѣленіе и собираніе податей отданы были въ руки населенія. Школа и религія оставались въ провинціяхъ внѣ сферы воздѣйствія центральной власти. Всѣ эти функціи казались не нужны имперіи. Она довѣряла ихъ мѣстностямъ. Все это заставляетъ признать за историческую истину, что граждане и обыватели великаго римскаго государства не только подчинялись имперіи, но и охотно съ любовью признавали ее.

Это положеніе, впрочемъ, во избѣжаніе ошибочнаго пониманія необходимо ближе опредѣлить. Такое чувство основывалось не на какой нибудь теоріи, опиралось не на религіозный или раціональный принципъ. Населеніе римскаго государства не имѣло никакого понятія о догматѣ божественнаго происхожденія императорской власти, да такого догмата тогда и не существовало: язычество никогда не учило, что боги предпочитаютъ монархію; христіанство не проповѣдывало этой идеи: оно предписывало подчиненіе государямъ только, какъ актъ смиренія, рекомендовало по отношенію къ нимъ скорѣе равнодушіе, чѣмъ преданность.

Римъ). Во время Августа, по мнѣнію Моммсена (см. примѣчаніе къ „Res gestae divi Aug." стр. 46), было 28 легіоновъ. Такое сравнительно небольшое количество постоянной вооруженной силы оказывалось достаточнымъ для государства въ десять разъ большаго нынѣшней Франціи (приходилось по одному солдату на 300 жителей.) —

Стало быть, не сознаніе долга, предписаннаго свыше, не метафизическая идея побуждала народы подчиняться абсолютизму. Они любили имперію, потому что это имъ было выгодно. Они не предлагали себѣ вопроса, хорошъ ли или нѣтъ теоретически императорскій строй, соотвѣтствуетъ ли онъ или нѣтъ требованіямъ разумной правды? Имъ было достаточно, что онъ отвѣчаетъ ихъ насущнымъ, обостреннымъ войнами, фарами, притѣсненіями и лишеніями потребностямъ. Съ этимъ соглашается и Тацитъ. — Учрежденія республики не защищали провинціаловъ. Они подумали, что императоръ имъ поможетъ (и предпочли власть одного, власти нѣсколькихъ), лучше чѣмъ республика, будетъ оберегать ихъ личныя права. Много фактовъ показываютъ, что народы вѣрили, что именно имперіи обязаны они смягченіемъ нужды и бѣдности и развитію ихъ процвѣтанія. Множество источниковъ, преимущественно эпиграфическихъ подтверждаютъ сочувствіе провинціальнаго населенія къ имперіи и императорамъ (х).

(х) Если мы вчитываемся въ надписи, говоритъ тотъ-же Фюстель де Куланжъ, то убѣдимся въ вѣрности этой мысли, убѣдимся тѣмъ болѣе, если вспомнимъ, что эти памятники очень часто бываютъ совсѣмъ не оффиціальнаго происхожденія. Въ этихъ надписяхъ императоры называются „миротворцами вселенной", „спасителями рода человѣческаго", „блюстителями всеобщей безопасности." Императоръ — покровитель и отецъ народовъ, ихъ надежда, ихъ спасеніе. Къ нему обращаются съ мольбами объ излѣченіи недуговъ человѣческой жизни, ему одному возносятъ благодарность за всѣ блага, которыми пользуются... мы находимъ мало государственныхъ порядковъ, которые существовали

Въ мірѣ исторіи, все водворяется медленно, постепенно, когда мудрость ведетъ народы; съ насильственною быстротою, когда ихъ увлекаетъ страсть. Но никогда прочные перевороты не могутъ быть слѣдствіемъ каприза, личной воли. Они всегда являются результатами глубокихъ соціальныхъ фактовъ, какъ причинъ. Интересъ и польза исторіи именно и заключается въ изученіи закономѣрной послѣдовательности, которою проникнуто теченіе жизни человѣчества. Мы видѣли уже, что имперія въ Римѣ къ концу перваго вѣка до Р. Х. сдѣлалась исторической необходимостью, что римская республика должна была погибнуть въ страшныхъ революціонныхъ буряхъ. Теперь мы убѣдимся, что съ возникновеніемъ имперіи начинается работа новыхъ созидающихъ силъ.

Впрочемъ, становясь на такую точку зрѣнія, необходимо предостеречь себя отъ преувеличенія. Фюстель де Куланжъ (какъ это часто съ нимъ случается) смѣшиваетъ періоды и распространяетъ на все время до 5го вѣка то настроеніе, „сочувственное и восхор-бы, какъ римская имперія цѣлыхъ пять вѣковъ, мы немного встрѣчаемъ въ ихъ числѣ такихъ, которыя такъ мало оспаривались въ принципѣ, вызывали такъ мало оппозиціи, и не находимъ рѣшительно ни одного, котор. такъ долго и такъ вездѣ былъ бы поддерживаемъ и любимъ народами, которыми онъ управлялъ, какъ римская имперія". — См. - Instit. polit. I, 174. На слѣдующей страницѣ французскій историкъ приводитъ многочисленные примѣры, изъ которыхъ, впрочемъ, не всѣ прямо доказываютъ выставленное положеніе, а другіе „преувеличенно" (слишкомъ глубоко) истолкованы.

женное), которое испытывало провинціальное населеніе въ первое время послѣ утвержденія имперіи и съ другой стороны онъ приписываетъ массѣ населенія провинцій восторженныя выраженія нѣкоторыхъ писателей позднѣйшаго времени, бывшихъ уже убѣжденными монархистами по личнымъ симпатіямъ или же просто ловкими царедворцами. Такая поправка должна поставить высказанный взглядъ въ должные предѣлы и помѣшаетъ неисторическому перенесенію на позднѣйшій періодъ, когда началось уже паденіе фактовъ, совершавшееся въ началѣ имперіи.

Мы сейчасъ сказали, что многочисленные мѣстные памятники - надписи всевозможныхъ родовъ, начертанныя частными лицами, свидѣтельствуютъ о томъ, что имперія пользовалась повсемѣстно народною симпатіей. Можно было бы привести множество и другихъ фактовъ для подтвержденія только что высказанной мысли. Мнѣнія людей въ области политики очень перемѣнчивы. Бываютъ моменты, когда общее желаніе народа - быть свободнымъ, другіе -, когда его единственное стремленіе - быть управляемымъ. Народы часто любятъ все новое, когда старое имъ особенно ненавистно. Въ занимающее насъ время старый порядокъ былъ республика. Въ Италіи, Галліи, Испаніи народы долго жили при республиканскихъ учрежденіяхъ и въ концѣ концовъ ихъ симпатіи и интересы отвернулись отъ нихъ. Они инстинктивно упрекали республику въ томъ, что она способствовала развитію аристократіи - эксплуататоровъ, что она под

Жи.

шивнымъ обличеніемъ политической свободы разрушила свободу индивидуальную, что она подняла вездѣ смятенія и гражданскія войны, наполнила жизнь раздорами и возбудила страсти. Люди хотѣли другого порядка, который далъ бы имъ больше безопасности и дѣйствительной свободы, далъ бы возможность трудиться для развитія благосостоянія. Они не знали еще, что монархія имѣетъ также свои пороки и опасности и бросились въ ея объятія съ безсознательно пылкимъ порывомъ. „Они отдали имперіи, говоритъ Фюстель де Куланжъ (x), свое сердце и волю; они были благодарны ей за то, что она утвердилась надъ ихъ головами, они любили ее жаркою и страстною любовью." Такъ стало быть вырабатывалась въ населеніи симпатія къ общественному строю, который обезпеченіемъ хорошаго управленія удовлетворилъ могучему экономическому интересу многочисленныхъ трудоспособныхъ соціальныхъ категорій людей.

Мы не можемъ останавливаться на всѣхъ фактахъ, характеризующихъ добровольное и радостное признаніе имперіи провинціалами, но должны указать на одно явленіе очень характерное въ этомъ отношеніи. Сообщу сначала въ видѣ вступленія одинъ характерный эпизодъ изъ временъ Августа, хорошо иллюстрирующій настроеніе провинціаловъ по отношенію къ императору и хорошо вводящій въ уясненіе того явленія, о которомъ я хочу говорить (xx).

(x). Instit. I, 176.

(xx). Интересный анекдотъ, который я здѣсь передамъ, разсказанъ

Разъ когда Августъ во время одного изъ своихъ путешествій по морю, высадился на берегъ въ Путеоланской гавани (xx), ему пожелали представиться экипажъ и пассажиры, александрійскаго судна, нагруженнаго богатыми товарами предназначавшимися для Италіи. Они просили допустить ихъ передъ особу императора и предстали передъ нимъ какъ передъ Богомъ, одѣтые въ бѣлыя мантіи, увѣнчанные цвѣтами, въ дыму оиміама и благовоній. „О Цезарь, обратились они къ нему съ молитвеннымъ умиленіемъ, тобою мы живемъ, подъ твоимъ покровительствомъ совершаемъ плаваніе, вслѣдствіе твоей защиты мы щедро пользуемся свободой и благосостояніемъ ....“ Это былъ крикъ цѣлаго міра! съ нѣсколько преувеличеннымъ пафосомъ восклицаетъ французскій историкъ Амедей Тьерри, разсказывая этотъ фактъ. Цезарь приказалъ раздать имъ всѣмъ (уроженцамъ эллинизированнаго востока) римскія тоги, а самъ съ экипажемъ своего собственнаго корабля облачился въ греческій pallium. Онъ приказалъ чтобы корабли, такъ сказать, помѣнялись говорами, чтобы Римляне заговорили по гречески, а александрійцы по латыни. Смыслъ этого дѣйствія понятенъ: императоръ хотѣлъ показать, что онъ не дѣлаетъ различія между римскими и неримскими элементами населенія огромнаго государства. Это былъ наглядный примѣръ расширеннаго примѣненія принципа гражданскаго

у Амедея Тьерри въ его соч. Tableau de l'empire romain, p. 129-130. — Извлеченъ самый фактъ изъ Светонія (Suet. Aug. 98).

(xx) Puteoli — теперь Поццуоли близъ Неаполя, въ римское время былъ чуть ли не первымъ торговымъ портомъ въ Италіи

Вып. 5.

галенства, который начинала проводить имперія, и который долженъ былъ объединить въ одинъ соціальный организмъ всѣ населявшіе ее народы. И эти послѣдніе начинали ясно понимать солидарность политики имперіи съ ихъ интересами. Конечно, это не „крикъ міра", большинство котораго прозябало еще въ рабствѣ или бѣдности и невѣжествѣ, неспособное еще къ самостоятельной жизни. Но это несомнѣнно восторгъ многочисленнаго средняго сильнаго богатствомъ и экономическою энергіею класса въ населеніи провинцій (такъ сказать, обезпеченной „буржуазіи", если прибѣгать къ очень несовершенной аналогіи съ современностью), который былъ призванъ къ жизни имперіею, и на который она сознательно предполагала опираться. — Но и въ такой формѣ соціальная политика императоровъ была демократична и прогрессивна.

Во всякомъ случаѣ такія сцены, которыя часто повторялись воспламеняли пылкое воображеніе уроженцевъ востока; восторгъ и поклоненіе скоро приняли тамъ религіозный характеръ, а оттуда это новое политическое настроеніе стало распространяться и въ западныхъ странахъ, въ Галліи, Испаніи и самой Италіи. Уже приведенный примѣръ показываетъ, что привязанность къ имперіи провинціаловъ и почитаніе особы императора начинало принимать „религіозный" оттѣнокъ. Эта особенность принимала все болѣе и болѣе напряженный характеръ, и изъ нея выросъ очень скоро <u>новый своеобразный культъ.</u>

Мы видимъ въ это время распространившійся въ особенности въ провинціяхъ обычай, посвящать се-

въ служенію императорамъ, какъ особымъ высшимъ существамъ. Это подтверждаютъ и писатели и многочисленныя надписи. Въ последнихъ мы сплошь да рядомъ читаемъ, что такіе то частные люди „посвящаютъ, отдаютъ себя божественности и величеству (numini majestatique devoti), Калигулы, Домиціана, Траяна, Марка Аврелія и другихъ.

Не прямая надежда на определенную личную милость императора руководила людьми, которые посвящали себя ему; нетъ, большая часть изъ нихъ были провинціалы, не редко даже никогда не видевшіе его и не получавшіе отъ него прямаго благодеянія. Иногда целые города принимали на себя такія религіозныя обязательства (x). Сохранилась одна изъ формулъ, въ которыя облекались подобнаго рода посвященіе.- Приведу ее для примера (Она напечатана въ Corp. Inscr. Lat. II, 172): „Клятва жителей Аритіума (въ Испаніи). По моей собственной и доброй воле, обязуюсь считать своими врагами враговъ императора (Гая Цезаря), а буду преследовать постоянно и непримиримо съ оружіемъ въ рукахъ на воде и на суше всехъ злоумышляющихъ на его жизнь. Самымъ священнымъ для меня и детей моихъ будетъ спасеніе императора. Если я изменю моей клятве, пусть Юпитеръ и божественный Августъ (divus Augustus) и все безсмертные боги отымутъ у меня мою родину, имущество, здоровье, и пусть мои дети будутъ поражены тою же карою." Подобныхъ этому

(x) Такова напр. африканская надпись (C. I. L. VIII, 4218: „Respublica Verecundensium devota numini majestatique ejus." – Есть испанскія надписи такого же содержанія.

текстовъ осталось очень много. Мы должны составлять сужденіе о чувствахъ людей того времени по подлиннымъ свидѣтельствамъ, которыя они намъ оставили. А эти памятники всѣ показываютъ, что повиновеніе императору его многочисленныхъ провинціальныхъ подданныхъ было не насильственное, а добровольное, что люди того времени, отдавались имперіи по личному свободному порыву и всею душою, съ полною преданностью, съ настоящимъ благочестивымъ чувствомъ (x).

Эта симпатія и привязанность къ имперіи какъ часто бываетъ когда какое нибудь чувство овладѣваетъ массами, скоро приняли форму религіи. Здѣсь мы встрѣчаемся съ фактомъ, который, съ нашей точки зрѣнія, кажется невѣроятнымъ, съ обоготвореніемъ личности императора. А между тѣмъ этотъ фактъ несомнѣнно существовалъ, получилъ широкое распространеніе съ одного конца имперіи до другаго и продержался три вѣка. О немъ свидѣтельствуютъ историки - Тацитъ, Діонъ Кассій и другіе, о немъ говорятъ опять же безчисленныя надписи, сохранившіяся во всѣхъ углахъ Римскаго міра. Во всѣхъ провинціяхъ въ честь императоровъ воздвигаются алтари и храмы, возводятся они частными лицами, корпораціями, цѣлыми областями. При храмахъ возникаетъ самостоятельный культъ.

Я не имѣю ни возможности (по недостатку времени), ни надобности (по самому плану моихъ чтеній) вдаваться въ подробное описаніе организаціи культа римскихъ императоровъ. Я касаюсь этого яв-

(x) Fust. de Coul. I, 178.

Ления

ленія лишь для характеристики настроенія провинціальнаго общества въ римскомъ мірѣ послѣ императорскаго переворота и для опредѣленія его отношенія къ новому государственному строю. Для меня интересна въ настоящей связи въ императорскомъ культѣ не религіозная концепція и не форма жречества и культа, а именно политическая идея и общественное мнѣніе, которое нашли своеобразное выраженіе въ поклоненіи римскимъ императорамъ (x).

Обоготвореніе отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, особенно умершихъ не представляло собою ничего необычайнаго въ древнемъ мірѣ. Древнѣйшая родовая религія основана была, какъ извѣстно, на культѣ предковъ. Апоѳеозъ героевъ - основателей городовъ, образо-

(x) Вопросъ этотъ имѣетъ свою спеціальную литературу, которую я не указываю, за исключеніемъ новѣйшаго сводящаго сочиненія - L'abbé Beurlier, Essai sur le culte rendu aux empereurs romains (P. 1891.) Тутъ же можно найти указанія на остальную библіографію. - Кромѣ того вопросъ затрагивается именно съ интересующей насъ стороны въ прекрасной работѣ - Gaston Boissier, La religion romaine (См. т. I, гл. 2-я), а также въ книгѣ Фюстеля де Куланжа, Les institutions politiques de l'ancienne France (tome I, livre II, chap. 2) Блестящій франц. историкъ превосходно изобразилъ общій характеръ культа, его политическое и нравственное значеніе; но онъ плохо различаетъ между отдѣльными разновидностями культа императоровъ. Для уясненія этой послѣдней стороны вопроса интересна статья извѣстнаго французскаго историка E. Desjardins, Le culte des divi et celui de Rome et d'Auguste (См. Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne, 1879, T. III.) - Небольшое но очень отчетли-

Сл.

іявившій домашнюю религію города (какъ культъ Ромула-Квирина въ Римѣ) ~~[illegible]~~ также изъ того же источника. Такъ что такого рода процессъ обожествленія умершаго человѣка легко могъ распространиться на личность (на генія) сошедшаго съ земной сцены императора. — Въ восточномъ мірѣ, въ частности въ греко восточномъ существовалъ кромѣ того обычай обоготворять <u>живыхъ</u> людей, напримѣръ <u>царей</u>, онъ распространенъ былъ довольно сильно въ эллинистическихъ государствахъ Востока — почитали живаго царя и строили ему храмы.

Изъ такихъ-то старыхъ религіозныхъ представленій и обычаевъ, подъ сильнымъ дѣйствіемъ новыхъ политическихъ мотивовъ и общественныхъ симпатій выросъ культъ римскихъ императоровъ.

Разсматривая это своеобразное воплощеніе религіознаго чувства, мы должны различить степени и виды обоготворенія императоровъ. Я указывалъ, что обоготвореніе умершихъ у древнихъ было вещью довольно обыкновенною. Но во время республики такого рода апоѳеозы выдающихся людей, великихъ дѣятелей послѣ ихъ смерти было явленіемъ довольно рѣдкимъ. Тенденція эта усиливается вмѣстѣ съ утвержденіемъ имперіи: чувство преданности новому строю совпало съ религіозною потребностью найти новыхъ боговъ вмѣсто старыхъ потерявшихъ значеніе: отсюда легко возникло обоготвореніе вождей, правителей, которые <u>принесли человѣчеству миръ</u>. (x). Первый получилъ

рое введеніе посвящено интересующему насъ вопросу въ спец. сочин.
<u>P. Guirand</u>, <u>Les assemblées provinciales dans l'empire Romain</u> (P. 1887.)

(x) Уже въ концѣ республики народъ часто возносилъ божескія почести

Въ…

настоящій апоѳеозъ Ю. Цезарь. Еще при жизни ему воздаютъ божескія почести, даже постановляютъ построить храмъ въ Римѣ и рѣшаютъ поклоняться ему подъ именемъ Jupiter Julius. Одинъ изъ мѣсяцевъ былъ въ честь его божественности названъ Іюлемъ, вскорѣ послѣ Мартовскихъ идъ 44-го года по декрету сената онъ былъ обоготворенъ въ полномъ смыслѣ слова: онъ получилъ титулъ divus (богъ), ему учреждено было особое почитаніе и назначенъ специальный жрецъ (flamen) - первымъ изъ нихъ былъ знаменитый Антоній. Такъ было въ Италіи.

Нѣчто не только аналогическое, но даже болѣе сильное произошло съ Октавіаномъ. То, что онъ былъ усыновленъ Цезаремъ, былъ сыномъ самаго любимаго бога, становило его уже выше людей, что и видно въ титулѣ Августа, который былъ данъ ему. Уже при жизни его распространено было поклоненіе ему, какъ благодѣтельному божеству, во всей Италіи и даже въ границахъ самаго города Рима. Отдѣльныя общины, корпораціи, даже семейства преимущественно мелкаго люда, поднятаго и облагодѣтельствованнаго имперіей, вводили Августа, какъ новаго могущественнаго генія-покровителя, въ кругъ своихъ домашнихъ боговъ, причисляли его къ своимъ ларамъ (lares familiares)...

божествамъ, оказавшимъ ему то или иное благодѣяніе - ставили его статую, жгли передъ нимъ на алтаряхъ еиміамъ и дары,... Это доказываетъ, говоритъ Гиро, что въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. умы были уже подготовлены къ культу императоровъ, какъ они были уже готовы и къ императорскому абсолютизму". (Les assemblées, p. 20) —

Нач.

miliares) и ставили ему внутри своихъ домовъ алтари. Такъ возникъ особый домашнiй культъ Августа, а потомъ и другихъ императоровъ, который имѣлъ частный, а не публичный характеръ, и которому Августъ не препятствовалъ, даже потворствовалъ. Но публичнаго поклоненiя себѣ, офицiальнаго культа ни въ Италiи, ни особенно въ Римѣ императоръ при своей жизни не допускалъ, опасаясь возмущенiя религiознаго чувства и политическихъ понятiй аристократовъ и вообще старо-римскаго общества. Впрочемъ, послѣ утвержденiя его власти, въ Италiи во многихъ городахъ, а еще больше въ провинцiяхъ уже стали воздвигаться въ честь его храмы и алтари и на Востокѣ и на Западѣ (x), и около нихъ установилось особое богослуженiе. Это разрѣшалось, но такой культъ считался не офицiальнымъ, государственнымъ, а лишь частнымъ, общиннымъ. Августъ предоставилъ Римлянамъ офицiально признать его богомъ лишь послѣ своей смерти. „Мѣсяцъ послѣ его кончины, небо было дано ему по декрету", какъ говоритъ Тацитъ. Такъ какъ по старымъ установленiямъ только сенатъ могъ вводить новый культъ, государственную религiю, то и тутъ изданъ былъ въ 14 же году по Р. Х. Сенатусконсультъ, который объявлялъ императора богомъ (divus Augustus) и образъ его вступалъ въ офицiальный Пантеонъ; онъ получалъ тогда особыхъ жрецовъ

(x) Въ Италiи мы находимъ слѣды ихъ въ Неаполѣ, Помпеяхъ, Путеолахъ, Кумахъ, Пизѣ, Террацинѣ, Пренесте, Веронѣ и т. д.; на Востокѣ въ различныхъ городахъ Малой Азiи, Сирiи, Египта, Грецiи; на западѣ ихъ меньше, но упоминанiя встрѣчаются и тамъ.

жрец

(flamines, sodales), ему воздвигались святилища, и онъ мало чѣмъ отличался отъ древнихъ божествъ римскаго Олимпа. Тоже произошло и съ преемниками перваго императора — Тиберіемъ, Клавдіемъ, потомъ съ Флавіями, Антонинами, Северами. По надписямъ можно воспроизвести списокъ приблизительно изъ 30 императоровъ (отъ Августа до Діоклетіана), которымъ предоставлены были послѣ смерти божескія почести (которые объявлены были divi). — Стало быть только тѣ императоры, которые признаны были того достойными, послѣ смерти постановленіемъ сената получали апоѳеозу: около 20 изъ нихъ были лишены этого почета; память нѣкоторыхъ даже напротивъ подвергалась офиціальному опозоренію, имена ихъ вычеркивали на публичныхъ памятникахъ, ихъ вычеркивали изъ списка императоровъ, отмѣняли силу ихъ постановленій (rescissio actorum) (x).

Такимъ образомъ раньше всего возникло преимущественно въ провинціальныхъ и италійскихъ общинахъ, корпораціяхъ, и частныхъ семействахъ домашнее почитаніе живущаго императора, какъ генія-покровителя, какъ „lar familiaris". — Этотъ культъ не имѣлъ мѣста въ Римѣ (по крайней мѣрѣ, публично). Но изъ него или, вѣрнѣе, рядомъ съ нимъ образовалась еще офиціальная религія императоровъ, обо-

(x) Такое обоготвореніе образа (генія) или опозоренія памяти умершихъ императоровъ, конечно, зависѣло отъ политическихъ обстоятельствъ, такъ что случалось, что хорошіе императоры вычеркивались изъ списковъ, а очень порочные провозглашались богами. См. Guirand, Les assemblées, p. 23–29.

Тел.

готворенныхъ легально послѣ ихъ смерти, если сенатъ находилъ ихъ достойными божескихъ почестей.

Такъ разными путями подготовлялась почва для новой религіозной идеи. Но для иллюстраціи разсматриваемаго нами вопроса (объ отношеніи населенія римскаго міра къ имперіи) гораздо важнѣе еще третій видъ культа „Императоровъ" связанный съ поклоненіемъ „Риму", который возникъ также въ провинціяхъ, достигъ особенно широкаго процвѣтанія и получили большое политическое значеніе.

Это такъ называемый культъ Рима и Августа.

По словамъ Діона Кассія (x) къ Октавіану, пріемному сыну Цезаря, въ первый разъ въ 29 г. до Р. Х., когда уже онъ былъ „властителемъ вселенной," обратились восточные азіатскіе народы съ просьбою разрѣшить имъ установить поклоненіе „Urbi Romae et Caesari;" (городу Риму и Цезарю) онъ далъ согласіе основать два храма посвященные Цезарю и Риму, одинъ въ Ефесѣ для провинціи Азіи, другой въ Никеѣ для Виѳиніи и два для Грековъ въ Пергамѣ и Никомедіи. Кромѣ того онъ дозволилъ построить еще два храма въ честь себя и Рима въ Пергамѣ и Никомедіи. Такое различіе было сдѣлано потому, что „Грекамъ" (такъ называли вообще уроженцы Востока) допускалось поклоняться и живому императору, но появившимся на Востокѣ римскимъ гражданамъ предоставлялось лишь обращаться къ умершему и оффиціально обоготворенному Цезарю (Divus Julius). „Таково было, заканчиваетъ Діонъ Кассій, происхожденіе почитанія, которое

(x) См. его Исторію кн. LI, гл. 20.

впослѣдствіи было воздаваемо императорамъ не только въ греческихъ провинціяхъ, но и во всѣхъ странахъ, подчиненныхъ Римлянамъ. Что касается Рима и Италіи, то никто не осмѣлился никогда воздвигать тамъ такіе памятники, хотя и тамъ воздавались почести и возводились алтари въ честь умершихъ императоровъ, хорошо пользовавшихся своею властью". Такимъ образомъ этотъ культъ Рима и Цезаря - былъ религіею чисто провинціальною. Сначала иногда для каждаго отдѣльнаго божества культа Рима и Цезаря, существовали отдѣльные храмы, но потомъ оба божества вмѣстѣ соединились въ одномъ святилищѣ. Богослуженіе Риму и Цезарю могли совершать не только римскіе граждане, живущіе въ провинціяхъ, но и иностранцы. Очевидно, что цѣль основанія этого культа со стороны Августа была чисто политическая. Августъ имѣлъ въ виду во первыхъ внушить римскимъ подданнымъ религіозное уваженіе къ городу - властелину, который долженъ былъ почитаться вмѣстѣ съ обоготвореннымъ особою его повелителя, во вторыхъ - дать иностранцамъ право отправленія жреческихъ обязанностей связанныхъ съ новою религіею и черезъ то привлечь ихъ къ участію въ культѣ, который былъ въ одно и тоже время и всеобщимъ и національнымъ, ввести ихъ въ общеніе съ гражданами и подготовлять постепенно къ гражданскому сліянію съ Римлянами. Ничто при господствовавшемъ тогда настроеніи не могло лучше польстить самолюбію подданныхъ, ничто не могло больше подвигнуть ихъ къ исканію правъ гражданства, въ самомъ началѣ имперіи. Послѣ апоѳеоза Августа, въ 14мъ году по Р. Х. Культъ Рима и Цезаря обратился въ культъ

Рима и Августа и тѣмъ возбудилъ новый предметъ соревнованія для весьма понятнаго честолюбія провинціаловъ, которые въ множествѣ стали добиваться правъ римскаго гражданства, пройдя чрезъ двери новаго храма, т.е. пробывъ нѣкоторое время жрецами Рима и Августа. Оба эти божества (въ изучаемой разновидности культа императоровъ) нужно понимать не въ собственномъ, а въ переносномъ, идеальномъ смыслѣ. Римъ - это идея вѣчнаго города, по всѣмъ краямъ земли распространившаго свое могущество и свое гражданство. Августъ - это не тотъ или другой императоръ, а идея всесвѣтной благодѣтельной власти. Такъ они и понимались въ провинціяхъ. Мы видимъ тамъ почитаніе не Августа только, а живого императора, стоящаго въ данную минуту во главѣ имперіи, т.е. всѣхъ императоровъ одного за другимъ независимо отъ ихъ личныхъ качествъ или недостатковъ. Новый культъ представлялъ не почитаніе одного лица, носящаго то, или другое имя, это было преклоненіе передъ „абстрактнымъ понятіемъ главы государства", символъ римскаго могущества, почитаніе императора, смѣшанное съ обоготвореніемъ міра вмѣстѣ съ всемірнымъ городомъ, который возбуждалъ восторгъ и удивленіе (x). Примѣру названныхъ городовъ послѣдовали другіе. Мы ви-

(x) „.... Римъ императоръ, говоритъ Дежарденъ (въ выше названной стат., представляли въ такой ассоціаціи двойную форму, политическую и религіозную, которая резюмировала въ себѣ — Orbis Romanus (Римскій міръ), власть и силу, гарантирующую общественный миръ и установленный порядокъ."

нимъ, что вскоре воздвигнутся храмы въ честь Рима и Августа повсемѣстно на Востокѣ; что тотъ же обычай рано устанавливается и на Западѣ: мы находимъ слѣды этого культа въ африканскихъ провинціяхъ, въ Испаніи, Британіи, Дунайскихъ провинціяхъ. Но особенно много любопытныхъ памятниковъ сохранила намъ Галлія. - Приведу примѣры.

У насъ есть надпись, найденная около древняго города Нарбонны (у береговъ Средиземнаго моря), относящаяся къ первымъ годамъ послѣ Р. Х. (См. Corp. Inscr. Lat. XII, p 530). Она гласитъ слѣдующее: „Нарбоннскій народъ на вѣчныя времена отдаетъ себя служенію божеству Августа. - Да будетъ благо Цезарю Августу, отцу отечества, великому жрецу, супругѣ его и дѣтямъ, сенату, народу римскому и жителямъ Нарбонны, которые связали себя съ нимъ узами вѣчнаго поклоненія. Нарбоннскій народъ воздвигъ этотъ алтарь на городскомъ форумѣ и постановилъ, что на немъ ежегодно въ восьмой день послѣ октябрскихъ календъ, въ день, когда благополучіе вѣка дало его міру, чтобы управлять имъ, будутъ закалываемы въ жертву шесть жертвенныхъ животныхъ, возносимы къ его божеству молитвенныя просьбы и предлагаемы вино и фиміамъ."

Въ надписи святилище не названо прямо посвященнымъ Риму и Августу, это даже не храмъ, а алтарь, воздвигнутый въ честь только генія Августа, но текстъ посвященія очень ясно воплощаетъ широкую государственную концепцію начинающейся религіи, соединеніе имени Августа съ сенатомъ и народомъ римскимъ, съ Римомъ съ другой стороны съ жителями Нарбонны на началахъ подчиненія и соли-

дарности.

Еще болѣе интересенъ и важенъ примѣръ Ліонскаго храма. За нѣсколько лѣтъ до Р.Х. вся Галлія (т.е. три ея части - Лугдунская, Аквитанія и Белгика) воздвигла храмъ Риму и Августу около Ліона при сліяніи Роны (Rhodanus) и Соны (Araris). Въ построеніи участвовали представители 60 галльскихъ народцевъ, храмъ долженъ былъ содержаться на общій счетъ выборными жрецами (sacerdotes). Въ мѣстности, гдѣ расположенъ былъ храмъ найдено было множество памятниковъ и надписей, свидѣтельствующихъ о продолжительности его существованія и большемъ значеніи.(x) И въ царствованія позднѣйшихъ императоровъ до конца третьяго вѣка находятся извѣстія о возникновеніи храмовъ Рима и Августа.

Всѣ эти данныя доказываютъ намъ съ очевидностью, что этотъ новый, оригинальный даже странный на нашъ взглядъ культъ пользовался повсемѣстнымъ распространеніемъ и огромною популярностью, и, нужно думать, что въ провинціальномъ культѣ Рима и императоровъ было нѣчто большее, чѣмъ безнравственное подчиненіе восторжествовавшей власти, чѣмъ рабское преклоненіе передъ силою или оффиціальное раболѣпство передъ господствомъ (xx). Цѣлые на-

(x) См. Fustel de Coulanges I, 186.

(xx). Такіе мотивы могли руководить отдѣльными лицами воздвигавшими храмы; оффиціальныя политическія соображенія могли дѣйствовать въ императорскихъ чиновникахъ, которые могли побуждать провинціаловъ къ принятію новой религіи. Но они не могли возбудить сочувствія массъ и сдѣлать культъ такимъ распространеннымъ, популярнымъ, прочнымъ.

роты, говоритъ Фюстель де Куланжъ, не могли быть угодами, и во всякомъ случаѣ не могутъ оставаться въ ряскомъ положеніи нѣсколько вѣковъ. Это былъ широко распространенный культъ. Онъ не былъ пустою безжизненною церемоніею придворнаго этикета, это было искреннее чествованіе провинціаловъ. Вся Галлія, Испанія, Греція и Азія почитали Рима и Августа. Культъ былъ запрещенъ не соблюдался только въ одномъ мѣстѣ именно во дворцѣ самого императора, да еще ненавидѣли его въ тайныхъ христіанскихъ обществахъ, которыхъ еще никто не замѣчалъ и не зналъ. Вездѣ же онъ привлекалъ сердца. Онъ представлялъ крупное явленіе въ провинціяхъ, вызвавшее рядъ новыхъ формъ дѣятельности, новые культурные интересы. Императоры только, как увидимъ ниже, ловко воспользовались чувствомъ и одушевленіемъ, охватившимъ массы.

Рядомъ съ „большимъ общепровинціальнымъ культомъ Рима и Августа", руководителями и главными участниками котораго были крупные люди въ провинціяхъ, тамъ развивалось также преимущественно между мелкимъ людомъ, вольноотпущенниками, ремесленниками, землевладѣльцами, рабами выше описанное поклоненіе императору, какъ „генію покровителю домашняго очага, семьи, корпораціи и т. д." – Масса вотивныхъ надписей и статуэтокъ, изображающихъ императоровъ и членовъ императорской семьи, какъ боговъ, находимыхъ повсемѣстно, доказываютъ опять же огромное распространеніе и этого, такъ сказать, „малаго императорскаго культа". (х).

(х) „Многіе люди подъ тайною своего домашняго очага говорить

Жа.

Онъ подготовлялъ почву для германскаго провинціальнаго культа Рима и Августа, создавалъ нужное для него настроеніе, вырабатывалъ необходимые ему элементы.

Въ разсматриваемомъ явленіи мы видимъ очень замѣчательное доказательство весьма широкаго сочувствія народовъ къ императорскому строю. Нѣкоторые историки предполагали, что культъ императоровъ и Рима былъ явленіемъ сравнительно позднимъ, и что онъ возникъ со времени утвержденія деспотической имперіи Діоклетіана, просто какъ форма рабскаго этикета передъ величіемъ властителя. Неоспоримые факты доказываютъ наоборотъ, что вмѣстѣ съ развитіемъ деспотической, хищнической и политической монархіи въ IV-мъ вѣкѣ культъ императоровъ замираетъ вмѣстѣ съ паденіемъ сочувствія и солидарности общества и народа съ государствомъ. Появленіе и развитіе этой своеобразной религіи относится именно къ тѣмъ вѣкамъ, когда имперія только утверждалась, связывала свое существованіе съ интересами значительныхъ слоевъ населенія и добровольно и радостно принималась странами и народами съ надеждою на будущее.

Еще разъ повторяю: культъ императоровъ не былъ съ одной стороны ни рабство, ни насиліемъ. Онъ не былъ также съ другой результатомъ теоріи божественности власти, ни поклоненіемъ героевъ. — Императоръ не былъ ни посланникомъ, ни намѣстникомъ бога, ни великимъ человѣкомъ. Онъ былъ — богомъ, независимо отъ своихъ качествъ, которыя могли быть и

Фюстель де Куланжа, далеко отъ глазъ толпы и совершенно независимо отъ императорскихъ чиновниковъ, поклонялись божеству

хорошими и плохими. Онъ былъ богомъ, потому что былъ императоромъ. Въ немъ почитали „общественную власть". Намъ трудно понять описываемое историческое явленіе. Но надо умѣть войти въ душу народовъ далекихъ вѣковъ. Люди того времени были очень суеверны, религіозное чувство сильно возбуждено. Человѣческій умъ всюду искалъ бога и неудивительно, что онъ могъ обоготворить императорскую власть, какъ самую могущественную изъ проявлявшихся на землѣ силъ. Описываемая религія являлась оригинальною концепціею государства, которое представлялось какимъ то божественнымъ Провидѣніемъ. —, Она соединялась, говоритъ Фюстель де Куланжъ, въ мысляхъ людей того времени съ миромъ, которымъ она начала пользоваться послѣ столькихъ вѣковъ смутъ и бѣдствій, съ благосостояніемъ и богатствомъ, которыя повсюду распространялись вмѣстѣ съ цивилизаціею, промышленностью и искусствомъ. Человѣческая душа въ силу естественнаго тогда инстинктивнаго порыва обоготворила эту власть. Какъ въ первобытные вѣка человѣчество почитало облако, которое, давая дождь, растило хлѣбъ, на ми-

---

императора, присоединивъ его къ ихъ пенатамъ. Можно видѣть въ Луврскомъ музеѣ двѣ бронзовыя статуэтки, изображающія Августа и супругу его, Ливію. Онѣ, вѣроятно, стояли много лѣтъ въ домовой божницѣ какого нибудь галльскаго семейства. Рядъ послѣдовательныхъ поколѣній, конечно, оказывали имъ поклоненіе. Члены этой неизвѣстной семьи, какихъ много было въ Галліи, испрашивали у этихъ божеств. существъ въ повседневныхъ молитвахъ мира, счастья, здоровья, и, навѣрно, въ дни удачи приносили имъ благодарственныя слова. Статуи императоровъ были настоящими идолами, къ кот. приходили съ оптимизмомъ, жертвоприношеніями

въ, и солнце, которое заставляло жатву созрѣвать, такъ точно жители имперіи обоготворили императора, какъ благодѣтельную покровительствующую власть. (x).

Это чересчуръ сильно сказано; но мысль вѣрна. Поддержка имперіею интересовъ провинцій вызвала въ нихъ сознаніе солидарности съ нею, а оно породило сочувствіе, которое и выразилось въ своеобразныхъ формахъ религіи, какъ это и бываетъ съ суевѣрными массами, когда какое-нибудь чувство охватитъ ихъ. Населеніе, только что вышедшее изъ завоеванія и рабства, не нуждалось въ политической свободѣ, а требовало лишь безопасности и мѣстной самостоятельности. Мы сейчасъ увидимъ, что имперія первыхъ вѣковъ дали и то, и другое. – Во всякомъ случаѣ, мы должны сказать рѣшительно, что завоеванный Римлянами міръ привѣтствовалъ имперію.

2.

Общіе принципы римской провинціальной политики во время Римской имперіи.

1. – Римская имперія заслужила сочувствіе, поддержку и преданность въ населеніи Римскаго міра благодаря той системѣ соціальной политики, которую она примѣняла по отношенію къ провинціаламъ. Къ характеристикѣ имперской системы провинціальнаго управленія и вообще отношенія ея къ подчинен-

и молдавии". Les instit. I, 186.

(x). Fust. de Coulanges, I, 191.

нымъ мы теперь и перейдемъ. Мы будемъ останавливаться для выясненія этого вопроса преимущественно на западныхъ провинціяхъ, которыя представляютъ для насъ наибольшій интересъ и которыя, какъ заселенныя варварскими племенами, наиболѣе подчинились вліянію римскихъ учрежденій, администраціи и культуры.

Народы Запада – Иберы, Лигуры и Кельты еще до Римлянъ встрѣчались съ чужими вліяніями и воздѣйствіями. Западные берега Средиземнаго моря за много вѣковъ (можетъ быть, даже больше, чѣмъ за тысячелѣтіе) до Р. Х. привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ, переселенцевъ, искателей счастья и наживы съ далекихъ береговъ восточныхъ земель. Западные варвары сталкивались съ этими выходцами Востока въ торговыхъ сношеніяхъ и въ борьбѣ.

Раньше всѣхъ проникаютъ туда Финикіяне и ихъ родичи, утвердившіеся на Западѣ – Карѳагеняне. Очень рано пріобрѣтаетъ также выдающееся значеніе въ жизни странъ западныхъ частей Средиземнаго моря таинственный народъ Этруски, поселившійся въ верхней и средней Италіи. Кромѣ нихъ появляются на Западѣ за много вѣковъ до Р. Х. – Греки, которые какъ извѣстно, настолько густо заселяли берега южной Италіи (также и Сициліи), что дали ей свое имя (Великая Грецiя) (x).

(x) Путешественникъ, посѣщающій и въ настоящее время южныя мѣста Италіи и Сициліи встрѣчаетъ тамъ замѣчательныя развалины превосходныхъ памятниковъ греческой культуры. – Таковы многочисленныя развалины сооруженій Сиракузъ, таковъ великолѣпный театръ Таормины (древн. Тавроменія), таковы храмы Агригента, Селинунта и Сегесты въ Сициліи, таковъ превосходнѣйшій по степени сохраненія и по цѣльности архаическаго типа дорическій [illegible]

Издавна у береговъ Италіи, Сициліи, Южной Галліи, Испаніи, Сѣверной Африки происходитъ оживленное движеніе-военно-торговое, сложная „толчея" народовъ, запутанныя столкновенія и разнообразное взаимодѣйствіе многочисленныхъ этнографическихъ элементовъ и разнородныхъ типовъ культуръ. Это былъ въ высшей степени любопытный историческій процессъ отъ котораго не осталось, конечно, никакихъ письменныхъ слѣдовъ но находится масса достовѣрныхъ свидѣтелей въ видѣ множества предметовъ обыденной жизни и произведеній искусства, раскапываемыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ даннаго района преимущественно въ древнихъ мѣстахъ погребенія. Съ помощью внимательнаго анализа и сопоставленія всѣхъ этихъ предметовъ современной исторической археологіи удается воспроизвести главные пути культурной эволюціи и культурнаго взаимодѣйствія древнѣйшаго населенія этихъ странъ (x). Я ограничусь лишь нѣсколькими словами объ этихъ до-римскихъ вліяніяхъ на западъ страны.

храмъ Нептуна (Ю. Салерно). Вообще многія мѣстности Юж. Италіи и Сициліи носятъ и теперь греческій колоритъ.

(x) Это очень любопытная и интересная историко-культурная работа. Не имѣя возможности вдаваться въ разсмотрѣніе такихъ историко-археологическихъ вопросовъ, не могу не сослаться на прекрасную и увлекательно-написанную книгу фр. ученаго Jules Marthà, L'art Etrusque (P. 1889), большой томъ съ множествомъ превосходныхъ рисунковъ, представляющихъ по своему содержанію древнѣйшую исторію Италіи и вліянія на нее сосѣдей или вообще исторію культурныхъ отношеній въ запад. частяхъ Средиз. моря, написанную по вещественнымъ памятникамъ быта и искусства. Когда читаешь эту интересную книгу особенно въ Италіи гдѣ мо-

Вліяніе <u>Финикійскихъ</u> мореплавателей-купцовъ всего болѣе отразилось на Иберійскихъ племенахъ Испаніи. Испанскіе Иберы усвоили себѣ позднѣе даже финикійско-Карѳагенскій алфавитъ, который можетъ быть и теперь возстановленъ. Оно было преимущественно сильно въ южной Испаніи, что можно видѣть изъ особеннаго развитія культуры у <u>Турдетановъ</u> – народа, жившаго въ нынѣшней Андалузіи. Въ нѣкоторыхъ городахъ южной Испаніи установилось также, какъ постоянное явленіе, купечество, заимствованное отъ Финикіянъ, и вліяніе Семитовъ держалось тамъ довольно долго. Какъ извѣстно, Финикіяне заѣзжали и въ Британію, но тамъ совсѣмъ не видно слѣдовъ ихъ пребыванія. Вообще же о культурномъ вліяніи Финикіянъ и Карѳагенянъ трудно говорить: мы знаемъ, что отношеніе ихъ къ покореннымъ сводилось исключительно къ самой жестокой эксплуатаціи, а при такихъ условіяхъ ни сознательное, ни фактическое культурное вліяніе сколько-нибудь сильное, конечно, невозможно.—

Далѣе <u>Этрусское воздѣйствіе</u> замѣтно только на Кельтахъ, которые жили въ Придунайскихъ областяхъ (нынѣшнемъ Тиролѣ, около Зальцбурга и въ Венгріи). Тутъ находятся во множествѣ произведенія Этрусскаго искусства. Но это почти исключительно предметы роскоши – вазы, ожерелья и другія украшенія; <u>нужно думать, что Этруски не произвели</u> серіознаго

Зная параллельно изучать сокровища Флорентійскаго или Ватиканскаго археологическихъ музеевъ или древнихъ могилъ Корнето-Тарквиній – дѣйствительно начинаешь, какъ будто ощущать вѣяніе прежней дикой жизни.

нѣкіятона въ Кельтской культуры и во всякомъ случаѣ не положили начала новой эры ея развитія (x).

Болѣе сильное вліяніе, чѣмъ Финикіяне и Этруски, оказали на Кельтовъ древнихъ Италійцевъ и другихъ первоначальныхъ жителей запада — Греки. Я уже указывалъ на могучую колонизацію Греками западныхъ береговъ Средиземнаго моря. Многочисленныя южно-Италійскія греческія колоніи, Сагунтъ въ Испаніи, и города въ Сициліи являются доказательствомъ силы и распространенія этого переселенческаго движенія. Но особенно продолжительное вліяніе могъ оказать на западъ одинъ греческій центръ, очень рано возникшій и очень долго сохранившій процвѣтаніе и самостоятельность. — Еще за 600 лѣтъ до Р. Х. выходцы изъ малоазіатскаго города Фокеи высадились на Галльскомъ берегу Средиземнаго моря (въ Трансальпійской Галліи) и основали тамъ колонію — Массилію (греч. Μασσαλία, лат. Massilia, нын. Marseille). Объ этомъ городѣ я и говорю. Географическое положеніе новаго города было очень выгодно: онъ расположенъ былъ недалеко отъ устьевъ Роны, имѣлъ подъ рукою удобный, водный путь внутрь страны, могъ легко его колонизировать, заводить торговыя сношенія съ жителями внутренней Галліи и тѣмъ явиться весьма живымъ источникомъ культурнаго прогресса въ средѣ варваровъ, населявшихъ эти мѣстности. Дѣйствительно Массильскіе Греки завели весьма дѣятельную торговлю въ окрестныхъ странахъ по берегамъ моря къ Востоку и къ западу отъ Мас-

(x) Такъ и въ Россіи, напримѣръ, мы находимъ достаточное количество памятниковъ Востока — арабскихъ монетъ и др., но эти частныя сношенія съ вост. народами не вывели Русскихъ изъ варварства и потому имъ не можетъ быть придано серьезнаго значенія.

стали появилось много устроенная или портовъ. Также къ востоку отъ Массиліи возникли - Генуа, Никея (нын. Ницца), Антиполь (лат. Antibes), Agathe (Агде) и еще другія, впрочемъ небольшія морскія факторіи. Но здѣсь, какъ обыкновенно и въ другихъ случаяхъ, Греки не стремились утвердиться далеко и прочно въ глубинѣ страны. На Ронѣ они основали только два города - Avenio и Cabellio и дальше устьевъ Дюрансы не поднимались да и два названные города представляли только торговыя станціи безъ большого постояннаго населенія.

Интересно отмѣтить, что Греки вообще очень рѣдко стремились къ политическому господству надъ народами, въ странѣ которыхъ устраивали свои колоніи; они исключительно и узко преслѣдовали одни торговыя цѣли. Греки исключительно заботились о личныхъ интересахъ. Способъ обращенія ихъ съ туземцами колонизируемыхъ странъ опредѣлялся исключительно торговыми мотивами. Если легкой и мирной торговой связи съ какими нибудь особенно суровыми варварами заключить оказывалось невозможно, Греки готовы были дѣйствовать съ крайнею жестокостью; но эта жестокость въ случаѣ торжества заканчивалась истребленіемъ варваровъ, которые иногда вырѣзывались всѣ до послѣдняго, а не завоеваніемъ съ послѣдующимъ замиреніемъ, ассимиляціею ихъ съ побѣдителями, культурнымъ смягченіемъ, сознательною эллинизаціею. А если матеріальныя выгоды не требовали кровавой расправы, если варвары оказывались сами мягкими, уступчивыми, если они легко шли на эксплуатацію, Греки заключали мирныя и дружественныя отношенія съ ними оставляли имъ ихъ свободу но не вступали съ

ними въ постоянную культурную связь: они относились къ нимъ презрительно, чуждались ихъ, и любили оставлять себя окруженными варварствомъ, которое было выгодно интересамъ ихъ торговли. Стало быть завоевательныя стремленія возники у Грековъ-колонизаторовъ лишь подъ давленіемъ торговой необходимости.

Не отступали отъ такого общаго правила и Массаліоты. Они оставались въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ довольно разобщенными съ окрестными туземцами. Они оставляли въ покоѣ пѣлыхъ сосѣднихъ съ городомъ народцевъ, которые не угрожали ихъ безопасности. Они не образовали около города обширной принадлежащей ему территоріи, не захватили южной Галліи въ свои руки. Массиліоты были настолько не воинственны, что не покорили даже жившихъ чуть ли не въ нѣсколькихъ шагахъ отъ города довольно задорное маленькое Лигуро-Кельтское племя Саллувіевъ; это сдѣлали въ пользу Массиліотовъ только Римляне, когда они появились въ томъ краю сначала въ качествѣ союзниковъ Грековъ.

Нечего и говорить послѣ этого, что Массиліоты никогда и не задавались цѣлью утвердить свое политическое господство надъ внутренней Галліею.

Я обращаю ваше вниманіе на такое равнодушіе Грековъ къ сознательной эллинизаціи колонизуемыхъ ими мѣстностей потому, что въ первые годы многіе выдающіеся ученые склонны были придавать слишкомъ большое значеніе культурному воздѣйствію греческихъ колоній въ варварскихъ земляхъ.

Въ частности вліяніе Массиліотовъ на Галловъ

Кур.

было выставлено въ очень преувеличенномъ видѣ даровитымъ французскимъ историкомъ Форіэлемъ (х). Указывали слѣды греческаго вліянія даже въ особенностяхъ Провансальской литературы. Проводили цѣлый рядъ развитія матерьяльнаго быта древнихъ Галловъ и усовершенствованія ихъ умственнаго уровня подъ дѣйствіемъ Массиліотовъ. Несомнѣнно Греки должны были внести нѣчто новое въ жизнь туземцевъ уже въ силу простаго соприкосновенія съ ними, въ силу наглядного примѣра. Дѣйствительно есть упоминанія о томъ, что Галлы усвоили греческій алфавитъ; но употребленіе его было незначительно, такъ какъ грамотность была мало распространена. Можетъ быть, въ другой области Греки научили южныхъ Галловъ винодѣлію (какъ это видно изъ названія одного греческаго поселенія въ той мѣстности — Αμπελος — виноградная лоза), но оно не очень распространилось до римскаго завоеванія. Можетъ быть, даже отъ Грековъ Галлы научились строить болѣе прочныя, скрѣпленныя цементомъ городскія стѣны, но и это пріобрѣтеніе было для нихъ не важно, такъ какъ городовъ въ смыслѣ постоянныхъ и значительныхъ центровъ общежитія, въ смыслѣ опредѣленной соціальной формы у древнихъ Галловъ не было. И Амедей Тьерри напрасно видитъ у нихъ развитіе городской жизни, съ борьбою партій аристократической (городъ) и демократической (село). Это также, можетъ быть, приписывалось вліянію греческаго городскаго и очень развитаго политическаго быта; но дѣло въ томъ, что это не вѣрно: У древнихъ

(х) Claude Fauriel — из. изслѣдователь исторіи юж. Франціи въ средніе вѣка. Мы упоминали о немъ въ очеркѣ исторіографіи.

Галловъ и не могло быть антагонизма между городомъ и селомъ прямо, потому что, какъ мы видѣли раньше, они жили въ формахъ не городскаго, а сельскаго быта. Такимъ образомъ, вліяніе Массиліи на культуру Галловъ не шло широко, а проявлялось лишь полосами и внѣшнимъ образомъ. Вообще надо было ограничить очень скромными рамками историческую роль <u>купцовъ</u>, или чисто торговыхъ народовъ въ дѣлѣ распространенія культурныхъ формъ жизни между варварами. Роль эту прежде склонны были очень превозносить нѣкоторые историки: но вліяніе ихъ въ дѣйствительности скользило по поверхности, касалось случайно лишь нѣкоторыхъ сторонъ матеріальнаго быта, но ни возвышающаго гуманнаго дѣйствія, ни плодотворнаго соціальнаго прогресса обыкновенно не производило.

Дѣлая такую оговорку относительно необходимаго ограниченія сферы вліянія Массиліотскихъ Грековъ на Галловъ, я не хочу отвергать вполнѣ существованія вліянія греческой культуры на жизнь населенія сосѣднихъ странъ, съ которыми они торговали, я только хочу возразить противъ неправильныхъ преувеличеній этого факта. Отрицать же фактическое распространеніе предметовъ греческой культуры въ варварскихъ странахъ и нѣкотораго вліянія ихъ самихъ по себѣ на усовершенствованіе варварскаго быта нельзя.

Нужно только, именно чтобы понятно стало великое дѣйствіе вліянія Римлянъ, постоянно имѣть въ виду, что <u>сознательной культурной миссіи въ варварскихъ странахъ Греки</u> (а въ частности и

Массиліоты) никогда на себя не брали.

Массилія сама по себѣ, какъ членъ Эллинскаго міра, представляла образцовую, богатую, прекрасно устроенную и управляемую аристократическую республику, являлась также блестящимъ средоточіемъ образованности и тѣмъ самымъ могла бы стать дѣйствительнымъ и разностороннимъ учителемъ Галловъ. Но съ своимъ внутреннимъ бытомъ она стояла обособленно, чуждо и непроницаемо въ средѣ окружавшихъ ее варварскихъ племенъ, которыя могли извлечь изъ нея столько полезныхъ уроковъ для развитія гражданской, умственной и нравственной жизни. Она вліяла лишь помимо своей воли своими внѣшними сношеніями.

Массилія была городомъ съ мирными наклонностями (какъ уже сказано) и жила въ мирныхъ отношеніяхъ съ Галлами, сталкиваясь враждебно лишь съ сосѣдними племенами Лигурійскаго происхожденія, особенно альпійскими. Торговала она на очень широкомъ пространствѣ. Ея торговыя конторы съ теченіемъ времени подымались все выше по Роне. Оттуда постоянно отправлялись караваны купцовъ и капиталистовъ направляясь по главнымъ рѣчнымъ долинамъ Галліи: они спускались по Гаронне до Бордо, по Луарѣ до Нанта, по Сенѣ до Руана. Греки садились даже въ этихъ прирѣчныхъ пунктахъ на корабли, и отправлялись съ товарами на Британскіе острова.

Такъ или иначе, но уже греческой культуры распространялись на галльскій міръ, либо съ Запада по Ронѣ, либо съ Востока по Дунаю и медленно

Ко Греки

сами собою дѣлали культурное дѣло помимо сознательнаго равнодушія Грековъ къ такому дѣлу. И такъ вліяніе Массиліотскихъ Грековъ на Кельтовъ и Лигуровъ, именно въ силу такой случайности, въ силу отсутствія опредѣленной системы соціальной политики было не прочно и не глубоко. (x).

2.– Неудивительно вслѣдствіе этого, что въ дѣлѣ завоеванія, замиренія и культурной ассимиляціи Галло-кельтскаго населенія Греки должны были скоро уступить мѣсто вліянію Римлянъ.

Это римское вліяніе было совсѣмъ инымъ и по принципамъ, и по силѣ, сознательности и глубинѣ. Занимая новыя земли, Римляне поступали не такъ, какъ Греки. Греки прежде всего старались, если возможно, вступить въ союзныя отношенія съ туземцами; предпринимая войну только въ случаѣ упорнаго противодѣйствія ихъ. Римляне же дѣйствовали на первый взглядъ гораздо болѣе насильственно: они сначала покоряли силою оружія весь край, поступая при этомъ безъ сожалѣнія. Но когда эта первая завоевательная задача была достигнута, они приступали также сознательно, какъ вырабатывали планъ покоренія, къ задачѣ внутренняго объединенія подвластной страны съ Римомъ въ формахъ римскаго языка, религіи, культуры и гражданственности. Та-

(x) Это доказывается между прочимъ небольшимъ количествомъ греческихъ надписей и монетъ находимыхъ въ Галліи и Иберіи, гдѣ также были греч. колоніи. Истор. значеніе Марсели хорошо разсмотрѣно на нѣсколькихъ страницахъ въ кн. P. Viollet. Histoire des instit. politiques de la France.

Бег.

ким образом Римляне являлись в новых варварских странах, куда вносили свое оружие, не только „бичем народов," но и „пионерами высшей культуры" не смотря на то, что они по степени развития своей цивилизации стояли гораздо ниже Греков. Рим обнаруживал и применял тот дух ассоциации, то стремление к инкорпорации в себя побежденных, который являлся особенностью римской нации, и который создал целое историческое тело. Им объясняется развитие всемирного владычества Рима, им обусловлена была возможность той громадной всемирно исторической роли, которая выпала им на долю – активной передачи античной культуры новой Европе.

В силу такой особенности и такой сознательности культурное влияние Рима на варварские народы Запада было громадно по своим результатам и в высшей степени поучительно по своему ходу и приемам.

Следствием его явилась полная романизация кельтской и иберийской народностей, а также и других, их полное приобщение к римской цивилизации, римскому политическому и социальному быту. Вся северная Африка, вся Испания, Галлия, Дунайские земли в той или другой степени усвоили язык, образованность и государственный строй Римлян. „В силу того закона, говорит Моммзен, что народ развившийся в государство растворяет в себе народ политически не совершеннолетний, что цивилизованное племя поглощает соседние, духовно неразвитые, в силу этого закона, столь же неоспоримого и сенсиженного, как закон тяготения, ита-

лійская нація древняго міра оказалась способна ассимилировать на Западѣ посредствомъ своихъ колоній народности низшей культуры Иберійцевъ, Кельтовъ, Германцевъ." — Это, повторяю, фактъ огромной всемірно-исторической важности, и мы должны обратить на него серьозное вниманіе.

Впрочемъ и тутъ, выставляя такой тезисъ, нужно опять оговориться, что разумная политика Римлянъ по отношенію къ завоеваннымъ народамъ не всегда примѣнялась послѣдовательно и въ своемъ развитіи отставала отъ развитія государства. Мы видѣли, что римское государство въ отношеніи и территоріальномъ и соціальномъ расширялось концентрическими кругами, и что вступленіе его въ каждый слѣдующій кругъ порождало дуализмъ внутри гражданской общины — противоположность между полноправнымъ гражданствомъ, привилегированнымъ и угнетающимъ, и подчиненнымъ только что завоеваннымъ населеніемъ новыхъ территорій, безправнымъ и эксплуатируемымъ. Только очень медленно этотъ внутренній дуализмъ разрѣшался путемъ борьбы и въ концѣ концовъ расширенія соціальной основы гражданства, принятія въ гражданскую общину безправныхъ.

Второй періодъ республики совпалъ съ завоеваніемъ провинцій, съ моментомъ, когда огромныя массы народовъ оказались въ подданствѣ у непорченнаго еще, но гордаго побѣдами и сильнаго организаціей тѣснаго гражданства. — Это было весьма тяжелое время для провинціаловъ.

Римская республика и въ ней особенно олигархическая партія временъ смутъ пожала съ вѣчнымъ

позоромъ за свое отношеніе къ провинціямъ. Римляне смотрѣли тогда на провинціи, какъ на свою собственность, какъ на „praedia populi Romani" (помѣстья римскаго народа), какъ на постоянный и обильный источникъ доходовъ. Но пользовался этими доходами не весь народъ, а одни правительственные, привилегированные классы — нобили, какъ правители, всадники, какъ финансовые эксплуататоры.

Представители знатныхъ фамилій не останавливались передъ большими издержками, добиваясь консульскаго достоинства, покупали голоса городскихъ пролетаріевъ, обязательно забавляли чернь театральными зрѣлищами и играми устраиваемыми на ихъ собственный счетъ, часто теряли все состояніе, входили въ огромные долги (такъ между прочимъ случилось и съ Цезаремъ). Но, рѣшаясь на огромные расходы, не останавливаясь передъ возможностью разоренія, они имѣли въ виду блестящую перспективу вознаградить себя съ избыткомъ. Отслуживъ свой консульскій годъ, они отправлялись проконсулами т. е. правительственными намѣстниками въ провинціи, гдѣ начинали обирать, кого могли и какими только могли способами: грабили подданныхъ, тѣснили поборами и союзниковъ. Вымогательство доходовъ проконсулами доходило до ужасающихъ размѣровъ, стоитъ только вспомнить прославленное лихоимствомъ имя Верреса и его подвиги въ Сициліи, стоитъ перечесть въ сочиненіяхъ Цицерона и въ повѣствованіяхъ историковъ разсказы о многочисленныхъ процессахъ по обвиненію въ лихоимствѣ въ провинціяхъ, чтобы вообразить себѣ, какую возмутительную

арену самаго безсовѣстнаго хищенія и полнаго произвола для правительственной и частной эксплуатаціи представляли тогда провинціи.

Провинціальное управленіе послѣднихъ временъ республики рѣзко и мрачно, но реально изображено у Моммсена въ его „Римской исторіи" (x). Мы не можемъ сдѣлать тутъ ничего лучшаго, какъ представить картину по возможности его словами.

„Въ завѣдываніи провинціями, говоритъ великій историкъ, злоупотребленія олигархіи достигли такого предѣла, какого не достигало на западѣ ни какое правительство, несмотря на всѣ совершавшіяся тамъ безобразія и далѣе чего идти невозможно. Правда, что отвѣтственность за это падала не на однихъ только Римлянъ. Еще до нихъ греческое финикійское или азіатское господство отняло у народовъ высшее пониманіе и самое чувство свободы и справедливости, присущее лучшимъ временамъ. Конечно, было довольно несправедливо, что каждый обвиненный провинціалъ былъ обязанъ лично предстать къ отвѣту въ Римъ по первому требованію, что римскій намѣстникъ вмѣшивался по своему усмотрѣнію въ юрисдикцію и управленіе самостоятельныхъ общинъ, произносилъ смертные приговоры и кассировалъ постановленія общиннаго совѣта; что въ случаѣ войны онъ распоряжался провинціальнымъ ополченіемъ по своей прихоти и зачастую самымъ безжалостнымъ образомъ, (т.е. подвергая его самой большой опасности и напротивъ оберегая отъ опасности италійское войс-

(x) См. томъ III, стран. 459 (русскій переводъ Алексѣя Неклюдовскаго.

ко)…. Худо было и то, что никакія постановленія нравственности и уголовнаго права не связывали римскихъ правителей или ихъ свиту, и что насиліе, изнасилованье и убійство въ юридической формѣ, да и вовсе безъ нея, составляли ежедневное явленіе." - Но бѣда была не въ одномъ произволѣ и жестокости администраціи: „Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, не было ничего новаго; почти всюду народъ привыкъ къ тому, что съ нимъ обращались какъ съ рабами, и въ сущности было мало измѣнилось отъ того, игралъ-ли Карѳагенскій намѣстникъ, сирійскій сатрапъ или римскій проконсулъ роль мѣстнаго тирана, или нѣтъ. Матерьяльное благосостояніе почти единственное, о чемъ еще заботились въ провинціи, гораздо меньше нарушалось этими поступками, которые при многочисленности тирановъ касались, правда, многихъ но всетаки отдѣльныхъ индивидуумовъ, чѣмъ тяготѣвшею надъ ними всѣми одновременно финансовою эксплуатаціею никогда еще не проявлявшеюся съ такою энергіею. Римляне въ угасающей формѣ обнаружили теперь въ этой области свою исконную виртуозность въ денежныхъ дѣлахъ." - Все что было худаго, несправедливаго и произвольнаго въ сборѣ даней или налоговъ, собиравшихся съ провинцій, все вмѣстѣ съ паденіемъ республики шло прогрессивно, и это понятно само собою. - И правильные налоги были сами по себѣ тяжелы; но они становились еще гораздо невыносимѣе вслѣдствіе неравенства въ распредѣленіи ихъ между плательщиками и извращенной системы взиманія; эти именно обстоятельства больше, чѣмъ высота наложенной суммы обу-

сламывали гнетъ податей. Натуральная повинность военнаго постоя также ложилась тяжелымъ бременемъ на жителей провинцiй. „Многiе римскiе государственные люди сами говорили, что провинцiальные города страдаютъ столько же отъ непрiятельскаго штурма, сколько и отъ расположенiя въ нихъ римскаго войска на зимнiя квартиры."

Съ самаго начала съ провинцiаловъ уже подчинившихся Риму вполнѣ, полагался опредѣленный налогъ, какъ бы въ видѣ платы или премiи Риму за принятую имъ на себя тягость и рискъ войны, и платившая провинцiальная община имѣла право считать себя избавленною отъ воинской повинности. Но впослѣдствiи рядомъ съ сохраненiемъ налога съ провинцiаловъ стала требоваться гарнизонная служба и другiя тяжелыя обязанности въ войскѣ. „Чрезвычайные же поборы, прибавляетъ Моммзенъ, въ родѣ поставки ржи въ пользу столичнаго пролетарiата безвозмездно или за ничтожное вознагражденiе, часто дорого стоившiя вооруженiя флота и защита береговъ для прекращенiя пиратства, обязанность поставлять художественныя произведенiя, дикихъ звѣрей и другiе предметы, требовавшiеся безумною роскошью римскихъ театровъ и звѣриныхъ травлей, особые сборы въ случаѣ войны были столь же часты, какъ и тягостны и непредвидимы." (x).

(x). Достаточно будетъ привести одинъ примѣръ, чтобы показать, какъ далеко заходила римская провинцiальная администрацiя. Во время трехлѣтняго управленiя Сицилiею Гаiемъ Верресомъ число сельскихъ хозяевъ упало въ Леонтинѣ съ 84 на 32, въ Мотикѣ съ 187 на 86, въ Гербитѣ съ 252 на 120, въ Аги-

Въ государствахъ невполнѣ покоренныхъ, а лишь подчиненныхъ (кліентныхъ) хотя форма налоговъ была нѣсколько иная, но тяжесть ихъ, можетъ быть, еще большая, такъ какъ кромѣ Римлянъ здѣсь грабили еще и туземные цари. Въ Каппадокіи и Египтѣ и крестьянинъ и царь дошли въ равной степени до банкротства, и первый не могъ удовлетворить сборщика податей, послѣдній римскаго кредитора. Сюда присоединились еще прямыя вымогательства нетолько со стороны самаго намѣстника, но и его друзей, изъ которыхъ каждый признавалъ за собой право вернуться изъ провинціи человѣкомъ, обогатившимся и сдѣлавшимъ карьеру. — „Римская олигархія въ этомъ отношеніи вполнѣ походила на шайку разбойниковъ и обирала провинціаловъ, какъ бы повинуясь призванію, и съ полнымъ знаніемъ дѣла; умѣлый членъ партіи не поступалъ при этомъ слишкомъ разборчиво, такъ какъ приходилось дѣлиться съ адвокатами и присяжными, и чѣмъ болѣе кралъ, тѣмъ надежнѣе дѣлалъ это; крупный грабитель смотрѣлъ пренебрежительно на мелкаго, а этотъ презиралъ воришку; тотъ изъ нихъ, кто какимъ нибудь чудомъ подвергался карательному приговору суда, гордился тѣми суммами, которыя, какъ оказывалось на судѣ, ему удавалось вымогать.

ріонъ съ 250 на 80, такъ что въ четырехъ наиболѣе плодородныхъ округахъ изъ 100 землевладѣльцевъ 59 предпочли скорѣе не воздѣлывать свои поля, чѣмъ обрабатывать ихъ при такой системѣ управленія. И эти землевладѣльцы отнюдь не были мелкими крестьянами, а собственниками большихъ плантацій и, по большей части римскими гражданами.

В. Бузескул

Такъ хозяйничали потомки тѣхъ людей, которые привыкли, бывало, послѣ правленія своего возвращаться домой сопровождаемые благодарностью подданныхъ и одобреніемъ гражданъ." Такова была система администраціи провинцій во время республики. Таково дѣйствіе намѣстниковъ и ихъ свиты.

Но, можетъ быть, еще болѣе серіозное бѣдствіе провинцій составляли публиканы. Это были лица происходившія по большей части изъ всадническаго сословія, крупные денежные капиталисты, которые составляли между собою финансовыя компаніи и брали на откупъ сборъ податей въ провинціяхъ (societates publicanorum). Они же старались арендовать у правительства всякія вообще доходныя статьи и въ провинціяхъ и являлись исполнителями всякихъ казенныхъ подрядковъ.

Получивъ въ руки огромныя финансовыя предпріятія, они открывали въ провинціяхъ самую широкую и энергичную спекуляцію прямо на счетъ интересовъ и благосостоянія населенія. Изъ стремленія всадниковъ, забрать въ свои руки главный источникъ государственныхъ доходовъ (провинціальныя подати), понятно и другое ихъ стремленіе, въ эпоху Гракховъ, захватить также и судебную власть, стать во главѣ, ~~такъ называвшихся~~ судныхъ коммисій, которымъ поручено было разсмотрѣніе возникавшихъ дѣлъ по поводу лихоимства въ провинціяхъ, (это такъ называемыя quaestiones perpetuae rerum repetundarum -). Очевидно, что, какъ скоро всадники добились бы утвержденія этого своего требованія главнаго участія въ судахъ, - они нѣсколько разъ на время дѣйствительно

ходивалась его — надъ ними не было бы уже никакой управы, такъ какъ они сами, оказывалось, разбирали и судили преступленія свои или своихъ собратій, — и наглый грабежъ и лихоимство могли бы распространяться все увеличиваясь безъ конца.

Такое ужасное положеніе провинцій измѣнилось вмѣстѣ съ измѣненіемъ образа правленія въ Римѣ. Самъ Тацитъ говоритъ, что провинціи были довольны имперіею (Ann. I, 2): онѣ не могли не чувствовать вмѣстѣ съ утвержденіемъ ея очень значительнаго облегченія.

На провинціи перестали смотрѣть какъ на praedia populi Romani, и это умѣнье правильно понять и энергически осуществить высшее назначеніе Рима по отношенію къ завоеваннымъ странамъ составляетъ неувядаемую славу Цезаря и демократической монархіи. Все это поняли еще раньше и начали осуществлять съ увѣренностью и ясностью взгляда настоящихъ государственныхъ людей братья Гракхи, въ особенности Гай. Оптиматы горячо возстали противъ нихъ, Гракхи погибли, но Юлій Цезарь унаслѣдовалъ ихъ высокія, демократическія преданія, энергически продолжалъ ихъ программу, онъ въ обширныхъ размѣрахъ раздаетъ городамъ гражданскія права, устраиваетъ въ провинціяхъ общины полноправныхъ гражданъ, и основаніе колоній на почвѣ Испаніи или Галліи больше не считается ни кощунствомъ, ни грѣхомъ, какъ было при Гракхахъ. Провинціалы, испытывая первоначально на своихъ интересахъ только хорошую сторону монархіи, связали съ имперіею свою судьбу.

Са[illegible].

3.— Мы должны теперь разсмотрѣть уже прямо соціальную политику Римской имперіи, которая привела провинціи къ сліянію съ нею, къ полной романизаціи, подвластной Риму Западной Европы. При этомъ слѣдовало бы держаться такого плана: 1) Сначала необходимо изложить общіе принципы римскаго провинціальнаго управленія во время имперіи. 2) Затѣмъ разобрать частныя его средства и общіе результаты ихъ примѣненія. 3) Наконецъ сдѣлать культурно географическое обозрѣніе всего романизованнаго Римскаго міра, чтобы въ частностяхъ показать на ходъ, объемъ, напряженіе и историческое значеніе процесса романизаціи Европы напримѣръ культурнаго развитія подъ вліяніемъ Рима различныхъ странъ.

Первые два пункта, мы выполнили, отъ систематической разработки послѣдняго должны будемъ за недостаткомъ времени отказаться. Мы ограничимся лишь нѣсколькими фактами въ видѣ простыхъ иллюстрацій.

Укажу предварительно источники и пособія, которыми надобно пользоваться при изученіи даннаго вопроса (x).

Источники представляются изъ трехъ главныхъ категорій.

1) Литературный и вообще книжный ма-

(x) Я буду имѣть въ виду главнымъ образомъ провинцію Галлію (хотя и буду дополнять изложеніе данными о другихъ областяхъ), потому что о ней осталось особенно много матеріала, который очень тщательно изучался, а также потому, что для насъ особенно важна исторія этой страны для изложенія въ буду-

теріалъ.

а) Въ ряду источниковъ этой группы надо обращаться, конечно, къ греческимъ и латинскимъ авторамъ.

Главнѣйшіе изъ писателей, которые даютъ свѣдѣнія о до-римскомъ бытѣ Галліи и другихъ странъ, кое-что сообщаютъ и для даннаго вопроса. У большинства изъ нихъ говорится и о римской организаціи Галліи и другихъ провинцій. Тутъ важны прежде всего Цезарь и географъ Страбонъ. Затѣмъ идутъ другіе географы и натуралисты — Плиній и Помпоній Мела, отчасти Птолемей, затѣмъ историки Плутархъ и Іосифъ Флавій, поэтъ Луканъ и другіе. Нужно, впрочемъ, сказать, что они сообщаютъ не систематическія и связныя, а отрывочныя и случайныя свѣдѣнія. Историки (Тацитъ, Светоній, Діонъ, Геродіанъ и др.) говорятъ о провинціальномъ управленіи и о положеніи провинцій еще болѣе случайно и вскользь хотя при внимательномъ чтеніи попадаются и у нихъ очень любопытныя подробности. Для позднѣйшихъ временъ появляются очень важные писатели мѣстные — прозаики и поэты. Таковы для Галліи напримѣръ — Авзоній, Аполлинарій Сидоній и другіе (x). Исторія провинцій изучается такимъ образомъ по авторамъ съ большими пробѣлами.

цемъ году дальнѣйшихъ отдѣловъ уже собственной средневѣковой исторіи.

(x). Не перечисляю всѣхъ и даже многихъ. Для Галліи можно найти очень полную коллекцію текстовъ, въ которой говорится о ней въ кн. Cougny, Extraits des auteurs anciens concernant l'histoire et la géographie de la Gaule.

Тел.

в.) Для изученія географіи и топографіи римскаго міра и его провинцій имѣются два очень любопытные памятника 1) Itinerarium Antoninianum (Дорожникъ Антонина) 2) Tabula Peutingeriana (Пейтингерова таблица.)

Первый изъ названныхъ документовъ представляетъ изъ себя описаніе дорогъ, городовъ и населенныхъ пунктовъ на сушѣ и у моря, имперіи съ указаніемъ разстояній между ними, станцій и главныхъ сооруженій въ видѣ путеводителя (гида), возникновеніе котораго относится къ третьему вѣку (x). Второй = является картою римскаго міра, относящеюся приблизительно къ тому же времени (xx). Само по себѣ понятно, какъ много даютъ для изученія имперіи эти оригинальные, случайно сохранившіеся въ нашихъ рукахъ памятники.

2) Ясно изъ того, что уже не разъ говорилось раньше, что главнымъ источникомъ свѣдѣній для исторіи провинцій, ихъ управленія во времена имперіи, развитія въ нихъ мѣстной жизни и романизаціи являются надписи, въ безчисленномъ количествѣ находи-

(x) Itinerarium Antonini — былъ составленъ въ началѣ III в. вѣроятно, въ царствованіе императора Антонина Каракаллы, но до насъ дошелъ въ переработкѣ IV в. по Р. Х.

(xx). Пейтингерова таблица, по всей вѣроятности, была составлена въ срединѣ III в., но у насъ она имѣется лишь въ спискѣ, сдѣланномъ въ 1265 г. въ Германіи на основ. исчезнувшаго потомъ оригинала. Названіе свое она получила отъ Аугсбургскаго совѣтника, Конрада Пейтингера, ея прежняго владѣльца. Теперь она находится въ Вѣнской Библіотекѣ. Она изображаетъ на 12 большихъ пергаменныхъ листахъ всю имперію (кромѣ Ис-

ніяхъ во всемъ прежде римскомъ міръ и тщательно собираемыя, издаваемыя и изучаемыя историками. Я не буду повторять теперь того, какія они даютъ разнообразныя и драгоцѣнныя, часто единственныя данныя для воспроизведенія религіозной, соціально-политической, культурной, экономической, бытовой и соціальной жизни всего обширнаго провинціальнаго міра. Скажу только, что современная научная исторія Римской имперіи, изслѣдующая не только біографію императоровъ и ихъ дѣйствія въ центрѣ, но громадный историческій процессъ, совершавшійся во всемъ историческомъ мірѣ, строитъ свои выводы на эпиграфическомъ матеріалѣ, какъ особенно богатомъ, разнообразномъ и прочномъ (x).

3) Третью категорію источниковъ составляютъ вещественные памятники. Для знакомства съ матеріальной культурой Галліи и другихъ провинцій съ успѣхами ихъ въ области искусства, съ богатствами ихъ промышленности, красотой ихъ городовъ, высокимъ совершенствомъ дорогъ, водопроводовъ и другихъ полезныхъ сооруженій и т. д., надо обращаться къ тѣмъ многочисленнымъ остаткамъ культуры блестящей римской эпохи, которые въ огромномъ количествѣ въ видѣ развалинъ городовъ, зданій, сооруженій, памятниковъ покрываютъ собою и въ настоящее обширное пространство Галліи и Британіи, которыя потеряны) также съ обозначеніями дорогъ и городовъ.

(x) Дальнѣйшее изложеніе даетъ нѣсколько примѣровъ того, что и какъ даютъ надписи для изученія всемірно-исторической роли имперіи. См. такого же рода примѣры въ кн. фр. историка C. Jullian, Gallia (p. 4-6, 120-190.)

Тей

пространствъ Италіи и провинцій.

Древнія постройки, произведенія искусства, предметы домашняго обихода, оружіе все это находится во множествѣ и не только по сосѣдству съ нынѣшними городами, наслѣдниками городовъ Римской имперіи, но и въ далекихъ и теперь даже иногда пустынныхъ захолустьяхъ. Время и жизнь, слѣдующихъ за Римской эпохой, поколѣній наложили свою разрушающую руку на эти памятники старины (постоянно покрытые надписями) но тѣмъ не менѣе они, являясь драгоцѣнными свидѣтельствами распространенія римскаго вліянія и образованности, оказываютъ огромную помощь въ дѣлѣ воспроизведенія картины давно минувшей жизни. Таковы главные виды разнообразныхъ источниковъ, по которымъ мы можемъ изучать разсматриваемый теперь вопросъ. (x).

(x). Что касается до ученой литературы, освѣщающей исторію организаціи провинціальнаго міра имперіею и воздѣйствія Рима на провинціи, то я укажу лишь главнѣйшую. — Главнѣйшимъ весьма обстоятельнымъ и широкимъ и самостоятельнымъ научнымъ руководствомъ прекрасное обширное изслѣдованіе Marquardt'a, Römische Staatsverwaltung, Die Organisation des römischen Reichs, 2 Aufl. (1881, Leipzig). Трудъ этотъ составляетъ 4-й томъ знаменитаго многотомнаго руководства по римскимъ древностямъ — Mommsen und Marquardt, Handbuch der römischen Alterthümer. Къ этой книгѣ надо обращаться и когда ищешь общаго ознакомленія съ вопросомъ, и когда нужна справка, или изображеніе деталей или указаніе на источники. Краткое обозрѣніе вопроса найдешь въ выше названной книгѣ Viollet, Hist. des institutions de la France (съ богатою спеціальною библіографіею. На со-

сл.

Система управленія провинціями жестокая и эксплуататорская въ послѣднее время республики, была, какъ уже сказано, кореннымъ образомъ измѣнена имперіею. Сознавая необходимость опираться на населеніе провинцій, какъ на самый сильный (численно и экономически) элементъ общества, императоры задались сознательною цѣлью расположить ихъ къ себѣ и привязать узами постоянной вѣрности. Для этого они установили и проводили систематически особое направленіе соціальной политики благопріятное для провинціаловъ. Сущность ея сводилась къ слѣдующему.

1) Императоры дали провинціямъ удовлетворительное управленіе, которое дало возможность подчиненнымъ странамъ отдохнуть отъ безсовѣстныхъ хищеній республиканскихъ олигарховъ, а активнымъ элементамъ ихъ населенія развивать экономическое благосостояніе и общественную самостоятельность.

2) Они послѣдовательно заботились о распространеніи въ провинціяхъ всѣхъ благъ матеріальной, гражданской и умственной римской культуры.

3) Они уважали мѣстную свободу населенія, давали возможность независимо устраивать свои земскія дѣла и постепенно распространяли на возвысившихся и отличившихся провинціаловъ права

нецъ, какъ всегда блестящій очеркъ даетъ Fustel de Coulanges (Institutions, t. 1 et 2) – Для знающихъ англ. яз. могу указать хорошую небольшую кн. W. T. Arnold, The roman system of administration to the accession of Constantin the Great (Lond. 1879). Соч. относящіяся спеціально къ описанію романизованныхъ провинцій будутъ указаны ниже.

римскаго гражданства.

Такого рода провинціальная политика впервые была поставлена и энергично проводилась первымъ настоящимъ основателемъ имперіи Цезаремъ.

Моммсенъ въ обширномъ блестящемъ отделе Римской Исторіи превосходно характеризуетъ провинціальныя реформы Цезаря. Онъ подчинилъ своей власти и правительственному контролю действія наместниковъ (проконсуловъ), до него правившихъ безусловно по своему произволу. Онъ ограничилъ ихъ полномочія, подвергалъ за нарушеніе закона и превышеніе власти самому строгому суду. „Если до той поры проконсулъ являлся какъ бы членомъ разбойнической шайки, грабившей провинціи, то Цезаревы чиновники должны были защищать слабыхъ противъ сильныхъ, и вместо прежняго, более чемъ ничтожнаго контроля сената, заступали для нихъ ответственность передъ несправедливымъ и непреклоннымъ государемъ"(x). Онъ старался даже урегулировать величину, распределеніе взиманія государственныхъ налоговъ, даже преобразовать ихъ систему. Старался обуздать и парализовать зловредное экономическое вліяніе беззастенчивой спекуляціи римскихъ капиталистовъ.

Затемъ, Цезаремъ былъ выработанъ особый пріемъ подготовки провинціальнаго населенія къ усвоенію формъ и обычаевъ римской культуры и гражданственности. Онъ нашелъ удобнымъ для этого выводить въ различныя провинціальныя страны колоніи изъ своихъ ветерановъ. Новые города, которые возникали такимъ пріемомъ за пределами Италіи въ областяхъ еще политически

(x) Моммсенъ, Р. И. III, 413.

Под.

безправныхъ и болѣе или менѣе варварскихъ являлись центрами, гдѣ утверждалась и откуда распространялась римская культура, и служили ядромъ для распространенія формъ римскаго муниципальнаго управленія и гражданства.

Осуществлялась эта мѣра весьма энергично и широко. Дѣло происходило приблизительно слѣдующимъ образомъ. Группа ветерановъ, т.е. отслуживших свой срокъ съ отличіемъ легіонеровъ объявляется коллективнымъ цѣлымъ — <u>колоніею</u> и выводится въ какую нибудь провинцію, гдѣ имъ предоставляется извѣстная территорія съ городскимъ центромъ, который или уже существуетъ, или основывается. Ветераны-колонисты всѣ получаютъ права гражданства, и имъ дается довольно широкое мѣстное (муниципальное) самоуправленіе. На приписанной къ колоніи территоріи живутъ покоренные туземцы. Они первоначально не граждане, а только обыватели (incolae). Но они не поставлены отдѣльно отъ общины, а имѣютъ надежду современемъ, когда научатся латинскому языку и усвоятъ римскія формы быта присоединиться къ ней: такимъ образомъ изъ выведенной колоніи, какъ изъ центра радіусами распространяется кругомъ римская культура и гражданственность въ провинціяхъ. Такихъ Цезаревыхъ колоній возникло не мало въ Галліи, Испаніи и др. провинціяхъ. Цезарь смотрѣлъ на эту систему не только какъ на средство поднять уровень благосостоянія провинцій, но надѣялся ею усилить также ослабѣвшую съ уменьшеніемъ числа населенія Италію. Онъ сдѣлалъ провинціальныхъ жителей, кото-

-ро

ре пройдутъ въ городахъ гражданскую и политическую школу, усвоятъ принципы и обычаи римской жизни, постепенно возвышать ихъ въ юридическомъ положеніи до предоставленія имъ полныхъ правъ римскаго гражданства. И онъ дѣйствительно исполнилъ обѣщаніе: очень много провинціаловъ при немъ сдѣлались гражданами. Такимъ образомъ онъ расширилъ фундаментъ государства, введя въ составъ римскихъ гражданъ огромное число новыхъ элементовъ; онъ стремился къ этому сознательно и въ томъ его великая историческая заслуга.

Послѣ окончательнаго утвержденія имперіи идея Цезаря послѣдовательно (хотя и болѣе сдержанно) поддерживалась Августомъ и мало по малу создала традицію имперіи.

X Греческій историкъ III вѣка, Діонъ Кассій, сообщаетъ намъ фактъ, очень любопытный для освѣщенія изучаемаго вопроса. Я сначала приведу его, потомъ обращу вниманіе на то, что мы можемъ изъ него извлечь. Когда Августъ, повѣствуетъ Діонъ (x), послѣ побѣды надъ врагами готовился взять на себя уже навсегда вмѣстѣ съ верховною властью, великую задачу, которую общественное мнѣніе привязывало къ ней, онъ почувствовалъ робость и остановился въ раздумьи. Тяжесть бремени, будто бы, пугала его. Тогда то онъ обратился за помощью къ двумъ своимъ сотрудникамъ при совершеніи переворота — Агриппѣ и Меценату, за совѣтомъ, что ему дѣлать. — Первый будто бы посовѣтовалъ ему отказаться отъ власти и возстановить республику; второй наобо-

(x). См. Ист. соч. Діона, кн. 4, гл. 1-40.

потъ старался искусить его волю и настойчиво
не побуждалъ, а осторожно утверждалъ власть
за собой. Разсказъ этотъ въ его цѣломъ сомнителенъ: Августу, добившемуся побѣды, притомъ очень легкой, едва ли пришла бы искренне въ голову мысль объ отреченіи, и Агриппа, первая рука императора въ подавленіи республиканцевъ съ какой бы стати сталъ проповѣдывать ему республиканскія идеи. Можно очень сомнѣваться въ подлинности и длинной рѣчи, которую Діонъ влагаетъ въ уста Меценату. Но изъ содержанія послѣдней мы можемъ подмѣтить нѣсколько чертъ и мыслей, которыя могутъ нѣчто уяснить при опредѣленіи административной и соціальной системы имперіи. Меценатъ сильно порицаетъ республиканскій образъ правленія. Онъ начинаетъ съ параллели между республикой и монархіей: „Республика, говоритъ онъ, есть свобода для толпы, но тягчайшее рабство для лучшихъ людей; и она приводитъ къ гибели и тѣхъ, и другихъ; монархія же всегда и вездѣ предпочитающая все разумное и награждающая каждаго по заслугамъ, дѣлаетъ всѣхъ счастливыми." — Пока Римъ былъ незначительнымъ городомъ и территорія его не велика, продолжаетъ онъ, республика соотвѣтствовала потребностямъ и была благомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ мы устремились за предѣлы Италіи, и перешли море, подчинили своему могуществу материки и далекіе острова, она сдѣлалась зломъ; все обратилось въ безпорядокъ извнѣ, въ смуту внутри. На подобіе большаго корабля безъ кормчаго съ экипажемъ, составленнымъ изъ толпы набранныхъ здѣсь и тамъ людей, нашъ городъ плаваетъ по волѣ бур-

Бу.

стоій.

Возьми руль, который вручаютъ тебѣ боги, взываетъ къ Августу Меценатъ. Не оставляй отечества, и если и теперь міръ вздохнулъ уже свободнѣе по твоей заслугѣ, сумѣй утвердить его благополучіе и на будущее время." (*)

Далѣе совѣтникъ Августа развиваетъ ему цѣльный планъ реформъ, строитъ по его мнѣнію желательную (если не идеальную) картину учрежденій имперіи.

„Очисти сенатъ, говоритъ между прочимъ Меценатъ, такъ какъ многіе изъ его членовъ недостойны своего званія; ты замѣнишь ихъ самыми благородными, уважаемыми и богатыми людьми не только изъ Италіи, но и изъ провинцій и союзныхъ странъ. Этимъ ты создашь многочисленныя орудія дѣйствія, привлечешь къ себѣ, пріобщая ихъ къ управленію, лучшихъ людей изъ всѣхъ народовъ. Эти народы будутъ жить въ мирѣ, такъ какъ у нихъ не будетъ больше вождей, которые бы ихъ волновали, а наоборотъ, ихъ нынѣшніе начальники, новые римскіе граждане будутъ проповѣдывать подчиненіе и любовь къ государю. То что я совѣтую тебѣ относительно сената, слѣдуетъ распространить и на сословіе всадниковъ. Чѣмъ больше ты сгруппируешь вокругъ себя выдающихся, почтенныхъ людей со всѣхъ концовъ имперіи, тѣмъ легче будешь управлять всѣмъ по себѣ; а подвластные народы убѣдятся, что мы не смотримъ на нихъ ни какъ на рабовъ, ни какъ на низшія существа, но любить и защищать римское государство для нихъ

тоже самое, что защищать и любить ихъ собственное отечество. Я хотѣлъ бы даже, смѣло продолжаетъ Меценатъ, чтобы всѣ иностранцы получили право гражданства, чтобы тогда, какъ и мы, дѣти одного того же города, единственнаго на самомъ дѣлѣ города въ мірѣ, они смотрѣли на свои различныя отечества, какъ на села и пригороды города Рима" (1).

Въ приведенныхъ строкахъ заключается много важныхъ данныхъ. Конечно, многое здѣсь преувеличено и всей рѣчи придано чересчуръ стройный и цѣльный характеръ; невѣрно было приписать Меценату такіе планы реформъ въ началѣ I-го вѣка, когда онѣ въ III-мъ (время жизни Діона) уже были совершены. Никто во времена Августа не былъ способенъ такъ ясно формулировать уравненіе правъ жителей всего римскаго міра; совѣты приближеннаго Августа должны были быть выражены въ гораздо менѣе опредѣленныхъ словахъ; но всетаки Діоновскій разсказъ обращаетъ вниманіе на тѣ идеи, надъ которыми задумывались уже первые императоры; совѣты приписываемые имъ Меценату вполнѣ вяжутся съ тѣмъ, что въ данномъ направленіи было сдѣлано Цезаремъ и что Августъ и его преемники продолжали, расширяя принципы и основанія. Приведенное извлеченіе, взятое изъ сочиненія историка времени Северовъ показываетъ намъ, какъ смотрѣли на задачу и дѣло основателей имперіи ихъ недалекіе потомки, и текстъ Діона хорошо подтверждаетъ высказанное нами положеніе, что имперія шла по пути улучшенія общественнаго устройства, отъ котораго отказалась республика, въ этомъ она была лучше республики, такъ вышла изъ опаснаго

круга мѣръ „партiонныхъ" и выработали систему мѣръ „государственныхъ".

Сообщу еще несколько данныхъ, не вдаваясь впрочемъ, въ подробности, для того, чтобы характеръ имперской администрацiи провинцiй представлялся отчетливо.

Отъ того, какая система администрацiи примѣняется въ государствѣ, очень многое зависитъ въ частности — безопасности благосостоянiи массъ, иногда даже хорошая организацiя администрацiи можетъ быть важнѣе для ихъ интересовъ, чѣмъ правильное государственное устройство (т.е. хорошая организацiя верховной власти.) Съ другой стороны нужно отмѣтить историческое наблюденiе, что принципы государственнаго права навсегда оказываются въ соотвѣтствiи съ принципами права административнаго. Несомнѣнно эти два элемента государства находятся между собою во внутренней зависимости: не можетъ быть совершеннаго управленiя при неудовлетворительной формулировкѣ основныхъ началъ государства. Но временно иногда можетъ установиться различiе между указанными двумя сторонами государственнаго быта. Иногда верховная власть, организованная въ силу неудовлетворительнаго принципа можетъ быть принуждена для своего сохраненiя въ народѣ проводить въ администрацiи плодотворный и совершенно ей противорѣчащiй принципъ. Примѣромъ такого рода несоотвѣтствiя можетъ служить Пруссiя XVIII в., въ которой утвердилась весьма удовлетворительная и довольно свободная систе-

ма администрацiи въ областяхъ при развитiи самаго опредѣленнаго и даже крутого монархическаго абсолютизма въ центрѣ. Римская республика представляетъ обратный примѣръ – нестерпимо плохого областнаго управленiя при теоретически высокомъ опредѣленiи верховнаго народнаго права вверху государства.

Римская имперiя очень интересна точно также съ этой точки зрѣнiя. Подавивъ „народную свободу" и создавъ „монархическiй абсолютизмъ" въ государственномъ устройствѣ она выработала и довольно долго поддерживала, умѣренность въ „самоуправленiи" въ провинцiальномъ управленiи.

Во время Имперiи также какъ и во время республики римскiя провинцiи управлялись лицами, посылаемыми туда съ полномочiями отъ высшаго правительства. Это были – намѣстники (*проконсулы* – во время республики, *легаты* – во время имперiи). Они имѣли помощниковъ (*квесторовъ* – во время респ., *прокураторовъ* во время имперiи), которые вѣдали финансовую часть, и опредѣленный штатъ низшихъ чиновниковъ. Власть *республиканскаго проконсула* была весьма могущественна. Провинцiя управлялась не по своимъ обычаямъ, и не по римскимъ законамъ, а въ силу единоличной и абсолютной власти намѣстника. Онъ творилъ для нея законъ. У него въ рукахъ былъ – *imperium*, т. е. не только административная власть, но всѣ верховныя права государства. Онъ командовалъ войсками и завѣдывалъ наборомъ солдатъ. Высшее руководство финансоваго управленiя также зависѣло отъ него. Одною изъ главныхъ функцiй его былъ судъ. Онъ былъ собственно единственнымъ судьею

и въ мелкихъ и въ крупныхъ, и въ гражданскихъ, и въ уголовныхъ дѣлахъ. Эдиктъ проконсула составлялъ судебный уставъ провинціи. Ему принадлежало право казни (ius gladii), и на приговоры его не было апелляціи. Высшая полицейская власть также ему принадлежала; онъ долженъ былъ охранять страну отъ разбоя, насилія и беззаконія, давать ей безопасность и спокойствіе. На немъ же лежалъ высшій контроль за всѣми вѣдомствами и служащими въ нихъ лицами, а также за всѣми находящимися въ провинціи учрежденіями и общественными сооруженіями. Трудно даже перечислить права проконсула: его власть простиралась на все. Правитель былъ полнымъ господиномъ ввѣренной ему области.

Таковъ былъ проконсулъ временъ республики. Имперія, т. е. режимъ принципа по существу тѣмъ не менѣе совершенно иначе поставила провинціальнаго намѣстника на дѣлѣ.

Республиканскій проконсулъ не былъ стѣсненъ никакимъ закономъ, ни отъ кого не зависѣлъ и никому не долженъ былъ отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Во время своего проконсульскаго года онъ былъ настоящимъ безотвѣтственнымъ монархомъ ввѣреннаго ему населенія.

Императорскій провинціальный легатъ оказался въ другомъ фактическомъ положеніи. „Деспотизмъ императора заставилъ исчезнуть деспотизмъ проконсуловъ", говоритъ Фюстель де Куланжъ (x). Съ утвержденіемъ имперіи, проконсульская власть была передана Августу. Часть провинцій онъ возвратилъ сена-

(x) Instit. I, 200.

ту, но право верховного надзора надъ управленіемъ и сенатскихъ провинцій оставалось за нимъ. Къ тому же мы знаемъ, что раздѣленіе провинцій на императорскія и сенатскія скоро исчезло и всѣ провинціи перешли въ непосредственное вѣдѣніе императора. И Августовы легаты не могли никакъ считать себя провинціальными монархами. Они являлись лишь органами и агентами императора. Отправляясь въ провинціи они получали отъ него письменную инструкцію, которою должны были руководствоваться, какъ закономъ, и затѣмъ обязаны были отдавать ему отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всякихъ непредусмотрѣнныхъ случаяхъ; испрашивать его указа; за нарушеніе воли императора или интересовъ населенія они подлежали нетолько увольненію, но и суду. Произволу, алчности и злоупотребленіямъ намѣстниковъ полагался предѣлъ. Провинціи могли вздохнуть свободнѣе, онѣ были подчинены намѣстникамъ, но онѣ знали, что и надъ ними, этими послѣдними есть высшая власть, которая будетъ защищать населеніе, и къ которой можно апеллировать.

Такимъ образомъ губернаторы провинцій были подчинены во время имперіи верховной центральной власти и для осуществленія контроля надъ ними, скоро возникли спеціальныя учрежденія. Вслѣдствіе установки такой комбинаціи отношеній между верховной и административной властью значеніе намѣстника сильно понизилось, независимость же провинціальнаго населенія нашла совершенно неизвѣстное раньше обезпеченіе.

Сал.

Для дальнѣйшаго развитія описатой системы римскіе императоры первыхъ вѣковъ, организуя администрацію, всегда руководились тремя очень важными правилами.

1) Никогда не отдавать никакихъ правительственныхъ должностей ~~[illegible]~~ за деньги или на откупъ.

2) Не дѣлать никакихъ должностей пожизненными, чтобы сохранять за собою всегда возможность смѣнить плохого чиновника, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не отзывать ежегодно (какъ во время республики) намѣстника изъ провинціи, а держать его тамъ неопредѣленное время, пока власть и населеніе довольны имъ;

3) назначать правителямъ провинцій опредѣленный закономъ окладъ жалованья и безусловно запрещать брать съ населенія, что бы то ни было, не только въ свою пользу, но даже и увеличивать назначенный эдиктомъ императора государственный налогъ.

На основаніи всего выше сказаннаго можно убѣдиться въ томъ, что провинціальная администрація во времена имперіи была коренныхъ образомъ улучшена. Управленіе было централизовано и упорядочено, управляемые получили гарантіи и средства искать управы противъ несправедливостей и беззаконій областныхъ представителей центральной власти. Они получили возможность спокойнаго существованія и культурнаго развитія.

Фюстель де Куланжъ, охарактеризо-

...авъ въ такомъ же смыслѣ реформу провинціальнаго управленія, произведенную императорами, называетъ ее <u>утвержденіемъ административной централизаціи</u>(*). Раньше, говоритъ онъ, провинціи поручавшіяся самовластному завѣдыванію проконсуловъ, были какъ бы „децентрализованы", совершенно независимы отъ центральной верховной власти (сената и народа). Имперія ихъ связала подчиненіемъ власти императора — „централизовала" около себя. Это очень преувеличенная и односторонняя оцѣнка факта. Несомнѣнно изъ такого подчиненія провинціальнаго намѣстника императору могла развиться впослѣдствіи централизація (и дѣйствительно развилась); но пока напротивъ жизнь населенія довольно мало зависѣла отъ центра и слагалась на началахъ довольно широкаго самоуправленія.

Изъ послѣдующаго вы убѣдитесь въ этомъ.

3.- Главныя черты римскаго муниципальнаго строя, развитіе его во время имперіи и романизующее вліяніе

1- Римская имперія первыхъ вѣковъ, что касается организаціи ея мѣстнаго управленія носила оригинальный муниципальный характеръ. „Римская имперія, говоритъ солидный нѣмецкій ученый <u>Кунъ</u>(**) представляется намъ состоящею изъ го-

(*) <u>Instit.</u> 200-201, 209.

(**) <u>E. Kuhn</u>, Städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs (2 Bde 1864) 1 Bd. S. II.

Исп.

родов, которыми управляет император. Эти города по внешнему устройству являются до некоторой степени подобием самоуправляющагося швейцарскаго кантона, а вся империя как бы федеративным республиканским союзом этих кантонов, хотя и находящихся под деспотическою властью императора'.

Это сильно и несколько парадоксально сказано. Но мысль верна, если ее правильно понять. Первоначальныя античныя государства во всей совокупности представляли из себя небольшую городскую общину. Затем в эпоху римской республики государство разрастается в союз городов. Во время империи вновь образовавшееся сплоченное государство опиралось на городскую общину, как на самую мелкую административную единицу. - Таково сочетание простейших элементов с целым в новом государстве. Нужно только понимать, что античный город был не похож на современный.

Город в древнем мире всегда есть необходимое соединение известнаго более или менее значительнаго центра постояннаго населения, скученнаго, живущаго вместе (urbs, oppidum), с некоторою частью окружающей территории (territorium, regio), приписанной к нему и составляющей с ним неразрывное целое. Причем нужно отметить, что противоположности между этим поселением (т.е. городом в современном смысле и принадлежащею к нему землею (по нашему селом, деревнею) в древности не было; они органически сливались вместе. Жителями такого города являлись по преимуществу землевладельцы его тер-

Терр.

риторiи, (possessores, domini-praediorum); имъ принадлежали сельскiе участки, на которыхъ велось земледѣльческое хозяйство, и городскiе, на которыхъ строились дома для жительства, и гдѣ иногда возникало какое нибудь промышленное дѣло. Они составляли существенный элементъ, зерно городской общины, и, съ точки зрѣнiя ихъ правъ гражданства, было совершенно безразлично, родились ли или жили они въ деревнѣ или городѣ. Самые богатые или вообще обезпеченные, конечно, жили въ городѣ, оставляя въ своихъ сельскихъ помѣстьяхъ арендаторовъ, фермеровъ, управителей и рабовъ. – Наиболѣе бѣдные утверждались въ деревнѣ, на своихъ участкахъ (крестьянскихъ), являясь въ городъ для сбыта продуктовъ и для отправленiя гражданскихъ правъ или повинностей (x).

Такой античный городъ представлялъ изъ себя не только механическое соединенiе людей, но являлся коллективнымъ цѣлымъ, юридическою (universitas) личностью, т.е. совокупность его граждан признавалась какъ бы единымъ живымъ существомъ (как и нынѣшнiе, впрочемъ, города), обладалъ имущественными правами – могъ владѣть землею, зданiями, капиталами, устраивать промышленныя предпрiятiя, покупать, продавать, дарить и получать дары, завѣщать и наслѣдовать и т.д. – Затѣмъ каждый античный городъ былъ еще – политическою личностью, гражданскою общиною (civitas, respublica) со своимъ управленiемъ

(x). Полное слiянiе города и деревней въ одно органическое цѣлое является совершенно очевиднымъ изъ слѣд. (почерпаемаго изъ Дигестъ) общаго положенiя, что кто родился въ деревнѣ, долженъ считаться природнымъ членомъ той городской общины, къ территорiи которой при-

и юрисдикцiею. Въ независимыхъ городахъ такое политическое устройство было вполнѣ самостоятельное, (городъ былъ суверененъ); въ городахъ же подчиненныхъ власти другаго — существовало лишь мѣстное, земское самоуправленiе безъ верховныхъ политическихъ правъ (муниципальная свобода).

Населенiе городской общины (т. е. городскаго населенiя и его территорiи) распадалось на гражданскiе и негражданскiе элементы. Къ первымъ причислялись прежде всего коренные мѣстные землевладѣльцы, потомки давно уже поселившихся на городской территорiи семействъ, члены родовитыхъ городскихъ фамилiй. — Это полноправные граждане (cives), члены общины по происхожденiю (jure originis.) — Далѣе, во вторыхъ къ гражданскимъ элементамъ населенiя общины причислялись люди чуждые городу по происхожденiю, переселенцы, лишь недавно утвердившiе въ городѣ свою осѣдлость (domicilium), ставшiе земельными собственниками и сосредоточившiе на его территорiи большую часть своего имущества. Это обыватели (incolae), добровольные члены общины (voluntarii) по праву не происхожденiя, а постояннаго жительства (jure incolatus). Эти incolae, имѣя полныя имущественныя права, однако не пользовались первоначально всѣми политическими правами въ городскомъ управленiи (уменьшенное право — minutum jus). Но впослѣдствiи мало по малу различiе между гражданами и обывателями сглаживается, пос

надлежитъ его родное селенiе.

Подробности этого прававаго принципа и его послѣдствiя прекрасно разобраны у Кухна (I, 29-34.).

годные уравниваются въ правахъ съ первыми — и образуютъ вмѣстѣ съ ними гражданство городской общины.

Къ негражданскимъ элементамъ городской общины причислялся прежде всего всякаго рода пришлый народъ: люди ненадолго поселившіеся въ городъ для какого нибудь личнаго промышленнаго или иного дѣла или для заработка, но не пріобрѣтавшіе въ немъ собственности (не переносившіе въ городъ своихъ пенатовъ); потомъ въ эту же категорію вводили всякого рода зависимые люди — рабы, вольноотпущенники, несвободные землевладѣльцы и т. д.

Принадлежность индивидуума къ общинѣ выражалась въ 1) подчиненіи его правительственной (или административной) и судебной власти, функціонирующей въ городѣ и 2) обязанности выполнять городскія общественныя повинности и службы.

Эти послѣднія назывались munera (по греч. λειτουργίαι) и могли быть двухъ родовъ: одни требовали лишь посвященія на городскія нужды части своего времени и труда: это — личныя повинности (munera personalia); другія соединялись съ денежными расходами или тратами; это имущественныя (munera patrimonii).

Такая обязанность нести на себѣ, какъ обязательныя повинности, всѣ нужныя городу службы не только безъ вознагражденія, но даже съ пожертвованіемъ части собственнаго дохода или даже состоянія; особенно для насъ интересная черта древняго общиннаго устройства.

Фюстель де Куланжъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи о гражданской общинѣ античнаго міра

Митюр. Д. Рудаева Нов. ред. с. 5 к. 46.

Въ кач...

показалъ намъ очень ясно, что древніе совсѣмъ не знали индивидуальной свободы. То, что они называли свободой, представляло только пользованіе политическими правами (*); но права эти были скорѣе обязанностями. Гражданинъ былъ во всемъ безгранично подчиненъ общинѣ. Его тѣло и имущество принадлежало государству: первое всегда должно было служить его защитѣ, – второе постоянно находилось въ его распоряженіи. Самая частная жизнь не выходила изъ круга полновластія государства. Въ своемъ болѣе новомъ сочиненіи объ общественномъ строѣ древней Франціи, Фюстель де Куланжъ возвращается къ той же мысли и очень ярко изображаетъ, какъ то, что называлось въ древности политическою привилегіею, и что глазамъ современника рисуется часто, какъ большая исключительная выгода, пріобрѣтенная насиліемъ и удерживаемая помощью ухищренія и хитрости, покупалось довольно тягостною службою государству, общинѣ, отъ которой эти привилегированные классы иногда готовы были отказаться хотя бы съ потерею политическихъ преимуществъ, но община принуждала ихъ къ исполненію обязанностей, такъ какъ безъ этого она не могла существовать. (**). Есть большая доля правды въ томъ, что говоритъ Фюстель де Куланжъ. Въ республиканскомъ государствѣ древности положеніе гражданина, хотя и признавалось за высшую привилегію, было вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелою и непрерывною обязанностью

(*) La cité antique p. 262 et suiv...

(**). См. о матер. развитіи и подчинен. организаціи этихъ классовъ Ф. де К. Institutions I, 256 et suiv.

службою. Исполненіе общественныхъ повинностей занимало все существованіе личности, и гражданину оставалось очень мало времени на трудъ для себя и на семейную жизнь. Истина эта ясно сформулирована еще Аристотелемъ, который говорилъ, что тотъ, кому необходимо работать, чтобы жить, не можетъ быть гражданиномъ.

То, что происходило въ жизни государственной, повторилось и въ муниципальной. Когда государство расширилось, объединивъ въ себѣ много городовъ, но устроенныхъ также, какъ когда-то организовано было государство. Municeps — гражданинъ (x) принадлежалъ всѣмъ своимъ существомъ городу — онъ обязанъ былъ посвящать ему всѣ силы, все время и иногда значительную часть имущества.

Взамѣнъ повинностей, которыя они несли въ пользу города, граждане получали отъ его общественной власти защиту своихъ имущественныхъ и личныхъ интересовъ и гражданскихъ правъ, и затѣмъ участвовали въ городскомъ самоуправленіи, являясь членами мѣстной администраціи и получая возможность направлять въ желательную для нихъ сторону ходъ жизни общины.

Эти административныя должности, въ которыя избирались въ извѣстномъ порядкѣ граждане, также входили въ число munera, но они соединены были

(x) Членъ общины, отъ словъ munus (повинность) и capio (брать), т.е. человѣкъ, связанный повинностями. А сама община называлась municipium, въ смыслѣ цѣлаго, власти, кот. могла требовать исполненія повинностей. Munus (повинность) спеціально означаетъ обязательную, принудительн. службу въ противоп. donus . . (Добров. Зарец.)

съ властью и почетомъ, почему и назывались honores (почести, высокія должности). Итакъ города въ древнемъ мірѣ поддерживали свое существованіе коллективнымъ сотрудничествомъ всѣхъ гражданъ и удовлетворяли сами всѣмъ потребностямъ своей внутреней жизни.

Такова была исходная форма соціально-политическаго общежитія въ римскомъ мірѣ. Она же осталась простѣйшею единицею римскаго государства, когда Римъ объединилъ Италію. Первоначально, завоевывая другіе города, Римляне присоединяли ихъ гражданъ (послѣ замиренія) къ своей гражданской общинѣ, ихъ боговъ включали въ свою государственную религію (это было религіозное и политическое инкорпорированіе завоеванныхъ). Но потомъ съ расширеніемъ завоеваній такой образъ дѣйствія признанъ былъ неудобнымъ и опаснымъ: равноправность съ Римомъ завоеванныхъ латинскихъ городовъ тормозила развитіе римской власти. Поэтому былъ выработанъ новый способъ.-

Римляне не давали подчиненному городу правъ гражданства и политическихъ правъ въ Римѣ, а заключали съ ними союзныя отношенія, запрещая заключеніе союзовъ между отдѣльными завоеванными италійскими городами и этимъ подымая надъ себя.- Что же касается до внутренней жизни покоренныхъ, и теперь союзныхъ, городовъ, то въ нее римская центральная власть не вмѣшивалась, предоставляя ихъ жителямъ устраивать свои дѣла по старымъ обычаямъ. Вслѣдствіе широкаго и систематическаго примѣненія такой политики вся покоренная Италія образовала изъ себя союзъ подчиненныхъ городовъ [illegible]

[illegible]

~~[illegible]~~ тогда верховная политическая власть конечно принадлежала городу-победителю, а подчиненные города сохранили право местнаго самоуправленія въ формахъ прежняго своего устройства. Отдельныя же личности и группы людей или жителей этихъ подчиненныхъ союзныхъ городовъ получали въ разное время права римскаго гражданства и могли принимать активное участіе въ политической жизни всего государства, если переселялись въ Римъ, могли быть членами народнаго собранія, сенаторами, консулами. Постепенно число гражданъ италійскихъ городовъ, награжденныхъ римскимъ гражданствомъ, все увеличивалось, а вскоре после союзнической войны и почти все италійскіе города сделались мало по малу равноправными съ Римомъ, свое же внутреннее самоуправленіе они также по большей части устраивали по римскому образцу.

Такого же рода городскія общины (построенныя по римскому образцу), Римская имперія, когда она восторжествовала надъ республикой, стала систематически и широко насаждать во всехъ провинціяхъ: и время императорскаго деспотизма, было временемъ широкаго расцвета местнаго самоуправленія и муниципальной свободы. Въ этомъ заключалась громадная сила новаго государства. Эта особенность римскаго административнаго строя во время имперіи и его значенія для развитія имперіи впервые была отчетливо выяснена у Цизо (х). Онъ пока-

(х) Я указывалъ въ череде историографіи ~~[illegible]~~ основную идею его маленькаго трактата о муниципальномъ строе въ римскомъ міре.

[illegible]

залъ какое громадное место занималъ муници-
пальный строй въ учрежденiяхъ древняго мiра вооб-
ще и какъ поддержкою и распространенiемъ муни-
ципальнаго самоуправленiя въ провинцiяхъ обезпе-
чивала Римская имперiя свою крепость, могущество и
силу. Тотъ же историкъ убедительно обнаружилъ,
какъ наоборотъ, вместе съ ослабленiемъ и разложе-
нiемъ муниципальной свободы, возникли политиче-
скiя неустройства и соцiальныя бедствiя, которыя
должны были привести общество и государство къ
паденiю. Та же основная мысль была принята Ф.
де Куланжемъ. Онъ сумелъ обставить ее особенно яр-
кими и сильными аргументами. Эта идея представ-
ляется у него съ особенною научною связностью и но-
визною, и теперь ее можно считать упроченною исто-
рическою истиною.

2.— Важность разсматриваемаго явленiя въ
судьбахъ Римской имперiи заставляетъ насъ остано-
виться внимательно на вопросе, какъ слагалась обществен-
ная жизнь въ самоуправляющихся городскихъ общи-
нахъ, которыя основывались и распространялись
Римскою имперiею въ провинцiяхъ. (x). Такiя то са-

(x) Описанiе римскаго муниципальнаго строя во время имперiи можно найти въ названныхъ выше книгахъ Марквардта, Куна и Ріоля (у последняго обширная библiографiя вопроса). См. также книгу Willems, Le droit public romain (6 Ed. 1888), въ которой даны многочисленныя указанiя на источники. — Специально посвящено вопросу обширное фр. изследованiе A. Houdoy, „Le droit municipal" (P., 1876); оно представляетъ изъ себя полное обозренiе исторiи городского устройства въ Риме, отъ самаго зарожденiя имп-

самоуправляющіяся городскія общины могутъ быть называемы въ періодъ имперіи общимъ именемъ муниципій (x)

Такихъ городовъ возникло очень много въ провинціяхъ; послѣ утвержденія имперіи число ихъ все увеличивалось и они положительно покрыли собою обширныя страны, занимаемыя областями Римской имперіи. Какъ же было устроено и въ чемъ выражалось ихъ самоуправленіе, каковы были его органы?

Сущность его заключалась въ томъ, что вся совокупность гражданъ такихъ муниципій имѣла возможность и право управлять коллективнымъ имуществомъ, распоряжаться городскими финансами, устраивать свою администрацію и свой судъ, безъ посредства центральной вла-

скаго муниципальнаго строя до паденія имперіи: изложеніе очень обстоятельное, всѣ источники разобраны, общіе выводы правильны. Прекрасный общій очеркъ вопроса найдете у Фюстель де Куланжа (въ 1мъ томѣ разсмотрѣно развитіе муниципальнаго самоуправленія во времена имперіи во 2мъ паденіе) Я строго изложеніе, главнымъ образомъ руководствуясь Фюстель де Куланжемъ.

(x) Колоніи съ нѣкоторыми только оттѣнками различія. Намъ нѣтъ надобности въ общемъ очеркѣ останавливаться на анализѣ различныхъ типовъ такихъ городовъ. Укажу лишь въ виду примѣровъ нѣкоторыя разновидности. Колоніями назывались города, основывающіеся въ провинціяхъ при помощи вывода римскихъ гражданъ изъ Италіи. Города, возникавшіе помимо дедукціи римскихъ гражданъ, изъ [illegible]тныхъ провинціальныхъ обывателей, не пользовавшихся [illegible] политическими правами (jus suffragii, jus hono[illegible] [illegible] могутъ быть названы муниципіями въ тѣсномъ смыслѣ.

сти, черезъ выборныхъ своихъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ на особыхъ городскихъ народныхъ (земскихъ) собраніяхъ. Такимъ образомъ формы свободной жизни, широкой автономіи сохранялись въ городахъ Италіи и провинцій гораздо дольше, чѣмъ въ самомъ Римѣ. Когда тамъ во время имперіи умерла всякая политическая жизнь, въ обширныхъ провинціальныхъ странахъ кипѣла самостоятельная работа въ чисто-республиканскихъ формахъ въ сферѣ организаціи мѣстныхъ дѣлъ, несмотря на верховную власть императора. Эти-то, эти городскія общины, колоніи и муниципіи, и представляли какъ сейчасъ увидимъ главные проводники романизаціи европейскаго Запада, населеннаго кельтическими и иными народностями

Права ихъ были различны, хотя всѣ пользовались во внутреннихъ дѣлахъ земскимъ самоуправленіемъ. Наиболѣе привилегированныя пользовались самымъ выгоднымъ италійскимъ правомъ (jus Italicum), другія нѣсколько болѣе ограниченнымъ, латинскимъ (jus Latinum). Эти города основывались вновь на Западѣ. Рядомъ съ ними должны быть названы союзныя общины (civitates foederatae). Такъ назывались города, уже найденные Римлянами при завоеваніи и оставленные на правахъ союзниковъ. Къ нимъ принадлежали многіе города на востокѣ и на западѣ, напр. Массилія. Кромѣ того нѣкоторое время въ видѣ особенно привилегированнаго исключенія сохранялись неприкосновенными и свободными (civitates sine foedere liberae et immunes) греческіе города, ранѣе существовавшіе и удерживающіе свое прежнее не-римское устройство. Съ теченіемъ времени они всѣ постепенно приближались къ типу муниципій, т.е. самоуправляющихся земскихъ округовъ.

О существованіи подобнаго рода муниципальныхъ общинъ съ значительнымъ мѣстнымъ и земскимъ автономіею и о ихъ внутреннемъ устройствѣ мы знаемъ изъ историческихъ и законодательныхъ текстовъ, (преимущественно изъ Дигестъ), но для перваго періода имперіи преимущественно изъ надписей эпиграфическихъ памятниковъ, касающихся муниципальнаго строя, находимыхъ во всѣхъ странахъ, принадлежавшихъ Риму положительно безчисленное множество. Они очень разнообразны. Въ ихъ числѣ мы находимъ декреты городскихъ народныхъ собраній, сенатовъ и отдѣльныхъ магистратовъ, эпитафіи выдающихся городскихъ дѣятелей съ указаніемъ ихъ служебной карьеры, надписи, начертанныя въ воспоминаніе выдающихся событій, наконецъ цѣлые муниципальные уставы или законы о самоуправленіи, начертанные на бронзовыхъ доскахъ (х)

(х) Эти послѣднія особенно много даютъ. По нимъ мы прямо изучаемъ, по подлиннымъ документамъ, настоящую муниципальную организацію. Ихъ найдено нѣсколько; особ. главные: 1) Lex Rubria de civitate Galliae Cisalpinae, данный Ю. Цезаремъ въ 49 г. и регулирующій юрисдикцію муниципальныхъ магистратовъ Цизальпійской Галліи. 2) Lex Julia Municipalis, данный имъ же въ 45 г. и устанавливающій общій типъ муниципальнаго самоуправленія. 3) Lex coloniae Juliae Genetivae Urbanorum, отрывки закона, даннаго испанскому городу Урсо тоже Цезаремъ въ 44 г. 4) Lex Malacitana et Salpensana (др. замѣчательные важные отрывки муниципальныхъ законовъ, данныхъ импер. Домиціаномъ въ 82-84 г. по Р.Х. испанскимъ муниципіямъ Salpensa и Malaca. См. о нихъ Willems. Droit public romain p. 499.

[illegible]

Главными органами муниципальнаго самоуправленія являлись такія же учрежденія и лица, какія въ Римѣ во время республики были носителями верховной власти. Это были — сенатъ, магистраты и народныя собранія. Скажемъ о каждомъ по нѣскольку словъ (*)

Надписи свидѣтельствуютъ, что во главѣ разсматриваемыхъ нами теперь городскихъ автономныхъ общинъ (civitates, respublicae), которыя существовали на всемъ пространствѣ имперіи, представлявшихъ не только территоріальное дѣленіе, но дѣйствительныя самостоятельныя земскія единицы, обладавшія собственною конституціею. Во главѣ каждой стояли муниципальные сенаты или куріи (senatus, curia, ordo decurionum). Члены ихъ, которыхъ обыкновенно было 100, и должность которыхъ была пожизненна, именовались куріалами, декуріонами (curiales, decuriones). Эти сенаты или куріи завѣдывали общимъ ходомъ всѣхъ главныхъ городскихъ общественныхъ дѣлъ. Они собирались для обсужденія вопросовъ, касавшихся всѣхъ мѣстныхъ интересовъ маленькаго государства; они разсматривали счеты, бюджеты и финансовые отчеты, наблюдали за городскими доходами, сборами и расходами, вообще завѣдывали городской казной. Сенатъ представлялъ собою и судебную инстанцію, — онъ разбиралъ апелляціи на приговоры муниципальныхъ судей. Онъ обладалъ и извѣс—

*) См. Fustel de Coulanges. Inst. t. I, livre II, chap 5.

ной степени и законодательными функціями, имѣлъ право издавать и обнародывать декреты, которые имѣли силу закона для всѣхъ гражданъ общины. Какъ видно компетенція куріи - отчасти законодательная, но главнымъ образомъ руководящая административная и контролирующая касалась широкаго круга всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ муниципальной жизни.

Власть исполнительная въ тѣсномъ смыслѣ съ судебною принадлежала <u>магистратамъ</u>. Должности ихъ были почетныя (<u>honores</u>); ихъ было нѣсколько и изъ нихъ уже начинала образовываться нѣкоторая іерархія. Во главѣ общины стояли два высшихъ сановника, соотвѣтствующія до извѣстной степени римскимъ консуламъ, но называвшіеся обыкновенно <u>дуумвирами</u>, съ прибавленіемъ словъ „для истолкованія права" (<u>Duoviri jure dicundo</u>). Они получали власть на одинъ годъ, имѣли высшую исполнительную власть, были какъ бы „президентами республики". Они созывали сенатъ, предсѣдательствовали на его засѣданіяхъ, предлагали на разсмотрѣніе проэкты декретовъ, подвергали ихъ голосованію и потомъ приводили въ исполненіе. Они же имѣли и судебную власть, разсматривали гражданскіе процессы, не превышавшіе извѣстной суммы (x). Суду дуумвировъ подлежали также нѣкоторыя уголовныя преступленія. Они завѣдывали также нѣкоторыми <u>финансовыми дѣлами</u>: отдавали въ арен-

(x) Разбирательство же тяжбъ высшей стоимости уже шло на судъ проконсула или вообще представителя центральной власти въ области.

ду общественныя земли, рѣшали вопросы о подрядахъ на постройку общественныхъ зданій. Контракты и дарственныя записи, установленіе и освобожденіе совершались при нихъ, они санкціонировали всѣ эти дѣйствія, придавали имъ характеръ законности. Тѣми же самыми обычными дуумвирами надлежащаго года, разъ въ пять лѣтъ, исправляема была важная обязанность римскихъ цензоровъ: они производили общую оцѣнку имуществъ и состояній отдѣльныхъ лицъ, провѣряли списки доходовъ, распредѣляли налоги, назначали мѣсто каждому гражданину въ томъ или другомъ классѣ и составляли списки городскихъ сенаторовъ-декуріоновъ (Album curiae) (1)

Ниже дуовировъ стояли эдилы, ихъ тоже было двое и они составляли коллегію низшихъ дуумвировъ (duoviri aediles). Это были полицейскіе чиновники, они смотрѣли за рынками, улицами и дорогами, наблюдали за спокойствіемъ и порядкомъ въ городѣ и т. д.

Еще ниже находились два квестора - казначеи, завѣдывавшіе общественною казною, и еще нѣкоторые другіе, второстепенныя должностныя лица, которыя заботились о продовольствіи, о содержаніи общественныхъ зданій, распоряжались церемоніями во время празднествъ. Я уже указывалъ, что между городскими магистратами установилось почти, въ ро-

(1) Во время исполненія этихъ почетныхъ обязанностей duoviri jure dicundo именовались квинквенналами (quinquennales)

ле іерархіи: надо было начинать карьеру снизу — быть квесторомъ, потомъ эдиломъ, наконецъ дуумвиромъ и еще выше муниципальнымъ фламиномъ (жрецомъ), послѣ этого гражданинъ могъ сказать, что „онъ прошелъ всѣ почетныя должности въ своемъ отечествѣ" (Omnibus honoribus in patria sua functus) и титулъ этотъ обозначалъ весьма почтеннаго человѣка въ городѣ, одного изъ самыхъ видныхъ представителей общины.

Всѣ, только что названные высшіе и низшіе муниципальные магистраты не были назначаемы императоромъ, или провинціальными намѣстниками. Ихъ выбирали ежегодно сами граждане [illegible], совершенно независимо отъ центральной власти.

Въ самомъ Римѣ выборное начало исчезло скоро послѣ утвержденія имперіи и гораздо раньше, чѣмъ въ провинціяхъ. На основаніи эпиграфическихъ памятниковъ можно утверждать съ достовѣрностью фактъ существованія въ городахъ Италіи и провинцій народныхъ сходовъ составлявшихся изъ всѣхъ гражданъ общины; а также и обывателей (incolae) имѣвшихъ значеніе выборныхъ и законодательныхъ собраній. Во время Домиціана (т.е. въ самомъ концѣ I-го в. по Р.Х. они собираются напр. въ Испанскихъ городахъ: Молака и Сальпенса и проходятъ во всей важной торжественности обстановки, подобающей такому серьезному акту народной жизни мѣстности. Предсѣдательствуетъ одинъ изъ бывшихъ дуумвировъ, старшій по лѣтамъ; собраніе раздѣляется на

...ріи, какъ въ римскихъ патриціанскихъ комиціяхъ; стояли избирательныя урны; бывшіе дуовиры следили за правильностью подачи и счетомъ голосовъ и т. д. Новые магистраты избирались на этихъ собраніяхъ, старые давали на нихъ же избирателямъ отчетъ въ своихъ действіяхъ. Собравшаяся община контролировала туръ, какъ ея уполномоченные управляли ея делами, распоряжались ея имуществомъ. Изъ устава города Малаки можно ясно видеть, что выборъ городскихъ магистратовъ принадлежалъ во всякомъ случае народному сходу, а не сенату въ конце I-го столетія по Р. Х. На это мы имеемъ множество указаній и въ различныхъ другихъ надписяхъ. Найдены даже таблички съ начертанными на нихъ именами кандидатовъ. Помпеянскія стенныя надписи (конца I-го века) вводятъ насъ прямо въ самый центръ избирательной агитаціи, происходившей передъ народнымъ собраніемъ: какой-нибудь кандидатъ самъ выхваляетъ себя передъ избирателями, обещая, если его выберутъ, устроить роскошное празднество или воздвигнуть для городского общества бани на свой счетъ. Знатная, почитаемая въ городе фамилія объявляетъ, что будетъ поддерживать на выборахъ такого-то. Даже женщины со страстью пропагандируютъ имена своихъ любимцевъ. Такъ и чувствуется въ этихъ строкахъ, нацарапанныхъ или намазанныхъ подъ диктовку общественнаго возбужденія, какъ живо и деятельно развивался тогда муниципальный строй (1)

(1) См. о Помпеянскихъ муниципальныхъ надписяхъ интерес-

ную

Извѣстія о существованіи муниципальныхъ собраній въ городахъ имѣются и отъ II-го вѣка. Только именно съ конца II-го вѣка „демократическое" учрежденіе въ муниципальномъ самоуправленіи — народное вѣче. Стало подавляться „аристократическою" куріею.

Таково въ общихъ чертахъ муниципальное самоуправленіе, которое императоры систематически насаждали и энергично поддерживали въ провинціяхъ въ первые вѣка имперіи. Несомнѣнно, что въ первый періодъ существованія подобныхъ городскихъ автономныхъ общинъ въ провинціяхъ, должность городскихъ магистратовъ составляла приманку для туземныхъ жителей. И это очень понятно: житель новой провинціальной общины по римскому образцу, напр. Ліона, галлъ по происхожденію, очевидно, считалъ большой честью добиться званія дуовира, — должности, хотя и безденежной, но почетной и сопряженной со вступленіемъ въ ряды городской аристократіи. Онъ съ жаромъ стремился къ этому. Что высшія городскія должности (honores) очень цѣнились, видно изъ надгробныхъ надписей, на которыхъ всегда и непремѣнно обозначалось, былъ ли умершій декуріономъ или дуовиромъ или даже прошедшимъ всѣ должности (*omnibus honoribus functus*). Такой человѣкъ считался виднымъ гражданиномъ муниципія.

про [illegible] P. *Willems*. *Les élections municipales à Pompéi* (Bruxelles, 1886) и прекрасный очеркъ *G. Boissier* въ его кн. *Promenades archéologiques* (3. éd. 1887).

Мы знаемъ, что городской сенатъ составлялся изъ бывшихъ дуовировъ и эдиловъ. Во время должностнаго года дуовиры предсѣдательствовали въ сенатѣ, послѣ истеченія срока службы они всетаки оставались въ сенатѣ, сначала безъ права голоса, а потомъ, т.е. какъ скоро были внесены въ списки при цензурѣ квинквенналовъ и затѣмъ утверждены, вѣроятно, народомъ, уже получали право голоса и вступали въ ordo decurionum. Если бывшихъ дуовировъ было слишкомъ мало (не хватало до 100), то недостающіе набирались изъ числа состоятельныхъ землевладѣльцевъ территоріи города, и такіе люди, пожизненные сенаторы, мало-по-малу образовались въ настоящую муниципальную знать.

Какъ видите, права городамъ были даны весьма значительныя. Каждый городъ, получившій муниципальное самоуправленіе, былъ „самостоятельнымъ общественнымъ организмомъ“. Черезъ сенатъ и магистратовъ городъ самостоятельно устраивалъ свои дѣла. У него былъ общественный фондъ, заключавшійся въ земляхъ и движимостяхъ. У него были доходы въ видѣ налоговъ, характеръ и величину которыхъ онъ самъ опредѣлялъ. Онъ содержалъ свои укрѣпленія, форумъ, храмы, школы, театры, термы, дороги и мосты. Онъ завѣдывалъ и народнымъ хозяйствомъ и полиціею и судами. Въ его рукахъ была въ нѣкоторомъ родѣ и законодательная власть, выражавшаяся въ самостоятельныхъ декретахъ, имѣвшихъ силу закона для всѣхъ обитателей территоріи. Это было почти самостоятельное государство только безъ права вести

Lob.

войну, какъ бы маленькая республика, подчиненная импер. монархiи. Она даже мало чувствуетъ давленiе императорской власти, такъ какъ за уплатой назначенныхъ общегосударственныхъ сборовъ и при подчиненiи общему контролю военному и судебному императорскаго центральнаго наместника, и подч. общимъ обще-императорскимъ законодательству, она не соприкасается съ центральной властью, и въ стенахъ ея нѣтъ ея представителя. Это не свободное государство, говоритъ Ф. де Куланжъ[3], но все же государство.

3.– Описанная система организацiи провинцiальныхъ общинъ представляла мудрый прiемъ политики императоровъ: Галлы и другiе полуварварскiе въ началѣ народы, находясь въ постоянномъ общенiи съ Римлянами въ муниципiяхъ, пользуясь рядомъ съ ними, какъ скоро они научались латинскому языку и усваивали хотя отчасти римскiе обычаи, такими широкими привилегiями, дававшими имъ возможность сравняться въ правахъ съ римскими поселенцами, действительно превращались мало по малу въ Римлянъ, подчиняясь римской цивилизацiи въ формахъ муниципальнаго быта. Такимъ романизовавшимся туземцамъ, прошедшимъ всѣ ступени муниципальной iерархiи, императоры очень охотно давали въ концѣ кон-

---

[3] Instit. I, 246.

Литогр. Руднева Нов. пер. 2, 16.

цевъ права римскаго гражданства. Цивилизовавшиеся провинциалы съ восторгомъ принимали такой почетъ, казавшийся имъ лучшимъ завершениемъ всякой жизненной карьеры, и надежда на такое увенчание жизни будила въ наиболее способныхъ, обезпеченныхъ и сильныхъ небывалую энергию и въ усвоении римскаго языка и культуры въ отправленияхъ муниципальной службы. Императоры очень последовательно провели эту систему распространения правъ римскаго гражданства между провинциалами, содействуя такимъ образомъ постепенному национальному и политическому объединению отдельныхъ элементовъ населения империи.

Цезарь первый щедро раздавалъ провинциаламъ звание римскихъ гражданъ. Августъ былъ сравнительно сдержаннее и довольно туго наделялъ правами чужеземцевъ. При Тиберии (который, несмотря на свою жестокость съ римской аристократией, прекрасно управлялъ провинциями) число гражданъ изъ провинциаловъ опять стало быстро увеличиваться. Клавдий даровалъ даже всемъ жителямъ такъ называемой „Косматой Галлии“ не только римское гражданство, но и высшее политическое право избираться въ высшия должности (jus honorum). Провинции называли этого императора, которого мы привыкли представлять себе слабоумнымъ игрушкою женщинъ и вольноотпущенниковъ, своимъ „отцомъ“. Произведенный имъ цензъ показалъ число гражданъ, гораздо большее, чемъ прео-

Литогр. Рудневой Моск. пер. д. 5 кв. 6.

Ист. Средн. вѣк. Голуб. II. вып. 2

Голуб.

ществующій. — Тацитъ приводитъ знаменитую рѣчь, произнесенную Клавдіемъ въ сенатѣ въ защиту интересовъ и правъ провинцій. Рѣчь Клавдія представляетъ апологію того демократическаго движенія, которое проводила имперія.

Возвращаясь къ самымъ древнимъ временамъ основанія Рима, императоръ напоминаетъ какъ городъ выросталъ, занимая вокругъ себя блескъ и силу. Сколько славныхъ фамилій Римъ принялъ извнѣ: Юлій былъ родомъ изъ Альбы, Корунканій — изъ Камеріи, Порцій — изъ Тускулума. Самъ родоначальникъ Клавдіевъ былъ родомъ Сабинянинъ. Если кто найдетъ, что эти примѣры устарѣли, то можно найти и болѣе новые, взятые изъ самыхъ славныхъ временъ республики. Этрурія, Луканія, вся Италія доставляли тогда членовъ въ римскій сенатъ. Плебеи были допущены къ магистратурамъ послѣ патриціевъ, латины послѣ плебеевъ, италійцы послѣ латиновъ. Кто пожалѣетъ, что Бальбы прибыли сюда изъ Испаніи и другія славныя фамиліи — изъ Нарбонской Галліи. Ихъ потомки живутъ посреди насъ, и ихъ любовь къ отечеству не уступаетъ нашей. Послѣ этого Клавдій произнесъ будто бы слѣдующія знаменательныя слова: „Почему погибли Спарта и Аѳины, эти два города „такіе сильные, какъ не потому, что они отталкивали побѣжденныхъ какъ чужихъ, между тѣмъ „какъ нашъ основатель Ромулъ былъ настолько „мудръ, что ему удавалось обращать вечеромъ въ „гражданъ своихъ утреннихъ враговъ".

Римъ дѣйствительно сдѣлался „общимъ оте-

чествомъ" всего населенія имперіи; послѣдняя преграда между римляниномъ и варваромъ была уничтожена христіанствомъ.

Мнѣніе императора восторжествовало, несмотря на оппозицію части сенаторовъ: въ немъ были и сила и правда. Римскій консерватизмъ уступилъ[x)].

Той же политики распространенія гражданскихъ правъ на все болѣе многочисленныя группы лицъ въ провинціяхъ и на все болѣе обширныя пространства земель держались и послѣдующіе императоры, особенно Флавій (въ концѣ I-го вѣка), Антонины (во второмъ). — Романизація распространялась на подвластные народы съ одной стороны, а съ другой стороны широко развивалась реакція этихъ послѣднихъ на Римъ и Италію. Провинціаловъ можно видѣть вездѣ и на всѣхъ ступеняхъ государственной службы. Они почти то же, что

---

x) Въ Ліонѣ найденъ любопытный эпиграфическій текстъ на обломкахъ бронзовой доски, въ которомъ воспроизводится рѣчь Клавдія вмѣстѣ съ возраженіями сената. Надпись имѣетъ характеръ протокола засѣданія сената и носитъ на себѣ отпечатокъ подлинности и достовѣрности. Слова императора въ ней менѣе цѣльны и красивы, чѣмъ у Тацита; но изложеніе Тацита особенно любопытно потому, что въ немъ выражается, какъ смотрѣло на мотивы императора аристократическое общественное мнѣніе. — См. текстъ и переводъ надписи въ интересной книжкѣ C. Jullian. Gallia. (1892). стр. 171-174.

Римляне. - Этотъ грандіозный процессъ заключился формально, какъ извѣстно, знаменитымъ указомъ императора Каракаллы /въ началѣ III в./, по которому всѣ свободнорожденные жители городскихъ общинъ во всемъ римскомъ мірѣ, еще не имѣвшіе права римскаго гражданства, были имъ награждены. - Двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ Юлій Цезарь проэктировалъ правильно и послѣдовательно эмансипацію провинцій. Каракалла (или, вѣрнѣе, совѣтники этого дурнаго государя) совершилъ въ этомъ дѣлѣ лишь послѣдній шагъ. Этотъ эдиктъ не произвелъ, должно быть, очень сильнаго впечатлѣнія, такъ какъ онъ лишь констатировалъ и легализировалъ уже почти совершившійся фактъ. Но соціальныя послѣдствія его были велики. Со времени его изданія оказались уничтоженными такія политическія и гражданскія категоріи, какъ: „латинянинъ", „испаніецъ", „федератъ", „подданный" въ примѣненіи къ свободнымъ людямъ. Сохранилось только соціальное различіе между свободнымъ (ingenuus) и несвободнорожденнымъ - рабомъ (servus) или вольноотпущенникомъ (libertus). Таковы послѣ указаннаго акта главныя соціальныя категоріи людей, которыми отличаются съ этихъ поръ состояніе личностей въ римскихъ законахъ. Ingenuus всегда является въ нихъ синонимомъ Romanus. - Peregrinus (иностранецъ) обозначаетъ уже теперь раба, отпущенника или варвара. - Политическая зависимость является всегда связанною съ соціальною несвободою.

Быть ма[illegible]кихъ свободныхъ самоуправляющих-

ихъ.

ся общинъ, о которыхъ мы говорили выше, построенныхъ по римскимъ образцамъ, и которыя являлись разсадниками, подготовлявшими провинціаловъ къ усвоенію формы и римской культуры и къ полученію гражданскихъ правъ, представляетъ очень отрадное явленіе, [въ жизни имперіи] привлекательное по тому высокому напряженію соціальной энергіи, которое въ нихъ совершалось. - Въ столицѣ имперіи и отчасти въ Италіи, на глазахъ далеко не всегда замѣчательныхъ, а грубыхъ, жестокихъ, часто тупоумныхъ и развратныхъ деспотовъ происходили тяжелыя сцены узурпаціи и насилія, и старое гражданство попало въ борьбу, на которую у него не было ни силъ, чтобы восторжествовать, ни здоровыхъ идей, которыя бы оно противопоставило новому популярному и выгодному для извѣстнаго большинства общественному порядку. Эта борьба отражалась на всемъ населеніи Италіи, которое вырождалось и падало. Но зато въ провинціяхъ занималась заря новаго будущаго, зарождалась молодая и энергичная жизнь, кипѣла созидающая работа, существовало поприще для свободной дѣятельности, открывалась широкая арена, могущая удовлетворить стремленіямъ свободныхъ людей, и споспѣшествовавшія пріобщенію варварскихъ народовъ къ античной культурѣ, которую уже не въ силахъ была носить и развивать ослабѣвшая, изнемогавшая отъ деспотизма и всѣхъ порожденныхъ имъ золъ итальянская нація.

„Правда", говоритъ о провинціальномъ муни-

ципальномъ строѣ во время имперіи одинъ очень хорошій французскій изслѣдователь (Гиро), „что выше этихъ самоуправляющихся общинъ находился провинціальный намѣстникъ, и выше его надъ ними царило всесильное могущество императора. Но они мало давали себя чувствовать и если бы эта верховная власть вдругъ исчезла, эти городскія общины могли бы въ тотъ же день образовать суверенныя политическія тѣла, обладающія органами, вполнѣ развившимися и способными удовлетворять нуждамъ всѣхъ жителей."

4.

Появленіе въ провинціяхъ представительныхъ учрежденій.

Провинціальныя собранія. - Аристократическій характеръ муниципальнаго строя. - Августалы.

1. Только что описанные муниципальные организмы, какъ все, что въ тѣ времена носило жизненные и дѣятельные элементы, освящались религіею.

Города имѣли своихъ боговъ, свой мѣстный культъ. Въ каждомъ городѣ былъ храмъ или, по крайней мѣрѣ, алтарь. - Каждый городъ выбиралъ жрецовъ /. Flamines, sacerdotes pontifices/., которые стояли на самыхъ высокихъ ступеняхъ муниципальной іерархіи. Забота о мѣстномъ культѣ и о празднествахъ занимала важное

мѣсто въ городской жизни того времени. Граждане были обязаны присутствовать на играхъ, которыя составляли часть религіозныхъ празднествъ. Во время этихъ представленій магистраты занимали почетныя мѣста, декуріонамъ отдѣлены были особыя скамьи, за ними сидѣли уже всѣ граждане, различенные по состоянію, а иностранцы допускались только въ особыя, нарочно устроенныя мѣста. Всѣ должны были вести себя пристойно и съ благоговѣніемъ: отъ уваженія къ праздникамъ, къ обрядамъ культа зависѣло благополучіе города. Да это и не были только пустые обряды. Напротивъ, документы того времени не позволяютъ намъ сомнѣваться въ томъ, что вѣрованія были искренни, и что религія производила весьма сильное вліяніе на души гражданъ.

Поэтому-то мѣстный культъ и былъ элементомъ силы для развитія муниципальной свободы. Религіозная идея замѣняла въ то время несуществовавшие еще принципы національнаго и отвлеченнаго права. Городская община, сгруппированная около своего алтаря, черпала въ религіи сознаніе своего единства, своего самостоятельнаго существованія, своей независимости отъ внѣшней власти. Мѣстная религія поддерживала въ общинѣ внутреннее чувство жизненности, безъ котораго самыя прекрасныя учрежденія безполезны и немощны.

На ряду съ мѣстными религіозными учрежденіями и въ провинціяхъ, мы видѣли, существовали и развивалась тогда еще другая религіозная форма, имѣвшая чрезвычайно важное романизующее зна-

чение - это было культъ императоровъ, культъ Рима и Августа, очень популярный и широко распространенный. - Эти новыя божества вошли въ ряды муниципальныхъ боговъ, подавили своею популярностью и силою всѣхъ остальныхъ прежнихъ боговъ, потомъ вышли изъ предѣловъ отдѣльныхъ муниципальныхъ общинъ, стали предметомъ поклоненія цѣлыхъ провинцій и объединили эти провинціи оригинальною новою связью.

Около возникнувшаго такимъ образомъ провинціальнаго культа Рима и Августа должно было образоваться новое жречество, которое по своему значенію должно было соотвѣтствовать тому уваженію, которое возбуждала новая религія. Нужно было приносить торжественныя жертвоприношенія, руководить праздничными торжественными церемоніями, играми и зрѣлищами; на все это требовались люди и средства. Въ служители культа Рима и Августа должны были, естественно, попадать люди выдающіеся въ провинціяхъ. Дѣйствительно должности жрецовъ при провинціальныхъ храмахъ Рима и Августа предоставлялись наиболѣе виднымъ гражданамъ, наиболѣе крупныхъ городскихъ общинъ провинціи, которые съ отличіемъ прошли всѣ муниципальныя магистратуры (omnibus honoribus functi), которые не только могли понимать требованія религіи, но и знали политическія дѣла общины, но и интересы и нужды провинцій. Такіе жрецы Рима и Августа должны были являться настоящими представителями страны.

Для устройства всѣхъ дѣлъ, возникавшихъ вслѣ-

Въ ким

тъ съ новымъ культомъ, необходимо было собирать ежегодныя народныя собранія. Такія провинціальныя собранія (concilia provinciae) въ греческихъ провинціяхъ – Κοινά) дѣйствительно существовали[1], представляя собою одно изъ любопытнѣйшихъ историческихъ явленій изучаемого періода[2]. На ихъ обязанности лежало прежде всего опредѣленіе бюджета на содержаніе общепровинціальнаго храма Рима и Августа[3] и на отправленіе культа и избраніе жрецовъ на слѣдующій годъ. Это новое учрежденіе организовалось на началахъ избирательныхъ, кот. уже вырабатывались въ муницип. устройствѣ и теперь выступаютъ за предѣлы отдѣльныхъ муниципій. Собранія составлялись изъ выбранныхъ специально для этого отдѣльными общинами провинціальныхъ депутатовъ.[4]

[1] О нихъ говорятъ авторы, надписи и законодательные тексты.

[2] Исторія провинціальныхъ собраній изслѣдована и воспроизведена (отъ самаго ихъ возникновенія до конца имперіи) франц. ученымъ Гиро (Paul Guiraud) въ прекрасной работѣ: Les assemblées provinciales de l'empire Romaine (1.1887).

[3] Мы видѣли, что такіе общепровинціальные храмы Рима и Августа, воздвигавшіеся и содержавшіеся на счетъ взносовъ провинціальныхъ общинъ, появились во всѣхъ провинціяхъ востока и запада.

[4] Особенно интересенъ для насъ Ліонскій храмъ Рима и Августа и возникшее около него собраніе трехъ галльскихъ провинцій (concilium trium Galliarum). т.е. Лугдунской, Аквитанской и Бельгики. – Это особенно крупное учрежденіе такого рода и о немъ осталось особенно много памятниковъ. –

Уже по одной этой причинѣ провинціальныя собранія представляли чрезвычайно замѣчательное явленіе. Вокругъ храма Рима и Августа, подъ покровомъ охраненія культа и почитанія идеи Римск. власти зародилось въ провинціяхъ новое начало представительства.

Классическій міръ не доросъ до пониманія системы представительнаго правленія въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно составляетъ основу современнаго государственнаго устройства западно-европейскихъ странъ. Идея народнаго самодержавія была знакома ему; но онъ не додумался до идеи делегаціи этого самодержавія собранію равноправныхъ уполномоченныхъ, совокупность которыхъ являлась бы по народному порученію носителемъ законодательной власти. Въ древнемъ мірѣ (при демократическомъ строѣ) каждый гражданинъ имѣлъ право только прямаго участія въ народномъ собраніи; личнымъ присутствіемъ онъ могъ только осуществлять свою долю самодержавія. Понятно, что такой способъ участія въ правительственной дѣятельности могъ быть удобенъ для всѣхъ только въ малыхъ государствахъ, а въ Римѣ только для тѣхъ граждан, которые утвердили свою осѣдлость вблизи отъ центра. Управленіе такимъ образомъ сосредоточивалось въ рукахъ Римлянъ въ полномъ смыслѣ, т.е. жителей города и окрестностей, а граждане отдаленныхъ мѣстъ были матеріально лишены возможности подавать свой голосъ при постановленіяхъ на собраніяхъ общихъ рѣшеній, которыя часто

близко касались их кровных интересов.

Странно, что представительная система правления не выросла в древнем мире и особенно в римском государстве. Особенно удивительно, что этот недостаток не был понят и устранен даже в тех федерациях, которые появились, например, в греческом мире перед его падением (Ахейский союз), тем более, что зародыши ея существовали у них очень давно в области религиозной и осуществлялись, напр., в Амфиктиониях древней Греции и в древне-италийских Feriae Latinae. - Но как бы то ни было древне-классическое государство не додумалось до идеи организации верховной власти в виде собрания представителей избранных гражданами отдельных местностей.

Тем более любопытно, что во время империи в провинциях представительная форма снова зарождалась также на почве религиозной, но не заглохла в ея рамках, а начала расти и развиваться, распространяться и на другия стороны жизни и в них выработалось представительство, если все таки не как принцип государственнаго устройства, то как форма земскаго самоуправления целых провинций.

Провинциальные сеймы не остановились на одних религиозных атрибутах. Они, как можно судить по имеющимся данным, ведали некоторыя финансовыя дела провинции с некоторыми правами юрисдикции (упоминается judex arcae Galliarum). - Депутаты собирались в центре провинции каждый год. Собрания производили на граж-

Ег. Сод.

цанъ муниципiй сильное впечатлънiе, возбуждали честолюбiе - каждый хотълъ быть избранъ въ депутаты, а мъсто Верховнаго жреца храма Рима и Августа представляло желанное увънчанiе самыхъ блестящихъ карьеръ.

Что важнъе всего - сеймы скоро сдълались въ извъстной степени органами нъкоторой гарантiи населенiя провинцiй противъ злоупотребленiй императорскихъ намъстниковъ. Они прiобръли себъ, по видимому, незначительное, но на дълъ важное право выбирать изъ своей среды и посылать въ Римъ депутацiи къ императору не только для принесенiя върноподданническихъ чувствъ, благодарности за милость или петицiи о государъ, но также для выраженiя одобренiя или порицанiя передъ императоромъ образа дъйствiя провинцiальнаго намъстника. Это было нъчто болъе широкое, чъмъ право апелляцiи къ императору на провинцiальные органы центральной власти. И это право не осталось пустыми словами, а практиковалось на дълъ во всъ въка имперiи[*])

Такимъ образомъ вокругъ храма Рима и Августа формировалось новое политическое учрежденiе. На сеймахъ представителями странъ обсуждался образъ дъйствiй проконсула, опредълялось, достоинъ ли онъ похвалы или порицанiя, выбирались депутацiи къ императору и все это дълалось безъ всякаго участiя центральной власти. Право похвала и порицанiя намъстника было утверждено за провинцiальными

---

*) Много фактовъ см. у Fustel de Coulanges I. 211.

Власов.

Тиберiемъ, и центральное правительство дѣйствительно обращало вниманiе на жалобы депутатовъ, наказывало своихъ намѣстниковъ за незаконный образъ дѣйствiй въ провинцiяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ много фактовъ, объ этомъ говорятъ разнообразные и разновременные источники. Приведу два изъ такихъ текстовъ. Одинъ возьму изъ Тацита, другой изъ надписей.

Дарованное провинцiаламъ право возбудило сильное негодованiе въ римскомъ сенатѣ, въ представителяхъ римской родовой аристократiи, даже въ такихъ высокихъ, доблестныхъ и безкорыстно-честныхъ личностяхъ, какъ извѣстный Thrasea Paetus, современникъ Нерона, который открыто возставалъ противъ подобныхъ поддерживаемыхъ императоромъ притязанiй провинцiй. Тацитъ приводитъ*) произнесенную имъ по этому поводу рѣчь въ сенатѣ.

„Возьмемъ же противъ новой заносчивости провинцiй, восклицаетъ онъ, оскорбленный тѣмъ, что его старо-римская гордость называла „узурпацiею провинцiаловъ", - средства, достойныя твердости и великодушiя Римлянъ, которыя не уменьшили бы покровительства союзникамъ, но избавили бы рѣчахъ намъ самимъ, кто чего достоинъ, основываясь только на общественномъ мнѣнiи Римлянъ" - „Прежде, бывало, продолжаетъ Тразея, посылаемы были ревизовать провинцiю и давать знать, кто преданъ намъ и насколько, не только преторы и консулы, но даже частные люди, и народы трепетали предъ

*) См. Анналы XV, 20.

мнѣніемъ одного человѣка. А теперь мы боимся иноземцевъ и поклоняемся имъ. Одному изъ нихъ стоитъ кивнуть и мы сейчасъ готовы „награждать, а еще чаще наказывать". Онъ готовъ даже уступить имъ право жаловаться на притѣсненія намѣстниковъ, но безусловно возмущается противъ предоставленія имъ права хвалить ихъ. „Пусть такъ: оставимъ провинціямъ право доказывать этимъ путемъ свою силу, но изгонимъ навсегда эти ложныя похвалы - слѣдствіе униженныхъ просьбъ; станемъ наказывать за нихъ, какъ за несправедливость, какъ за жестокость". „Исправьте злоупотребленія чиновниковъ, заканчиваетъ онъ, и управленіе провинціями станетъ справедливѣе и тверже; законъ, повелѣвающій возвращать нажитое неправдою, сдержитъ корыстолюбіе; уничтоженіе публичной благодарности, сдержитъ интриги честолюбцевъ".

Сенатъ былъ приведенъ въ волненіе этою сильною рѣчью лучшаго своего представителя. Онъ хотѣлъ снова возвысить свою власть, но не рѣшился отнять у провинцій право обвинять правителей и постановилъ только, - что чрезвычайно характерно, лишить ихъ, какъ совѣтовалъ Тразея, противоположнаго права, права опредѣлять имъ и общественныя почести и благодарность: было опредѣлено, что провинціальные сеймы впредь могутъ посылать въ Римъ депутатовъ только съ обвиненіями и порицаніями, но не съ похвалою. Впрочемъ запрещеніе это просуществовало недолго и право похвалы было имъ возвращено. О томъ, что это право сохра

Кам.

нялось еще въ IV в. свидѣтельствуетъ Аммiанъ Марцеллинъ; надписи также подтверждаютъ существованiе такого легальнаго обычая въ различные вѣка имперiи, еще гораздо большимъ количествомъ данныхъ: - Неудивительно, что на почвѣ культа Рима и Августа, которой былъ религiею государственною, возникло политическое учрежденiе; но особенно важно, что религiя, которая на первый взглядъ можетъ показаться рабскою современному человѣку, сдѣлалась средствомъ огражденiя провинцiальной свободы.

Есть одна особенно любопытная надпись, найденная въ Нормандiи, на прежней территорiи Видукассовъ (теперь эта мѣстность называется Viena, близъ города Caen). Она относится къ 238 г. по Р.Х. и заключаетъ въ себѣ письмо одного изъ правителей Лiонской Галлiи своему преемнику. Эту надпись стоитъ привести цѣликомъ.*)

„Когда я былъ императорскимъ легатомъ въ Лiонской провинцiи, пишетъ онъ, я зналъ многихъ видныхъ людей, къ числу которыхъ принадлежалъ Сенний Соллемний изъ области Видукассовъ. Онъ былъ депутатомъ, въ качествѣ жреца, въ храмѣ Рима и Августа: я уже раньше любилъ этого человѣка за его религioз-

*) Надпись эта начертана на одной изъ сторонъ мраморнаго пьедестала извѣстнаго подъ названiемъ Monument Torigny. Она помѣщена въ „Inscriptions antiques de Lyon". Boissieu, а также у L. Rénier „Mélanges d'épigraphie" и у Момсена въ „Epigraphische Analecten". Она переведена у Ф. де Куланжа (Inst I).

ной характеръ, за его твердость и честность нрава. Но еще и другое побужденіе вызвало мою вражду къ нему. Еще въ то время, какъ управлялъ провинціею Клавдій Паулинъ, мой предшественникъ, случилось такъ, что нѣсколько членовъ галльскаго сейма, ~~которые~~ считали нужнымъ жаловаться на него отъ имени провинцій. Но Солемскій сталъ оспаривать предложеніе и объявилъ, что его сограждане, выбравъ его депутатомъ, были далеки отъ того, чтобы уполномочивать его обвинить правителя, а напротивъ предписали ему воздать ему хвалу. Поэтому сеймъ, обсудивъ вопросъ, пришелъ къ единогласному рѣшенію, что Клавдій Паулинъ не будетъ обвиненъ.[1] Что же мы видимъ изъ этой надписи? - Кромѣ общаго подтвержденія существованія въ провинціяхъ въ IV в. сеймовъ, депутатовъ и правъ похвалы и порицанія намѣстника, мы выводимъ изъ нея ту важную подробность, что депутатъ, отправлявшійся по выборамъ общины на сеймъ получалъ наказъ, полномочіе дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи (нѣчто въ родѣ mandat impératif - нынѣшнихъ конституціонныхъ государствъ). Но съ другой стороны мы изъ нея же убѣждаемся, что на сеймахъ господствовало опасное настроеніе, если veto одного депутата могло остановить и измѣнить намѣреніе собранія.

---

2. Вкратцѣ описанное нами учрежденіе, конечно, не можетъ быть сравниваемо ни съ современнымъ парламентомъ, ни съ средневѣковыми государственными чинами: власти законодательной

и права вотировать налоги у провинціальныхъ собраній временъ Римской имперіи не было.- Но все же эти сеймы представляли изъ себя зародыши федерированныхъ общинъ провинцій въ дѣлахъ мѣстнаго провинціальнаго интереса на началахъ представительства*). Если бы изъ такого плодотворнаго зародыша имперія съумѣла выработать общегосударственное представительство и дала бы ему участіе въ законодательной дѣятельности, она бы разрѣшила соціальную задачу великой важности и такое рѣшеніе дало бы ей очень большую и долговѣчную прочность.- Но она не могла ни съумѣть, ни захотѣть этого.- Политической свободы и суверенитета народамъ она не дала. Сторонники ея любятъ при этомъ говорить, что въ свободѣ не нуждалось населеніе, что оно хотѣло лишь обезпеченія условій, необходимыхъ для развитія матеріальнаго благосостоянія, а затѣмъ соціальныхъ реформъ въ видѣ установленія гражданскаго равенства, и что имперія дала и то, и другое.

Но отмѣчая эти факты и выставляя ихъ, какъ прогрессивное расширеніе принциповъ соціальной политики сравнительно съ временами республики не слѣдуетъ преувеличивать ихъ значенія и рисовать себѣ имперію глубоко и широко проведенною демократіей.- Римское государство и общество искони было проникнуто строгимъ и стойкимъ аристократизмомъ. Имперія не съумѣла вполнѣ

*) Фюстель де Куланжъ говоритъ (I, 214): „Провинція была федераціею одновременно религіозною и политическою."...

смѣло и до конца отрѣшиться отъ него и тѣмъ оставила открытымъ соціальный вопросъ. - Она обращалась и въ провинціяхъ къ высшимъ классамъ общества, т.е. наиболѣе богатымъ, т.к. о политической знатности не могло быть еще рѣчи въ странахъ только что пере ; и въ центрѣ она не уничтожала старой аристократіи и насаждала новую.

Многіе ученые уже отмѣчали эту особенность римскаго національнаго духа - <u>аристократизмъ</u> религіи, нравовъ, учрежденій, соціальнаго строя; но только не дѣлали изъ этого соотвѣтствующихъ выводовъ. - Относительно времени имперіи эту же истину очень ярко и остроумно доказываетъ <u>Фюстель де Куланжъ</u> ... Признавая и даже преувеличивая ширину проведенія имперіею принципа мѣстнаго самоуправленія, онъ постоянно оговаривается, что демократическаго равенства имперія въ провинціяхъ не установила, что она создала и возвысила <u>муниципальную аристократію</u>.

Отсылаю къ Фюстель де Куланжу (томъ 1-й) для подробностей и ограничусь лишь немногимъ, что необходимо для пониманія предѣловъ прогрессивнаго значенія соціальныхъ реформъ имперіи, которыя, конечно, были демократичны въ сравненіи съ узко-олигархической политикою республики, потому что она призвала къ жизни многочисленныя категоріи общества, раньше безправныя и угнетенныя, но не уничтожила источника развитія знати. Напротивъ того, чѣмъ дальше, тѣмъ больше имперія опиралась на знать и, чѣмъ даль-

ше, тѣмъ больше подрывало начатое плодотворное дѣло и свои собственныя силы.

Въ муниципальные магистраты и декуріоны могли попасть въ провинціальныхъ городахъ лишь богатые граждане. Это были должности безплатныя и даже сопряженныя съ большими расходами (на игры, раздачи, постройки, благотворительность), не говоря уже о томъ, что онѣ брали почти все время. - Городская Курія была, такимъ образомъ собраніемъ наиболѣе богатыхъ граждан муниципій, преимущественно болѣе или менѣе крупныхъ помѣщиковъ ея территоріи. Установленъ былъ даже цензъ для декуріона въ 100.000 сестерціевъ оцѣненнаго квинкенналомъ имущества. - Бѣдный человѣкъ не могъ идти въ курію и магистратуру, это его раззорило бы: да его бы и не выбрали - должности соединялись не только съ почетомъ, но и съ отвѣтственностью, а чѣмъ бы сталъ отвѣчать бѣднякъ?

Такая постановка дѣла сама собою оттѣсняла большинство народа на задний и низший планъ муниципальной жизни. Мало по малу аристократическая курія подавила въ мѣстномъ самоуправленіи демократическую общину (народное собраніе). Скоро не народъ будетъ избирать магистратовъ и декуріоновъ, а сама курія будетъ назначать ихъ изъ своей среды и сама будетъ пополняться изъ числа членовъ своихъ семействъ. Такъ выработается наслѣдственное сословіе куріаловъ - муниципальная знать, а народное общинное собраніе сойдетъ со сцены. Это произойдетъ въ III вѣкѣ.

Вл.

Если муниципальныя куріи хотя являлись органами мѣстной знати, то это тѣмъ болѣе должно было проявляться въ <u>провинціальныхъ сеймахъ</u>. Въ провинціальные жрецы, въ депутаты на сеймы, конечно не могъ быть избираемъ простой человѣкъ. Надписи показываютъ, что избранными всегда оказывались бывшіе магистраты, декурионы. Они были опытны въ дѣлахъ, имѣли авторитетъ. Они хорошо знали интересы, нужды и желанія своихъ городовъ, были ихъ глашатаями, поэтому оказывались и представителями. Мы имѣемъ много данныхъ о провинціальныхъ собраніяхъ въ позднѣйшіе вѣка имперіи – въ Дигестахъ, Кодексахъ, также въ надписяхъ и авторахъ. И мы видимъ по этимъ памятникамъ, что они принимаютъ все болѣе и болѣе сословный, аристократическій характеръ.

Факты, относящіеся къ исторіи провинціальныхъ сеймовъ во второй періодъ, хорошо сведены вкратцѣ у Фюстель де Куланжа*) и детально прекрасно анализированы у Гиро**). Мнѣ неумѣстно останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ, такъ какъ онъ относится къ одному изъ слѣдующихъ отдѣловъ курса. Я только приведу два-три факта изъ самаго поздняго момента, чтобы показать, къ чему пришли эти учрежденія въ концѣ концовъ.–

Провинціальные сеймы существовали въ теченіи всего IV в. и въ началѣ V. Одинъ законъ, относящійся къ 355 г., гласитъ, что провинціи имѣютъ пол-

*) Les institutions polit. II, 26-31

**) Les assemblées provinciales de l'empire Romaine.

ную свободу выражать свои желанія на сеймахъ и поддерживать ихъ черезъ депутатовъ передъ императоромъ.*) Позднѣе императоры Константинъ, Валентіанъ и Граціанъ постановили, что центральное правительство не имѣетъ права вмѣшиваться въ рѣшенія собраній, что депутата не только принимаетъ императоръ, но для поѣздки въ Римъ они пользуются даже государственною почтою (cursus publicus) безплатно.**) То же видно изъ историческаго повѣствованія Аммiана Марцеллина.***) Эдиктъ Гонорія отъ 418 г.(*) возстановляетъ эти собранія, дѣятельность которыхъ была пріостановлена временно во время смутъ. - Можно по сочиненіямъ Сидонія Аполлинарія прослѣдить исторію этихъ собраній въ Галліи въ V в.

Но во второмъ періодѣ собранія получаютъ нѣсколько иной характеръ. Въ нашемъ періодѣ они составлялись изъ выборныхъ излюбленныхъ людей общинъ, во второмъ депутаты являются уже сословными представителями, - это бывшіе дуовиры и крупные землевладѣльцы (primores civitatis - магнатов) безъ выбора; они могутъ участвовать въ сеймахъ всѣ. - Это уже чисто аристократическія собранія, въ которыхъ представлены лишь интересы знати, народъ отстраненъ совсѣмъ, и собранія перестали служить закрѣпленію прочныхъ, открытыхъ,

*) Cod. Theod. XII, 12, 1.

**) Cod. Theod. XII, 12, 7-9

***) XVIII, 1, II

(*) F. de Coulange. II, 29.

дружественныхъ, довѣрчивыхъ отношеній провинцій къ Риму, давая имъ возможность гарантированья своихъ нуждъ, открывая широкое поле для дѣятельности энергичныхъ и способныхъ людей, чему они отчасти способствовали, по крайней мѣрѣ для довольно многочисленныхъ классовъ общества въ первый періодъ имперіи.

Такъ, что при постепенномъ развитіи аристократической организаціи общества въ провинціальныхъ муниципіяхъ, провинціальные сеймы не могли оказаться самостоятельными демократическими органами и вслѣдствіе этого не могла въ провинціальномъ обществѣ, отчужденномъ въ большинствѣ отъ общественной дѣятельности и отъ средствъ экономическаго развитія, укрѣпиться надолго симпатія къ имперіи и поддержка ея. Впрочемъ императоры и сначала не предполагали построить провинціальные сеймы на началахъ демократическихъ и дать имъ политическую самостоятельность. - „Императоры, говоритъ Гиро, не предполагали, чтобы такія собранія могли какъ нибудь ограничивать ихъ власть. Будучи самодержавными господами въ силу своей проконсульской власти, они и не поняли бы и не допустили бы возможности, чтобы было сдѣлано какое нибудь значимое ограниченіе ея. Рядомъ съ ихъ правами, никакое притязаніе не могло считаться законнымъ, и самые лучшіе императоры, какъ Траянъ и Маркъ Аврелій, были бы скандализованы, если бы услышали тезисъ, что императорская власть пріостанавливается ✓теперь у входа въ законодательныя собра-

---

✓ у порога провинціальныхъ собраній, съ [illegible]

нія правительственная власть въ современныхъ государствахъ".

И такъ въ сущности и въ результатѣ провинціальныя собранія не являлись нисколько носителями верховной власти, а лишь средствами верховной власти руководить и контролировать управленіе, и они носили не демократическій, а аристократическій характеръ.

Такимъ путемъ подъ покровомъ мѣстныхъ учрежденій въ провинціяхъ выростала муниципальная знать, которая становилась во главѣ экономической и общественной жизни въ провинціальныхъ общинахъ. — Но достиженіе виднаго положенія въ родной муниціпіи не могло удовлетворить честолюбію и карьернымъ стремленіямъ этой знати. Что же заставляло выдающихся и богатыхъ представителей муниціпій такъ стремиться (какъ это видно изъ источниковъ), конкурируя другъ съ другомъ, къ отправленію муниципальныхъ honores?

Одного удовлетворенія „муниципальнаго честолюбія" было мало. Надобенъ былъ, какъ стимулъ для соціальной энергіи, какой нибудь сильный интересъ. Такимъ интересомъ для нихъ являлась надежда, пройдя чрезъ всѣ ступени муниципальной лѣстницы, получить римское гражданство, а съ нимъ вмѣстѣ доступъ къ должностямъ центральнаго управленія, которая открывали входъ въ новую коренную римскую общеимперскую знать, организующуюся постепенно около императорской власти.

Сол.

Кадрами и рамками для такой знати являлось во времена империи всадничество, котор. поддерживало империю и поддерживалось ею. Изъ него вырабатается впослѣдствии новое имперское сенаторство, а теперь оно пополняется главн. образ. изъ выслужившихся элементов, и уновшихся изъ муниципальнаго строя.

Первоначально эта новая знать явится послушным органомъ имперiи, будетъ вырастать на довольно широкой соцiальной основѣ, будетъ допускать въ свои ряды весьма многочисленные и разнообразные живые и здоровые элементы. Первоначально она явится „аристократiею заслуги", но впослѣдствии она захватитъ большiя (большiя) фактическiя привилегiи, подчинитъ себѣ экономически и политически общество, отчасти и государство, замкнется въ узкую и исключительную группу, нарушитъ равновѣсие между классами общества и расшатаетъ государство.

Я не говорю подробно объ этомъ очень сложномъ соцiальномъ процессѣ; это будетъ задача одного изъ слѣдующихъ отдѣловъ. Я только отмѣчаю, что „аристократизацiя" общества явится одной изъ самыхъ главныхъ причинъ паденiя имперiи въ концѣ, какъ относительная ея „демократизацiя" въ началѣ оказалась залогомъ ея торжества и силы.

Тутъ нѣтъ противорѣчiя: имперiя повела политику болѣе демократическую, чѣмъ республика (она поставила принципъ гражданскаго равенства), потому она восторжествовала. Но она

В.Кур[illegible]

не довела принципа до конца, - не дала уравненнымъ гражданамъ политической свободы и не удержалась отъ того, чтобы не окружить себя новою привилегированною знатью; потому потеряла солидарность съ обществомъ и стала разлагаться.

3.- Разбирая вопросъ объ органахъ романизацiи провинцiи, говоря о сословiи декурiоновъ и о городскихъ сенатахъ нельзя обойти молчанiемъ еще одного привилегированнаго и распространеннаго въ провинцiяхъ класса, въ нѣкоторомъ родѣ связаннаго съ культомъ Августа, - объ Августалахъ.

Изъ всѣхъ римскихъ писателей о нихъ упоминаетъ одинъ Петронiй, да и тотъ только одинъ разъ, и хотя въ надписяхъ находится много данныхъ о нихъ, но вопросъ о положенiи и значенiи Августаловъ до сихъ поръ еще не разрѣшенъ окончательно и возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнiя*).

Главнымъ элементомъ (а можетъ быть и единственнымъ), изъ котораго образовалась эта особая социальная группа - Августалы - было сословiе вольноотпущенниковъ (libertini), которыхъ было очень много въ Италiи и въ провинцiяхъ, потому что еще въ первые вѣка имперiи богатые люди отпускали преданныхъ выслужившихся рабовъ на волю по завѣщанiямъ; кромѣ этого способа су-

*) См. литературу объ Августалахъ у Willems Le droit public romain, p. 502. - Я придерживаюсь мнѣнiя Моммсена, которое высказано въ Staatsrecht.

щеся вольные и другіе, съ помощью которыхъ рабы добивались освобожденія. Изъ вольноотпущенниковъ образовался мало по малу многочисленный классъ, который фактически скоро пріобрѣлъ вліяніе. Не имѣя первоначально поземельной собственности и стоя на особомъ не то высокомъ, не то низшемъ, положеніи посреди остальныхъ свободныхъ классовъ имперіи, они занимались обыкновенно ремеслами и мелкой торговлею, а нѣкоторые и обширными коммерческими операціями. Многіе изъ нихъ начинали обыкновенно коммерческую карьеру съ ростовщичества, наживались и потомъ пускали нажитой капиталъ въ крупные обороты. Богатство дало имъ солидную силу въ обществѣ; они стали скупать земли и вообще сдѣлались мало по малу людьми значительными и домогались участія въ собраніяхъ и приданъ въ Римъ и уравненія въ правахъ съ свободнорожденными. Вполнѣ опредѣленнаго и юридически формулированнаго и утвержденнаго и существеннаго положенія они не добились, но фактически они играли большую роль, участвуя во всѣхъ выгодныхъ видахъ дѣятельности, и подчинивъ себѣ экономически многіе слои населенія и могли оказывать вліяніе и на государство.[1]

Оставлять вольноотпущенныхъ безъ всякихъ правъ правительство императоровъ не считало возможнымъ, классъ этотъ былъ значительный и ненадежный, потому что всякая революція, какая бы она ни была, прежде всего должна была отразиться на нихъ

[1] См. предш. изслѣдованіе Лемонье.

Сл.

карманъ и ихъ спокойствіи и правительство, видя въ нихъ своихъ естественныхъ сторонниковъ, искало средствъ упрочить ихъ положеніе. Еще Августъ рѣшился на мѣру, которая съ перваго взгляда могла показаться почти оскорбительною, но которая давала имъ особую организацію и сдѣлалась причиною ихъ силы. Онъ совсѣмъ отдѣлилъ ихъ отъ свободныхъ людей, но образовалъ изъ нихъ особый <u>ordo Augustalium</u>, которому и далъ мѣсто рядомъ съ городскими сенатомъ (куріями) Италіи и провинцій. Цѣлью этой мѣры было дать организацію вольноотпущенникамъ, приблизить ихъ къ органамъ муниципальной жизни и привлечь къ отправленію нѣкоторыхъ почетныхъ должностей въ городахъ. По установленію Августа городскія куріи избираютъ изъ числа ежегодно вольноотпущенниковъ по шести представителей, которые первоначально назывались просто <u>seviri</u> (шесть людей), а позднѣе <u>Seviri Augustales</u> и образовали правильную коллегію, соотвѣтствующую по числу членовъ правительственной коллегіи городскихъ магистратовъ (ихъ также было 6, - два дуовира, два эдила, и два квестора), избиравшихся также какъ они, на одинъ годъ. Они вѣдаютъ дѣла своихъ собраній, даютъ публичныя игры, имѣютъ казну (точные функціи ихъ неизвѣстны) и пользуются почетомъ во всѣхъ городскихъ празднествахъ и публичныхъ церемоніяхъ.

Когда севиры оставляли должность, они сохраняли всетаки выдающееся положеніе: они входили въ составъ особой корпораціи, образовывали изъ себя сословіе Августаловъ (<u>Ordo Augustalium</u>), которое

Въ.

могли, впрочемъ, пополняться и помимо севирата, черезъ назначенiе въ него членовъ императоромъ, преимущественно изъ числа либертиновъ. Почему этотъ новый классъ назывался Августалами, это понятно; вольноотпущенники всѣми правами были обязаны Августу. Цѣль установленiя корпорацiи была по видимому религiозная: Августалы были служителями мѣстнаго, домашняго культа Августа, въ которомъ онъ, а впослѣдствiи и другие императоры, почитался вмѣстѣ съ Lares familiares той или другой общины, рода или семьи.

По видимому Августалы имѣли особые жертвенники и выбирали особыхъ жрецовъ. Такимъ образомъ въ Италiи религiозная корпорацiя Августаловъ образовалась изъ первоначальной правительственной коллегiи севировъ. Въ провинцiяхъ по всей вѣроятности было тоже самое. По крайней мѣрѣ въ западныхъ провинцiяхъ мы находимъ очень много надписей, посвященныхъ Августаламъ.

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами органовъ римской власти и римскаго влiянiя въ провинцiяхъ ни одинъ не опирался на насилiе, и всѣ представляли свободныя формы: римское влiянiе основано было на цѣломъ рядѣ правительственныхъ учрежденiй. И въ данномъ случаѣ культъ идеи римской власти давалъ возможность презираемому сословiю либертиновъ устроиться на правильныхъ основанiяхъ. Вольноотпущенникъ, бывшiй рабъ, благодаря тому, что дѣлался членомъ коллегiи севировъ, благодаря тому, что потомъ становился близко къ культу Августа, поднимался высоко. По свидѣтельству Сатирика, Петро-

* Жрецами они, впрочемъ, вѣроятно и были, а представляли

нія. Августалъ не только не стыдился своего положенія, но еще и кичился имъ, считая себя не ниже римскаго гражданина. Петроній выставляетъ притязанія августаловъ въ комическомъ видѣ, но несомнѣнно, что это сословіе, освященное именемъ Августа и связанное съ его культомъ, стало играть важную роль въ провинціяхъ. Августалы были, вѣроятно, одною изъ тайныхъ пружинъ имперіи (arcana imperii), о которыхъ говоритъ Тацитъ и которыми имперія дѣйствовала, чтобы укрѣпить себя среди враждебныхъ элементовъ.

Тогда какъ декуріоны представляли провинціальную аристократію, которая могла стремиться проводить мѣстные интересы, Августалы являлись сословіемъ капиталистическимъ и промышленнымъ (нѣчто въ родѣ провинціально-муниципальнаго всадничества), тѣсно связаннымъ съ Римомъ и готовымъ защищать интересы имперіи, которые совпадали съ его интересами. Если только возникло бы въ средѣ первыхъ, въ силу не умершихъ еще въ нихъ воспоминаній преданій о прежней независимости, стремленіе отдѣлиться отъ римской власти,— вторые, искренно преданные Риму, которому были всѣмъ обязаны, должны были оказать этимъ стремленіямъ или упорное сопротивленіе,— энергическій отпоръ.

И такъ провинціальное общество временъ импе-

нѣчто въ родѣ хозяйственной коллегіи этого культа императоровъ. Но впрочемъ такую основную мысль высказывалъ мнѣ одинъ нашъ молодой ученый (М. И. Крашенинниковъ), работающій теперь въ Римѣ надъ вопросомъ объ Августалахъ.

Кур

ціи складывалось изъ трехъ главныхъ элементовъ:
1) Ordo decurionum - мѣстная аристократія. 2) Augustales - капиталистическое, промышленное сословіе, нѣчто похожее на римское ordo equester втораго періода республики. 3) Plebs universa - остальная большая часть населенія. Эти названія постоянно встрѣчаются на надписяхъ и именно въ такомъ порядкѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что провинціалы усвоили основныя черты и формы римской гражданственности и что общество ихъ представляетъ не безграничную или демократически равную массу, а до извѣстной степени расчлененныя сословія.-

---

5.

Другіе органы романизаціи провинцій. Результаты.

Описанные муниципальные центры населенія, которые были очень многочисленны, и число которыхъ все увеличивалось, являлись важными очагами распространенія римской культуры и гражданственности. Рядомъ съ вліяніемъ такихъ городскихъ общинъ, основываемыхъ по римскому образцу, по иниціативѣ императоровъ, въ разныхъ провинціяхъ и населявшихся мирными гражданскими элементами, римскими (обязательными колонистами и добровольными переселенцами) и туземными, слѣдуетъ упомянуть еще въ числѣ силъ, являвшихся проводниками романизаціи, вліяніе легіоновъ. Они являлись несомнѣнными носителями римской культуры и роль ихъ не

такъ.

ограничивалась однимъ военнымъ покореніемъ страны и подавленіемъ возстаній.–

При объясненіи такого значенія легіоновъ надо обратить вниманіе на то условіе, что составъ арміи римской былъ разноплеменный, что отдѣльныя части римскаго войска составлялись изъ людей, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ. Когорты и эскадроны кавалеріи, которые стояли, напр., вдоль Адріанова и Антонинова вала въ Британіи, на крайнемъ сѣверѣ римскихъ владѣній, составлялись, какъ показываютъ надписи, изъ самыхъ разнородныхъ племенныхъ элементовъ. Рядомъ стояли Астурійцы изъ Испаніи, Лингоны изъ Галліи, Далматы, Батавы изъ Бельгіи, Даки съ Дуная, даже Мавры двинуты на сѣверъ. Въ Ланкаширѣ и Эссексѣ мы находимъ надписи, которыя показываютъ, что тамъ стояли наши предки – Сарматы. То же явленіе замѣчается на германскомъ пограничномъ валѣ, въ глубокой Африкѣ, на нижнемъ Дунаѣ и т. д. Это передвиженіе и искусственное соединеніе самыхъ разнородныхъ частей въ одно цѣлое имѣло цѣлью денаціонализировать отдѣльныя части римскаго войска, лишить ихъ самостоятельнаго племеннаго характера и съ помощью римской дисциплины, римской команды слить ихъ въ одну массу, которая представляла бы прежде всего римскій солдатскій элементъ. И дѣйствительно въ этомъ отношеніи были достигнуты громадные успѣхи; эта разноплеменная масса дѣйствовала корпоративно, проводила въ жизнь не вліяніе отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ она состояла, а вліяніе той корпора-

тивно-римской силы, которая слагалась изъ этихъ элементовъ.

Разными способами дѣйствовала эта солдатская масса. Конечно расположенные въ большинствѣ случаевъ только на окраинахъ завоеванныхъ областей они не могли оказывать особенно глубокаго вліянія, но тѣмъ не менѣе они производили свое романизирующее дѣйствіе путемъ очень оригинальнымъ и интереснымъ; именно, они дали толчекъ возникновенію и распространенію такъ называемыхъ лагерныхъ городовъ.

Моммсенъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ ихъ происхожденіе[*]. Назначается въ какую либо изъ пограничныхъ мѣстностей завоеванной области стоянка одного или нѣсколькихъ легіоновъ. Разбивается лагерь; онъ не остается изолированнымъ, но около него закипаетъ дѣятельная жизнь. Солдаты нуждаются въ жизненныхъ припасахъ; для удовлетворенія этой потребности устраиваются въ недалекомъ разстояніи отъ лагеря, за его чертой, бараки маркитантовъ и появляются всякаго рода торговцы. Тутъ же вблизи отъ лагеря поселяются женщины, сожительницы легіонеровъ: онѣ не признавались правительствомъ за вполнѣ законныхъ женъ (легіонеры не имѣли права вступать въ законный бракъ, пока находились на службѣ), но дѣти родившіяся отъ ихъ сожительства съ легіонерами, признавались, въ видѣ гражданской льготы, законными.

Вскорѣ за ними стекаются и утверждаются

---

*) См. нѣм. филологическій журналъ Hermes, томъ VII.

привлеченныя большою солдатскою массою ищущія легкихъ связей изъ-за наживы публичныя женщины. Дѣти, происходившія отъ полупризнанныхъ браковъ легіонеровъ, когда достигали извѣстнаго возраста, поступали, обыкновенно, сами въ войско (какъ наши прежніе кантонисты). Жители возникающаго такимъ образомъ лагернаго поселенія не ограничивались женами легіонеровъ, ихъ дѣтьми и женщинами легкаго поведенія или всякаго рода коммерческими людьми, желающими эксплоатировать потребности многочисленнаго военнаго отряда. Тутъ же часто оставались выслужившіе свой срокъ и вышедшіе въ отставку ветераны, не имѣвшіе возможности или не пожелавшіе вернуться на родину. Ветераны были уже полноправными римскими гражданами. Такимъ образомъ около лагернаго вала скучивалось пестрое населеніе, которое строило себѣ постоянныя жилища и поселялось тутъ навсегда. Строились тутъ различныя зданія, необходимыя для религіозныхъ и житейскихъ потребностей и для удовольствій, которыя запрещено было строить внутри лагерной черты. Воздвигались храмы (въ лагерѣ могли быть только жертвенники) устраивались бани, строились цирки, амфитеатры. Все это воздвигалось руками солдатъ и мало по малу возникалъ около лагеря посадъ, а потомъ цѣлый городъ съ кипучею жизнью и оживленною торговлею.

Такіе города легко получали право колоній, которыхъ не надо смѣшивать съ поселеніями; основаніе колоніи — единичный фактъ, понятіе о лагерномъ городѣ возбуждаетъ въ мысляхъ представленіе о цѣ-

Ґиј.

томъ медленномъ ростѣ постояннаго гражданскаго центра населенія вокругъ военной стоянки.

Остатки лагерныхъ городовъ до сихъ поръ существуютъ въ Европѣ и сѣв. Африкѣ. На ихъ мѣстѣ возникли потомъ новые города, въ распланировкѣ главныхъ улицъ которыхъ можно еще теперь узнать планъ римскаго лагеря. Къ нимъ принадлежатъ въ Европѣ: Вѣна (римская Vindobona), нѣкоторые изъ рейнскихъ городовъ, напр. Кобленцъ (Confluentes), Майнцъ (Magontiacum), многіе города въ Англіи, имена которыхъ оканчиваются на честеръ (отъ Castra – лагерь) и т. д. Но особенно характерный образецъ такихъ лагерныхъ городовъ представляютъ развалины древняго города Lambaesis (Ламбесса) въ сѣв. Африкѣ, въ глубокой, отдаленной от моря Нумидіи. Это собственно уже не существующій теперь городъ; отъ него остались теперь развалины, около которыхъ находится жалкое арабское поселеніе. Ламбесса интересна именно тѣмъ, что на ней не устроилась средневѣковая и современная жизнь; вслѣдствіе этого на развалинахъ ея лучше замѣтно, какъ постепенно выростала городская жизнь изъ римскаго лагеря. Развалины эти очень красорѣчивы, если взять даже только самыя основныя черты. Ламбесса была построена въ 127 году по Р. Х. Если произвести хронологическую классификацію остатковъ, которые находятся теперь въ этой мѣстности, то можно будетъ распредѣлить эти остатки на 2 главныя группы: остатки 2го вѣка, литыя надписи и развалины, котор. можно пріурочить къ 3^{му} и позднѣйшимъ вѣкамъ. Остатки 2го вѣка носятъ одинъ ха-

рактеръ, остатки 3-го и 4-го вѣковъ - совершенно другой. Если игнорировать остатки 3-го и 4-го вв. и посмотрѣть, чѣмъ была Ламбесса по свидѣтельству надписей и остатковъ во 2-мъ вѣкѣ, то мы можемъ воссоздать лагерь, найдемъ массу надписей солдатскаго характера: надписей отпускныхъ, надписей относительно боговъ, покровителей отдѣльныхъ отрядовъ - надписей военныхъ, которыя лежатъ въ кругу лагернаго четырехугольника. Затѣмъ мы-въ сторонѣ отъ этихъ солдатскихъ надписей, приблизительно въ верстѣ, помѣщается группа надписей гражданскаго характера. Это то гражданское общество, которое выросло около лагеря, потому что солдаты жили тамъ по нѣсколько десятковъ лѣтъ. Тутъ жили ихъ жены, тутъ они закупали провизію, однимъ словомъ, складывалась своеобразная жизнь, къ которой притягивались элементы мѣстные, провинціальные. Начиная съ 3-го вѣка картина измѣняется; мѣстоположеніе надписей и развалинъ становится инымъ. Чисто мирный городъ выростаетъ постепенно въ самомъ лагерѣ и наоборотъ, городъ же лагерь перемѣшивается, мирныя надписи попадаются и въ лагерѣ, мирныя, военныя - внѣ лагеря; и чѣмъ дальше, тѣмъ больше перемѣшиваются эти первоначально разграниченные виды остатковъ. Такимъ образомъ лагерь сдѣлалъ свое дѣло, онъ создалъ рядомъ съ собой поселеніе. Поселеніе разростается и наступаетъ моментъ, когда нельзя болѣе различить остатковъ, когда городъ поглотилъ лагерь. Это случилось отчасти даже съ офиціальнаго разрѣшенія. Септимій Северъ позволилъ

солдатамъ жить внѣ лагеря. И понятно, что подобное разрѣшеніе повело къ тому, что въ Ламбессѣ напр. гдѣ солдаты первоначально селились въ четырехугольникѣ, стали селиться за его предѣлами. Такъ выросъ изъ лагеря городъ.

Такіе лагерные города представляли несомнѣнно также дѣятельные центры утвержденія и распространенія римской культуры лучшимъ, кругомъ среди туземцевъ, которые и притягивались въ новый центръ различными экономическими побужденіями и романизовались изъ центра при помощи возникавшихъ постоянныхъ отношеній. Въ такомъ смыслѣ одинъ ученый остроумно сравнилъ роль римскихъ легіонеровъ въ провинціяхъ съ дѣятельностью средневѣковыхъ монаховъ, такъ вносившихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ начатки культуры и просвѣщенія въ дикіе углы Европы.

Всѣ разсмотрѣнные центры дѣятельной и развивающейся мѣстной жизни въ провинціяхъ служили, какъ сказано, прекрасными исходными пунктами для распространенія римской культуры. Частные пути такого распространенія были въ отдѣльныхъ случаяхъ разнообразны. Столкновеніе въ одной городской общинѣ римскихъ и не-римскихъ элементовъ производило треніе между цивилизаціей и варварствомъ, причемъ послѣднее, какъ болѣе слабое, уступало. Уступка облегчалась еще тѣми преимуществами, которыя сулила туземцу перспектива принятія римскихъ формъ быта — различныя экономическія привилегіи и гражданскія права.

Такъ

люди необразованные, вслѣдствіе столкновенія съ образованными въ городахъ, - принимали культурное обличье. Но и сами города, основываясь и развиваясь среди варварскихъ мѣстностей, разлагали племенное устройство, притягивая къ себѣ разбросанное на окружающей территоріи населеніе. - „Городская" культура" замѣняла сельскую". Муниципальная община стала на мѣсто клана или рода.

Далѣе тѣ же города и населявшіе ихъ римскіе элементы общества, ветераны-колонисты, легіонеры, пришлые промышленники, искатели счастья, чиновники и администраторы, новые землевладѣльцы и т.д. могли дѣйствовать и дѣйствовали цивилизующимъ образомъ въ разныхъ областяхъ:

1) Въ области домашняго быта и матеріальной культуры: вводился римскій образъ жизни въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, гигіенѣ, удобствахъ, роскоши и вообще въ удовлетвореніяхъ повседневныхъ потребностей.

2) Въ области производительной хозяйственной дѣятельности: распространялась земледѣльческая культура, утверждались лучшіе способы обработки земли, вводились новые виды культуры - виноградники, плодовые деревья, техническія растенія, вообще садово-огородная культура и т.д., измѣнялись способы эксплоатаціи земли и поземельныхъ отношеній. Кромѣ того проникали въ провинціи разныя отрасли промышленности - шелководство, овцеводство, винодѣліе, гончарное дѣло, горный промыселъ и т.п. Утверждалась и распространялась и-

вѣка мирнаго торговаго сношеній.

3) Въ области умственнаго просвѣщенія произошло распространеніе латинскаго языка и римской образованности, - не только вслѣдствіе непосредственнаго общенія, но и вслѣдствіе сознательной пропаганды школами, появленіе которыхъ сопровождало утвержденіе римскаго господства. Учреждались государственныя школы, но не на счетъ центральнаго правительства, а на средства муниципій. Школы представляли явленіе необходимое и серьезное: для того, чтобы туземцы провинцій могли вступить въ число римскихъ гражданъ, - а къ этому всѣ провинціалы сначала горячо стремились, они должны были научиться латинскому языку и освоиться съ римской цивилизаціей. Плиній и подтверждаетъ, что муниципіи заводили школы. Есть указанія и въ надписяхъ, и сохранились остатки, свидѣтельствующіе о томъ, что въ нихъ преподавались латинскій и греческій языки. Напр. въ Испаніи найденъ кирпичъ съ начертанными на немъ двумя первыми стихами Энеиды, который, вѣроятно, списанъ прописью. Есть надпись, упоминающая объ учителяхъ.

Результатомъ совокупнаго дѣйствія описанныхъ нами мѣръ, результатомъ мудрой политической системы имперіи относительно провинцій была полная романизація Запада, выразившаяся нагляднѣе всего въ усвоеніи всѣми народами юго-западной Европы латинскаго языка, или точнѣе, двухъ латинскихъ языковъ. У испанцевъ, какъ и у [illegible], болѣе или менѣе развившихся, су-

ществовало два языка - одинъ литературный языкъ, на которомъ писали авторы и говорили люди привилегированныхъ классовъ, и другой - народный, крестьянскій, - разговорный языкъ низшихъ классовъ населенія. Различіе между ними было настолько значительно, что крестьянинъ Италіи не понялъ бы сочиненій и рѣчей Виргилія и римскихъ поэтовъ. Въ провинціяхъ распространился и тотъ и другой. Въ школахъ преподавали литературный латинскій языкъ, который и усваивался высшимъ образованнымъ классомъ, но въ массу проникала народная латынь - sermo rusticus, lingua Latina vulgaris, занесенная въ провинціи легіонерами и промышленниками. Народная латынь вела упорную борьбу съ кельтскими и иберійскими нарѣчіями. Подробное разсмотрѣніе этого явленія не входитъ въ программу нашего курса, являясь вопросомъ, принадлежащимъ скорѣе къ области исторіи литературы; но и мы должны констатировать фактъ, что народная латынь, отличавшаяся отъ литературнаго языка Римлянъ не только лексически, но и синтаксически, послужила основою для первоначальнаго общероманскаго языка, на которомъ заговорило подъ римскимъ вліяніемъ населеніе Испаніи, Галліи и Дунайскихъ провинцій, и изъ общаго лона котораго выдѣлились впослѣдствіи языки: испанскій, итальянскій и румынскій. На этомъ общемъ происхожденіи отъ одного корня народной латыни зиждется родство и сходство романскихъ нарѣчій, подобно тому какъ изъ небольшого вліянія римской крови и римской культуры выросло сходство племенного характера

и духа романской цивилизацiи.

4) Наконецъ должна быть указана еще одна сторона романизующаго влiянiя центра римскаго мiра на его провинцiи: сфера религiозно-нравственная. Мѣстные культы подчинились постепенно господствующей въ Римѣ религiи; на религiозной жизни отражались факты, измѣняющiе состоянiе вѣрованiй въ центрѣ, создалось мало по малу единое религiозное сознанiе и настроенiе и такое религiозное сближенiе на почвѣ язычества, поклоняющагося однимъ и тѣмъ же богамъ на одномъ и томъ же латинскомъ языкѣ, подготовило почву для распространенiя христiанства.

Таковы должны были быть естественныя послѣдствiя долговременнаго сложнаго взаимодѣйствiя въ западныхъ провинцiяхъ имперiи Римской культуры съ европейскимъ варварствомъ. Процессъ такого взаимодѣйствiя долженъ былъ дѣлаться особенно интенсивнымъ благодаря тому, что римская имперiя придала ему систематическiй характеръ.

Было бы важно разсмотрѣть фактически результаты романизацiи, которая являлась одновременно и естественнымъ процессомъ столкновенiя различныхъ типовъ культуры и систематической соцiальной политикой императоровъ. Для этого пришлось бы сдѣлать культурно-географическое описанiе отдѣльныхъ провинцiй Запада, какъ бы научную археологическую прогулку по римскому мiру, возвращаясь мысленно къ тому перiоду, когда романизацiя дала уже замѣтные ре-

зультаты, т.е. начиная съ I-го вѣка и кончая III-мъ вѣкомъ по Р.Х. - За недостаткомъ времени мы должны отказаться отъ такой задачи и ограничиться указаніемъ нѣсколькихъ фактовъ въ видѣ примѣровъ и самыхъ общихъ выводовъ.

Конечною цѣлью политики романизаціи было созданіе изъ всѣхъ различныхъ частей римскаго міра одного сплоченнаго культурно-политическаго цѣлаго на мѣстѣ множества отдѣльныхъ этнографическихъ міровъ, которые представляли изъ себя провинціи. Созданіе одной великой Романіи (Romania), связанной цѣлою сѣтью внутреннихъ нитей съ великимъ центромъ - Римомъ (Roma). Связи эти должны были быть внутренними; общая кровь должна была циркулировать по всему вновь создавшемуся огромному организму изъ одного великаго центра, оживляя органы общею однородною жизнью. Но для такого внутренняго сліянія на мирныхъ началахъ необходимы были и матеріальные пути, по которымъ, какъ по артеріямъ или нервамъ могла совершаться передача жизненныхъ процессовъ, развивающагося культурнаго теченія. Роль эту выполняли знаменитыя римскія дороги, о которыхъ надо упомянуть также, какъ о важномъ проводникѣ романизаціи. Остатки римскихъ путей сообщенія многочисленны и до сихъ поръ прочны, существуютъ во всѣхъ бывшихъ римскихъ провинціяхъ и до сихъ поръ составляютъ ~~(предметъ удивленія)~~ для путешественниковъ, которымъ случалось при видѣ ихъ предметъ удивленія ~~дивиться~~ высотою развитія римскаго инженернаго искусства и огромною культурною энергіею Римлян

Великолѣпныя дороги во времена Римской имперіи положительно изрѣзывали по всѣмъ направленіямъ огромное государство. Провести превосходное шоссе, прочно настланное, состоявшее изъ нѣсколькихъ слоевъ камня, песку и щебня, было первымъ дѣломъ римскаго полководца послѣ завоеванія края. Дороги были первымъ средствомъ просвѣщенія римскаго владычества, сначала матеріальнаго, а потомъ и умственнаго и нравственнаго. Гиббонъ говоритъ, что послѣ покоренія Британіи можно было проѣхать по шоссейнымъ дорогамъ непрерывно, переправившись только черезъ Ламаншъ, а потомъ черезъ Дарданеллы, — отъ вала Антонина на границѣ Шотландіи, вплоть до самаго Іерусалима. По этому можемъ судить, какъ широко распространены были римскія шоссейныя дороги по всему обширному пространству имперіи.

Насколько дороги были прочно устроены, видно ясно изъ того, что въ нѣкоторыя времена года, именно весною, во время таянія снѣговъ, въ Швейцаріи предпочтительно пользуются и теперь ихъ остатками передъ нынѣшними дорогами. Расположены онѣ были очень умно въ виду стратегическихъ цѣлей: онѣ прорѣзывали всѣ главные пункты провинцій и соединяли ихъ съ Италіей и Римомъ. Въ Италіи такія дороги проводились еще во время республики и служили первоначально для военныхъ, а потомъ для торговыхъ цѣлей.

Для того чтобы обезпечить безопасный проѣздъ по дорогамъ, на ихъ протяженіи раздавались желающимъ участки земли изъ ager publicus, причемъ

поселенцы должны были нести придорожную полицейскую службу. Забота о поддержаніи дорогъ лежала на муниципіяхъ, - это составляло впослѣдствіи даже тягостную повинность. По дорогамъ заведена была государственная почта (cursus publicus), устроенная весьма правильно. Станціи часто слѣдовали одна за другою, держали большое количество предписанныхъ лошадей, такъ что можно было совершать путешествіе очень быстро. Правда что по общему правилу государственною почтою могло пользоваться лишь правительство и уполномоченныя имъ лица; но правительство своими сношеніями съ провинціями и учрежденіями, которыя тамъ развивались по его инициативѣ и съ его помощью, первоначально вездѣ и являлось самымъ сильнымъ органомъ романизаціи, именно вслѣдствіе сознательности и систематичности плана и дѣйствій. Да и кромѣ того за правительственными органами слѣдовали на собственныя средства, по только что описаннымъ матеріальнымъ артеріямъ, проникая во всѣ значительные провинціальные центры населенія, - различныя другія силы, несущія цивилизацію. Она утверждалась, образуя въ провинціяхъ первоначальныя гнѣзда или очаги дальнѣйшаго матеріально-культурнаго, соціально-политическаго и умственнаго развитія, изъ которыхъ снова возникало самостоятельное лучеиспусканіе культурныхъ силъ.

Такъ совершился великій всемірно-историческій процессъ, результатомъ котораго было возникновеніе европейской цивилизаціи, первымъ съме-

В. м. Куз.

немъ котораго были великіе плоды развитія эллинскаго генія, переработанные Римомъ и выросшее въ грандіозное культурное цѣлое.

Новая, идущая съ Востока религіозно-нравственная мысль, скоро объединится съ этимъ зачаткомъ и дастъ имъ новую могучую силу. И совмѣстный геній европейскихъ націй, воздѣланный греко-римскимъ и христіанскимъ вліяніемъ, путемъ многихъ вѣковъ работы создаетъ то, чѣмъ мы живемъ и что называемъ нашей цивилизаціей. Первый шагъ въ созданіи этой цивилизаціи на почвѣ, занятой предками современныхъ европейскихъ народовъ, сдѣланъ Римлянами въ формахъ Римской Имперіи. Въ этомъ ея великое всемірное историческое значеніе.

Конецъ II-го выпуска II-ой части.

Примѣчаніе. Послѣдняя глава даннаго отдѣла (Краткій очеркъ романизаціи отдѣльныхъ провинцій) издается впослѣдствіи, какъ дополненіе къ настоящему отдѣлу и на экзаменѣ требоваться не будетъ, хотя и введена въ предварительную программу.-

[illegible]

Когда [illegible] въ Римской [illegible]

[illegible]

Конецъ I выпуска 1го года.

[illegible]